

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

4

**Материалы грузино-абхазской конференции:
гражданское общество, беженцы,
государственное устройство**

Москва, 25-27 марта 2000 г.

Ирвайн
2000

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhazian Conflict

Editors: Paula Garb
Arda Inal-ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by a grant from
The William and Flora Hewlett Foundation.

Copyright © 2000 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(949) 824-1227
(949) 824-1544 fax

Светлой памяти Зураба Ачбы посвящается

Содержание

Предисловие	7
Foreword	9
Манана Гургулия. Гражданское общество в Абхазии: тенденции развития	11
Нателла Акаба. Гражданское общество и мирные инициативы	22
Давид Силагадзе. Народная дипломатия в абхазском конфликте (из опыта неправительственного общественного движение “Примирение”)	33
Абесалом Лепсая. Ситуация в Абхазии как модель замкнутого общества при наличии внешнего конфликта. Факторы, влияющие на урегулирование.	60
Давид Бердзенишвили. Единство через разделение. Проблемы регионализма Грузии и общего грузино-абхазского государства	88
Сергей Арутюнов. Еще один вариант урегулирования грузино-абхазского конфликта	98
Станислав Лакоба. Грузино-абхазские отношения в контексте российской политики на Кавказе	104
Тинико Хидашели. Регулирование конфликта путем государственно-территориального устройства	130
Гиоргий Хубуа. Федерализм как средство преодоления конфликтов ...	147
Лиана Кварчелия. Современный контекст и перспективы грузино-абхазского урегулирования (материалы исследования общественного мнения методом фокус-групп)	174
Батал Кобахия. Отношение к проблеме беженцев (результаты опроса методом фокус-групп)	186
Нодар Сарджвеладзе, Дареджан Джавахишвили, Теймураз Сихарулидзе. Беженцы о примирении, безопасности и возвращении в Абхазию	221
Арда Инал-Ипа. О текущем моменте	242

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами четвертый выпуск серии публикаций, возникшей в результате продолжающегося диалога о различных аспектах грузино-абхазского конфликта. Спонсор этого проекта – Калифорнийский университет в г. Ирвине, финансируется он Фондом Уильяма и Флоры Хьюлит. Авторы статей этого выпуска – ученые, журналисты и члены неправительственных организаций с обеих сторон конфликта. На сегодняшний день общее число участников наших конференций (всего состоялось пять таких конференций) и множества параллельных встреч достигло 42 человек.

Цель нашего проекта – содействовать конструктивному диалогу все более широких кругов представителей общественности. Мы надеемся, что такой диалог будет способствовать миротворческому процессу. Мы считаем, что прочный мир возможен там, где в обсуждение истории и причин конфликта и поиск взаимоприемлемых решений вовлечены все секторы общественности. Эти гражданские миротворческие инициативы служат дополнением миротворческому процессу, идущему на официальном уровне.

Статьи, включенные в этот выпуск, представляют собой доклады, прочитанные 25-27 марта на конференции в Москве. Главными темами этих докладов были развитие гражданского общества, различные модели государственного устройства и общественное мнение обеих сторон конфликта по проблеме беженцев. Каждый доклад сопровождался откровенной и конструктивной дискуссией.

Сами участники так высоко оценили эти дискуссии, что мы решили включить их в настоящее издание. Во избежание повторов и невнятицы, записи дискуссий были отредактированы – ведь устная речь отличается от письменной, а нам надо было выдержать стиль печатной публикации. Но выступления участников дискуссии воспроизводятся без каких-либо существенных изменений.

На последней нашей встрече, состоявшейся 26-28 августа в Адлере, доклады были посвящены, в основном, все тем же вопросам политического статуса и возвращения беженцев, но дискуссия шла уже на другом уровне. Была затронута и другая тема – преемствен-

ность культур в контексте государственного строительства. Материалы этой встречи сейчас находятся в печати.

Мы будем продолжать и диалог, и серию публикаций, и мы будем рады вашим откликам как на этот, так и на будущие выпуски – они пригодятся для планирования дальнейшей деятельности. Вы можете связаться с редакторами и координаторами проекта по электронной почте – вот их адреса: pgarb@uci.edu, paatazak@access.sanet.ge, Abkhazia_NGO@yahoo.com.

Более подробную информацию о нашем проекте можно найти в Интернете на сайте <http://hyratia.ss.uci.edu/gpacs/peacemaking.html>.

Мы благодарны сотрудникам Кавказского института мира, демократии и развития и сухумского Центра гуманитарных программ за их большую помощь при редактировании и издании этого тома.

Арда Инал-ипа,
Центр гуманитарных программ

Паата Закареишвили,
Кавказский институт мира, демократии и развития

Пола Гарб,
Институт исследований миротворчества и конфликтологии,
Калифорнийский университет, Ирвайн

FOREWORD

This is the fourth volume in a series of publications resulting from dialogues on various aspects of the Georgian-Abkhaz conflict. The project is sponsored by the University of California, Irvine, with funding from The William and Flora Hewlett Foundation. The authors of this volume's articles are academics, journalists and members of nongovernmental organizations on both sides of the conflict. A total of forty-two people have participated in the five conferences and numerous parallel meetings held so far.

The goal of the project is to promote constructive dialogue among increasingly wider circles of people in the local communities in hopes of contributing to the peace process. We believe that a lasting peace is possible when all sectors of the public are engaged in conversation about the history and causes of the conflict and about mutually acceptable solutions. Therefore these citizen peacebuilding efforts complement the official peace process.

The articles in this volume were presented at a conference held in Moscow, March 25-27. They focus on civil society development, diverse models of states, and public opinion on both sides of the conflict toward refugees. The conversations after each presentation were frank and constructive.

Since the participants found these discussions so valuable we decided to include them in this publication. The transcripts were edited to avoid repetition and enhance clarity. After all, the spoken language differs from the written style appropriate for publication. The editors made no substantive changes to participants' remarks.

Presentations from the most recent conference held in Adler, August 26-28, continued to focus on these issues of political status and refugee return, taking the discussions to a new level. Another topic in that dialogue was cultural continuity in the context of statebuilding. The resulting publication is currently in press.

We will continue the dialogue process and the series of publications. We welcome your feedback on this and other volumes as we plan future activities. The editors and project coordinators can be reached at the following email addresses: pgarb@uci.edu, paatazak@access.sanet.ge, Abkhazia_NGO@yahoo.com.

More information about the project is available on the internet at <http://hypatia.ss.uci.edu/gpacs/peacemaking.html>.

We are grateful to the staffs of the Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development and the Centre for Humanitarian Programmes for their major contributions to the editing and publishing of this volume.

Arda Inal-ipa,

The Centre for Humanitarian Programmes

Paata Zakareishvili,

The Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development

Paula Garb,

University of California, Irvine, Global Peace and Conflict Studies

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В АБХАЗИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Распад Советского Союза, сопровождавшийся возникновением то тут, то там так называемых «горячих точек», в то же самое время послужил толчком для развития гражданского общества, демократизации общественной жизни. Противопоставление общественных и индивидуальных интересов, превознесение первых и недооценка, а то и полное игнорирование вторых, оказалось исторически несостоятельным и бесперспективным.

В жизни людей переплетены самые различные интересы: общие, индивидуальные, групповые. Если задачей государства, в первую очередь, является защита общих интересов своих граждан, то индивидуальные, групповые интересы, их проявление и реализация относятся к сфере деятельности гражданского общества, на что обратил внимание еще в прошлом веке немецкий философ Гегель.

В современной научной литературе существует множество определений гражданского общества. В широком смысле, под ним подразумевают всю совокупность неполитических отношений, включая экономические, социальные, культурные, этнические, религиозные, духовные, нравственные и др. По определению известного политолога А. Миграняна, «гражданское общество – это «сфера спонтанного самоопределения свободных индивидов и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций граждан, которая ограждена необходимыми законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности этих граждан со стороны органов государственной власти». (1)

При всем многообразии подходов, аспектов, дефиниций большинство исследователей сходится в том, что гражданское общество обеспечивает активность и самореализацию индивидов в обществе; предоставляет возможность для развития и расширения демократии, ограничивает функции государства, степень его вмешательства в

жизнь людей; осуществляет определенный контроль за деятельностью государства.

Грузино-абхазский конфликт и гражданское общество

Неурегулированность государственно-правовых отношений между Грузией и Абхазией, экономическая изоляция, вызванная решением Саммита глав государств СНГ об экономических санкциях (январь 1996 г.), политическое давление со стороны международных организаций, посредников и наблюдателей на переговорах, угрозы применения силы, время от времени раздающиеся из Тбилиси, опасение абхазов по поводу возможности широкомасштабных военных действий (к терактам, диверсиям и вооруженным стычкам в Гальском районе, кажется, все уже привыкли) – это фон, на котором происходит становление и развитие государства и гражданского общества в Абхазии.

Безусловно, грузино-абхазский конфликт повлиял на характер и тенденции развития гражданского общества. В основе многих этнонациональных и этнополитических конфликтов лежит страх перед исчезновением этноса, его языка, культуры, обычаев. В условиях межэтнической напряженности на первый план выходит этнонациональная приверженность. Она пронизывает все сферы общественной жизни. «Во время конфликтов этнонационально разделенное общество состоит уже не из рабочих и работодателей, покупателей и продавцов, консерваторов и либералов, а по большому счету из представителей различных этнонациональных групп. Этнонациональное измерение превалирует над всеми другими формами социальной сегментации».(2) Так, в конце 80-х годов в Абхазии стали появляться общественные организации, движения, культурно-благотворительные общества, объединявшие граждан не в последнюю очередь по национальному признаку.

Военная агрессия Грузии объединила вокруг абхазов большинство негрузинского населения. Объяснением этому могут служить серьезные просчеты в национальной политике Грузии; умелое использование абхазским руководством ошибок грузинских властей; поддержка общественных объединений различных этнических групп

проживающих в Абхазии, в частности, армянских, русских, греческих. «Мародерство и бандитизм, которыми войска Госсвета «отметили» свое вторжение в Абхазию, окончательно определили выбор большей части населения республики». (3)

Уже после войны роль консолидирующего фактора стало выполнять наличие постоянной угрозы возобновления военных действий, экономические трудности, обусловленные, в том числе, и режимом экономических санкций, понимание опасности внутреннего раскола общества (яркий тому пример – чеченские события), стремление к признанию независимости Абхазии мировым сообществом. Но этого недостаточно. Нельзя долгое время эксплуатировать опасения людей. Трудности послевоенной жизни, которые приходится испытывать большинству населения республики, могут объединять людей лишь на время. Частые ссылки властей на то, что сегодня живет неслладко даже там, где не было войны, сегодня мало кого убеждают. Выход из этой ситуации следует искать на пути развития демократии и гражданского общества, создания материальных и духовных предпосылок для творческой самореализации личности, утверждения приоритета прав человека при уважении коллективных прав различных социальных и этнических групп.

Грузино-абхазский конфликт повлиял и на выбор приоритетов деятельности неправительственных организаций. Неправительственные, некоммерческие организации нового образца, возникшие после войны, занимались, в первую очередь, проблемами медицинской и социально-психологической реабилитацией населения. *(Следует различать общественные организации, создававшиеся еще в условиях советской системы и получавшие финансовую поддержку со стороны государства, и неправительственные, некоммерческие организации западного образца, опирающиеся прежде всего на гражданскую инициативу)* Такие организации, как Союз защитников Абхазии, Союз ветеранов Отечественной войны 1992-1993 г.г., Ассоциация инвалидов были созданы с целью защиты прав участников войны, поддержки и оказания помощи инвалидам, семьям погибших, детям – сиротам.

Еще до войны различные общественные организации и движения предпринимали попытки по предотвращению конфликта, поис-

ку путей и взаимоприемлемых вариантов сосуществования Грузии и Абхазии. После войны НПО активно включились в процесс народной дипломатии, понимая, что «именно диалог может создать предпосылки для взаимопонимания, достижения согласия, как внутри двух сообществ, так и для установления между этими сообществами добрососедских отношений». (4)

Гражданское общество и государство

Гражданское общество не существует изолированно от государственной власти. Это – различные, и, в то же время, внутренне взаимосвязанные стороны общественной жизни, как целого.

Построение демократического правового государства, декларируемое политиками, невозможно без развития гражданского общества. Прогресс в сфере политической жизни немислим без соответствующих изменений в социально-экономической и духовной областях. Гражданское общество является социальной основой государства, которое, в свою очередь, через принятие соответствующих законов формирует правовую базу функционирования гражданского общества. Деятельность неправительственных организаций в Абхазии регламентируется законами «Об общественных объединениях, политических партиях и движениях» и «О благотворительной деятельности в Республике Абхазия». Различные экономические структуры и коммерческие предприятия создаются в соответствии с законами «О предприятии и предпринимательской деятельности», «Об иностранных инвестициях» и др.

Многие законы, принимаемые государством, часто становятся предметом обсуждения общественности, что власти не всегда поощряют. Это касается принятия конституции, законов о выборах президента, депутатов парламента, органов местного самоуправления, законопроекта о СМИ. Низкая правовая культура гражданского общества позволяет властям манипулировать им. Так, в качестве аргумента для внесения изменения в статью 71 Конституции, закрепляющую принцип несменяемости судей, многие люди приводили следующее суждение: «Почему, если даже президент, глава государства, избирается всего лишь на 5 лет, судьи должны работать на постоянной ос-

нове?» Примечательно, что на референдуме 98% проголосовало за выборность судей.

У государства, основной целью которого является защита общих интересов, в силу объективных и субъективных причин не всегда доходят руки до индивидуальных интересов его граждан. Гражданское общество через создание различных ассоциаций, коммерческих структур, НПО, общественно-политических движений, социальных и культурных объединений обеспечивает индивидуальные и коллективные интересы граждан. В условиях послевоенной Абхазии, когда большинство государственных предприятий либо вообще не работает, либо функционирует не в полном объеме, развитие частного сектора в экономике и сельском хозяйстве позволяет людям получить работу, средства к существованию, реализовать собственную инициативу. Расширяется поле деятельности НПО. Это – и помощь престарелым и инвалидам, и социально-психологическая реабилитация, и экология, и благоустройство городов и сел, и молодежные и детские программы, и многое другое.

«Республика Абхазия признает и гарантирует права и свободы, закрепленные во Всеобщей Декларации Прав Человека, в международных пактах об экономических, социальных и культурных правах, о гражданских и политических правах, других общепринятых международно-правовых актах», – отмечается в статье 11 Конституции РА. Безусловно важен факт признания и гарантий на конституционном уровне основных прав и свободы граждан. Но без конкретного, действенного механизма обеспечения их реализации статья конституции может остаться лишь декларацией. Государственные органы защиты прав человека – Национальная комиссия по правам человека и соответствующая парламентская комиссия – основной акцент в своей работе делают на защите политических прав абхазского народа. Практика, в том числе и международная, показывает, что органы, обеспечивающие защиту прав человека, должны быть независимыми от государственных структур. Последние, в случае конфликта между гражданином и государством, чаще всего защищают корпоративные интересы. А посему, функции по защите прав человека частично, чаще взяли на себя некоммерческие) НПО, в перечне основных направлений деятельности которых значится и правозащитная

деятельность. По мнению юриста Зураба Ачба, действенным органом «защиты населения от бюрократического произвола» может стать институт «омбудсменов», формируемый парламентом, но независимый от государства. (5) Хотя, пример той же Грузии показывает, что дело не в учреждении института «омбудсменов», а в гарантиях их независимости. Омбудсмен может оказаться вполне управляемым, угодным властям.

Институты гражданского общества

К основным институтам гражданского общества относятся различные ассоциации и организации в сфере неполитической жизни (социальные и культурные объединения, самодеятельные организации, общественные и общественно-политические движения, СМИ, церкви, НПО и др.), призванные обеспечить удовлетворение многообразных потребностей и интересов граждан.

«Третий сектор». «Третий сектор» – это несколько десятков неправительственных, некоммерческих, благотворительных организаций, ассоциаций и фондов, созданных в Абхазии уже после грузино-абхазской войны 1992-93 годов. К основным направлениям их деятельности относятся: социальная, психологическая медицинская реабилитация населения; гражданская дипломатия и урегулирование грузино-абхазского конфликта; конфликтология; социальные, экономические и политические исследования социологические исследования; правозащитная деятельность и юридическое консультирование населения; профессиональная переориентация и помощь в трудоустройстве инвалидов войны, людей, ограниченных в движении; издательская деятельность; социальная поддержка неимущих слоев населения; экология, изучение и охрана редких видов флоры и фауны; образовательные программы по поддержке «третьего сектора» и развитие гражданского общества; молодежные и детские программы; обучение основам компьютерной грамотности.

Финансовая поддержка проектов и программ, разрабатываемых НПО, осуществляется за счет грантов, предоставляемых различными фондами (местными и иностранными), собственной коммерческой деятельности, прибыль от которой идет исключительно на бла-

готворительные цели, спонсорской помощи. Международные доноры крайне редко финансируют внутренние проекты абхазских НПО, при этом готовы поддержать практически любые совместные или параллельные с Грузией проекты. Справедливости ради надо отметить, что в последнее время ситуация несколько изменилась: находятся смелые организации и фонды, которые выделяют средства и на проекты по развитию «третьего сектора» в Абхазии.

Осложняет работу и ограничивает возможности абхазских НПО отсутствие электронной почты, доступа к международной компьютерной сети. «Последствия подобной «выключенности» из общего информационного и образовательного пространства самым негативным образом сказываются на процессе построения гражданского общества». (6)

Большая часть в «третьем секторе» работают люди среднего возраста. Заметно ощущается нехватка молодежных организаций. Это связано отчасти с отсутствием организационных навыков, неумением писать проекты, заявки на гранты, отчасти же с некоей «инфантильностью» и безынициативностью молодых людей.

Средства массовой информации. Средства массовой информации являются своего рода индикатором состояния гражданского общества, уровня демократизации и плюрализма общественной жизни, правильности действий властей. СМИ называют «четвертой властью», которая информируя о происходящих событиях, опосредованно контролирует деятельность президента, парламента, правительства.

СМИ Абхазии назвать «четвертой властью» можно лишь с очень большой натяжкой. Большинство СМИ полностью или частично субсидируются государством, что позволяет последнему даже при отсутствии специального органа – цензуры, осуществлять определенный контроль за информацией. В республике издается несколько независимых газет. Наиболее популярными среди них являются «Нужная газета» и «Эхо Абхазии». Тираж «Нужной газеты» достигает 5000 экземпляров, что для Абхазии является солидной цифрой, да еще учитывая то обстоятельство, что газета почти полностью распространяется в Сухуме. Свой печатный орган имеют Коммунистическая партия и Народная партия Абхазии.

В Абхазии, где после войны так и не была восстановлена система распространения печатных изданий (этим в советское время занималась «Союзпечать»), главным источником информации является государственное телевидение (АГТРК).

Нет закона о печати или средствах массовой информации. Парламент пока еще работает над его проектом. Мнения журналистов расходятся по поводу возможного принятия этого закона; часть из них высказывает опасения, что принятие такого закона позволит государству оказывать большее давление на СМИ. Другие, наоборот, считают, что закон послужит правовой базой для выполнения журналистами своего профессионального долга. Интересная деталь, опрос проведенный «Нужной газетой» среди журналистов показал, что молодые журналисты, те, кто работает в независимых СМИ, озабочены проблемой доступа к информации, старое поколение больше говорит об ответственности журналистов за публикуемую информацию. Следует отметить, что наличие или отсутствие закона о СМИ само по себе не гарантирует их независимость.

Независимость СМИ связана с финансовой независимостью. Трудности послевоенной жизни отразились напрямую и на средствах массовой информации. Низкая покупательная способность населения не позволяет издателям увеличивать тираж своих газет или повышать розничную цену. В среднем, газеты в Абхазии стоят 2-3 руб. (приблизительно 7-10 центов). Невелики и средства, получаемые от рекламы, ввиду ее низкой стоимости, небольшого объема, связанного с ограниченностью рынка товаров и услуг. Расходы же на издание печатной продукции и цены на бумагу неуклонно увеличиваются. Отсутствие финансов, материальной базы, электронных средств связи, (электронной почты, выхода в ИНТЕРНЕТ), без которых невозможно оперативно посылать информацию подписчикам, вынуждает журналистов, желающих создать свои независимые информационные структуры, работать в государственных СМИ.

Государственные СМИ, в числе которых Абхазская государственная телерадиокомпания, информационное агентство «Апсныпресс», газеты «Республика Абхазия» и «Апсны», подконтрольны правительству. Их руководители назначаются указом президента или постановлением правительства. Эти информационные структуры подробно

освещают работу президента и правительства, делая акцент на позитивном моменте в их деятельности. Острая критика в государственных СМИ чаще всего направлена на ближайшего соседа – Грузию. Объектом критики становится позиция грузинской стороны в переговорном процессе по урегулированию грузино-абхазского конфликта, непрекращающаяся диверсионно-террористическая деятельность вооруженных групп, засылаемых в Абхазию с территории Грузии.

В противовес государственным СМИ, независимые публикуют критические статьи, касающиеся внутренней жизни республики, деятельности властных структур, мнения, отличные от официальной точки зрения. Наиболее ярким примером может служить «Нужная газета», на страницах которой в последние два года опубликовано много критических материалов.

Государство, не вмешиваясь прямо в деятельность СМИ, все же обладает такими важными рычагами давления, как регистрация, выдача лицензий, частоты для вещания, ограничение доступа к информации. Послушные СМИ получают информацию первыми, Но несмотря на все сложности и противоречия в работе СМИ, они все же выполняют основную функцию по информированию населения о происходящих в республике событиях и процессах, дают критический анализ существующего положения вещей, обеспечивают, насколько это возможно в условиях «ни мира, ни войны», плюрализм мнений.

Органы местного самоуправления. Органы местного самоуправления занимают промежуточное имеют отношение как к структурам государственной власти, так и к гражданскому обществу. В марте 1998 г. во всех городах и районах Абхазии, за исключением Гальского, в соответствии с законом о выборах в органы местного самоуправления состоялись выборы. Отказ от проведения выборов в Гальском районе объяснялся нестабильностью и резким усилением напряженности, что и подтвердилось в ходе майских событий 1998 г. Однако, с того времени прошло почти два года. С 1 марта 1999 г. по инициативе абхазской стороны начался процесс добровольного возвращения беженцев в Гальском район, а проведение выборов все откладывается. Аргументы те же – нестабильность, напряженность, непрекращающиеся диверсии и теракты. Все это так, но участие местного населения в выборах и работе органов местного самоуп-

правления способствовало бы их реадaptации и реинтеграции в абхазское общество.

В компетенцию органов местного самоуправления – районных, городских, поселковых и сельских собраний – входит утверждение местного бюджета, местных налогов и сборов; владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью; обеспечение охраны общественного порядка; решение экономических и социальных вопросов, находящихся в их ведении. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, но при этом, в соответствии со статьей 79 Конституции РА «главы исполнительной власти городов и районов Республики Абхазия назначаются президентом РА из состава органов местного самоуправления». Этим самым органы местного самоуправления лишаются права самостоятельно выбирать глав местных администраций. В действительности, и того больше: Президент собственным указом назначает исполняющих обязанности глав администраций даже не из числа членов городских и районных собраний. «Номенклатурный принцип назначения руководителей регионов, допустимый только в качестве временной меры, противоречит самой сути местного самоуправления, не соответствует «духу демократического государства». (7)

Выборы в органы местного самоуправления – это первый шаг на пути к децентрализации власти. Но в этом направлении много предстоит еще сделать. Органы местного самоуправления прежде всего сами должны поверить в себя, а не оглядываться постоянно на центр: «Что скажут там наверху, какую директиву спустят». Только опора на инициативу снизу, поиск нестандартных решений, знание нужд и потребностей людей, ресурсов и возможностей регионов способны превратить районные и городские собрания из мужских дискуссионных клубов (а там более 90% – представители «сильного пола») в подлинные органы самоуправления.

Перспективы развития гражданского общества

Дальнейшее развитие гражданского общества в Абхазии связано с обстоятельствами как внешнего, так и внутреннего порядка. К числу внешних факторов, обуславливающих это развитие можно от-

нести: существенное продвижение в переговорном процессе по урегулированию грузино-абхазского конфликта; недопущение возобновления военных действий; установление добрососедских отношений с Грузией; преодоление политической и экономической изоляции и установление взаимовыгодных экономических отношений с соседними странами.

Необходимым условием дальнейшего развития гражданского общества в Абхазии является демократизация общественной жизни и утверждение правового государства. Без строгого соблюдения принципа разделения ветвей, ограничения государственного вмешательства в социальную и экономическую сферы общественной жизни, развития новых экономических отношений и цивилизованной рыночной экономики, наполнения деятельности органов местного самоуправления реальным содержанием и повышения их роли в решении локальных и региональных проблем, создания действенных механизмов защиты основных прав и свобод граждан на правительственном и неправительственном уровне развитие гражданского общества невозможно.

Перспективы развития гражданского общества в Абхазии я вижу в развитии «третьего сектора», расширении сети неправительственных, благотворительных организаций и координации их деятельности, вовлечении «третьего сектора» в процесс мирного урегулирования конфликта, поддержке независимых средств массовой информации, становлении системы реальных интересов, объединяющих людей не по этническому признаку, развитию отношений с международными и национальными неправительственными организациями. И еще одно обстоятельство: все разговоры о развитии гражданского общества останутся разговорами, если демократические ценности не станут внутренней потребностью народа, если не произойдет перелом в сознании, если мы не избавимся от иждивенческого настроения, если мы не откажемся от рассуждений типа «от меня ничего не зависит», «а что я могу сделать». Зависит. Будущее берет начало в настоящем. То, что мы делаем сейчас, повлияет на ситуацию завтра. Каждый конкретный человек, каждый из нас действительно может что-то изменить. Маленькие шаги, которые гражданское общество в Абхазии делает сегодня, приведут к значительным изменениям завтра.

Литература:

1. А. Мигранян. Гражданское общество.50/50: Опыт словаря нового мышления. М. С. 446 – 447.
2. Мартен Тео Янс. Теория и опыт регулирования этнонациональных конфликтов: их применимость к грузино-абхазскому конфликту. – В сб.: «Грузины и абхазы. Путь к примирению». Москва. 1998. С. 202.
3. М. Нерсесян. Межнациональные отношения: реальность и перспективы. – В сб. «Перспективы». Выпуск 3. Сухум. 1999. С.15.
4. Л. Кварчелия. Неправительственные организации и народная дипломатия (на примере абхазо-грузинских взаимоотношений). – В сб.: «Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. (Материалы грузино-абхазской конференции. Март 1999 г. Сочи). Ирвайн, Калифорнийский университет. 1999. С. 181.
5. З. Ачба. Наша жизнь и наша конституция существуют в разных измерениях. – «Нужная газета», Сухум. 23 августа 1999.
6. «Третий сектор». Информационно-аналитический бюллетень. №1. Сухум. 1998. С. 8.
7. Т. Кецаба. Закон, власть и общество. – В сб.: «Перспективы». Выпуск 3. Сухум. 1999. С. 40.

Нателла Акаба

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И МИРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

«Когда я оглядываюсь на исторический процесс, то вижу, что на каждой странице написано: нации возрождаются снизу, а не сверху»

Вудро Вильсон, Новая свобода, 1914 г.

События последнего десятилетия бросают новый вызов мировому порядку и безопасности. Даже казавшиеся еще совсем недавно островами стабильности регионы сегодня не могут остаться в сторо-

не от бесчисленных конфликтов – потенциальных или уже вошедших в активную стадию. Уже существующие и снискавшие себе авторитет международные институты, и в первую очередь ООН, по видимому, пока не в состоянии найти адекватный ответ на этот вызов и выработать новые подходы и приемы, которые впоследствии смогли бы лечь в основу некоей альтернативной дипломатии. Поиск таких подходов уже идет, быть может, иногда вслепую, поскольку сама жизнь заставляет мирных граждан по разные стороны линии фронта искать пути выхода из кризисной ситуации.

Для многих людей, вовлеченных в конфликт – в качестве непосредственных участников или представителей «третьей стороны» – очевидно, что чем более широкие круги общественности вовлечены в поиск мирного решения, тем выше шансы на построение долгосрочного мира, т.к. появляется реальная возможность для формирования мирного электората. Мирные инициативы общественности самих конфликтующих сторон, находящие поддержку как у официального руководства, так и у посредников, могли бы принести ощутимую пользу и, особенно, для политического урегулирования такого сложного и многопланового конфликта как грузино-абхазский.

Острота и сложность данного конфликта заключается, на мой взгляд, в том, что после перехода в вооруженную стадию он включает в себя конфликты на всех уровнях сообществ – конфликт политических элит, конфликт интеллигенций, конфликт общин. Нельзя не учитывать и конфликт интересов посредников: очевидно, что далеко не всегда цели, которые преследует каждая из посредничающих сторон, совпадают. Таким образом, урегулирование грузино-абхазского конфликта требует нетрадиционного, многоуровневого подхода, который может быть обеспечен лишь при успешном сочетании официальной и неофициальной дипломатии.

Вероятно, найдется не так уж много людей, которые отрицали бы позитивную роль и возможности народной дипломатии. Участники неформальных грузино-абхазских встреч, особенно в последние два-три года, как правило, демонстрируют вполне искреннее желание объективно разобраться в причинах грузино-абхазского конфликта и нащупать пути его наиболее оптимального (естественно, с точ-

ки зрения каждой из сторон) разрешения. В целом, процесс народной дипломатии развивается достаточно динамично: уже состоялись встречи старейшин, женщин, журналистов, молодежи, экс-комбатантов, традиционными становятся академические встречи. Конечно, одни встречи можно считать более удачными, другие – менее, и все же, сам факт такого общения уже свидетельствует о некоторых наметившихся позитивных тенденциях, позволяющих надеяться на возможность сближения интересов и ценностей, играющих ключевую роль для каждого сообщества. Однако никоим образом не умаляя важности неформальных встреч, тем не менее, надо попытаться понять, почему их результативность не столь высока, как хотелось бы их непосредственным участникам и организаторам. И еще: почему широкая общественность, т.е. тот самый народ, от имени и как бы по поручению которого действуют участники этого процесса, зачастую остается безразличным к мирным инициативам и даже в некоторых случаях не слишком одобряет их.

Для того, чтобы народная дипломатия стала по-настоящему успешной, необходимы определенные условия. Во-первых, миротворчество может получить широкую общественную поддержку только в том случае, если значительная часть населения страны верит в необратимость процесса перехода от войны к миру, т.е. в обществе должна произойти определенная трансформация. Если же уровень безопасности недостаточен, люди считают невозможным, да и опасным перестраиваться на мирный лад.

Абхазское общество в последние годы существует в условиях затянувшегося кризиса. Опустошившая страну и подорвавшая физические и духовные ресурсы народа война 1992-1993 гг. не ушла в прошлое, а остается кровоточащей раной и фактом сегодняшнего дня. Интересные данные выявлены в ходе опроса «Люди на войне», проведенного Международным Комитетом Красного Креста в различных регионах, пострадавших от вооруженных конфликтов, в том числе и в Грузии и Абхазии.¹ В докладе, подготовленном по результатам опроса, сформулирован следующий вывод: грузино-абхазский конфликт отличается от других подобных конфликтов острое чувство со-

¹ Опрос проводился по инициативе Международного Комитета Красного Креста к 50-летию принятия Женевских конвенций.

причастности, испытываемое каждым членом сообщества. Как оказалось, каждый сделал свой выбор в пользу той или иной стороны конфликта и вследствие этого все население Абхазии оказалось как бы по разные стороны баррикады. Такая поляризация в значительной степени объясняет малую эффективность официального переговорного процесса, а также и болезненную остроту проблемы возвращения беженцев.

Другим обстоятельством, осложняющим поиск взаимоприемлемого решения, является асимметричность сторон, проявляющаяся на разных стадиях конфликта самым различным образом. Сравнительный анализ некоторых результатов уже упомянутого исследования МККК демонстрирует, насколько абхазское общество более глубоко затронуто войной, чем грузинское. Достаточно сказать, что, если среди респондентов, проживающих сегодня в Абхазии, 81% заявили, что военные действия имели место непосредственно в местах их постоянного проживания, то среди грузинского населения эта цифра составила лишь 4%.² Это совершенно логичный результат, поскольку война шла на территории Абхазии, а соотношение общей численности грузин и абхазов составляет приблизительно 40 : 1. Очевидно, что эти показатели должны учитываться при выработке тактики и стратегии урегулирования конфликта (не хочется думать, что на самом деле всё происходит спонтанно). Признавая, что в целом война оказала гораздо более травмирующее воздействие на небольшое абхазское сообщество, следовало бы, видимо, не продолжать практику политико-экономического давления на Абхазию, а предпринять шаги совершенно иного рода. Так, международный опыт послевоенной реабилитации включает в себя как экономическое восстановление пострадавших районов, так и психо-социальную реабилитацию экскombatантов и жертв войны, что является важным условием перехода общества к мирной жизни.

Трудно говорить о миростроительстве там, где продолжают гибнуть люди. Не проходит и недели, чтобы из сопредельных с Грузией территорий Абхазии вновь и вновь не приходили трагические сообщения о взрывах автотранспорта на дорогах, убийствах мирных граждан

² People on War, Country Report: Georgia/Abkhazia, ICRC, Geneva, November, 1999, p. vi.

дан, абхазских военнослужащих и милиционеров, представителей Коллективных Миротворческих Сил, нападениях на мирных жителей сел и других актах насилия в приграничных районах Восточной Абхазии. В то же время, все еще остается вполне реальной угрозой возобновления широкомасштабной войны, особенно, в свете непрекращающихся заявлений грузинских политиков высшего ранга, многие из которых считают нужным неустанно повторять, что, если в ближайшее время не будет достигнуто политического урегулирования грузино-абхазского конфликта, то силовое решение вновь встанет в повестку дня. Если в период войны в Боснии официальный Тбилиси постоянно ссылался на «Дейтонскую модель» в качестве примера для проведения операции принуждения к миру в Абхазии, то в период военной акции НАТО против Белграда Э. Шеварднадзе утверждал, что действия НАТО в Югославии в связи с Косовскими событиями являются хорошим прецедентом и для решения «Абхазской проблемы».³ Вряд ли подобные декларации можно считать подходящим фоном для мирных инициатив.

Дополнительным травмирующим фактором служит невозможность для представителей Абхазии напрямую общаться с внешним миром и публично выражать свою точку зрения по ключевым моментам политического будущего своей страны. Это расценивается абхазским обществом как проявление дискриминации и предвзятости со стороны международных институтов и стран – посредников. Что же касается грузинских официальных структур, то они с упорством достойным лучшего применения следят за тем, чтобы изоляция Абхазии была всеобъемлющей. Не так давно министр культуры Грузии выразил официальный протест России в связи с тем, что в Абхазии побывали три российских поп-музыканта, давших концерт в Сухуме. Такие факты, равно как и запрет на выезд из Абхазии на гастроли детского танцевального ансамбля или оказание давления на международные спортивные инстанции с целью не допустить участия в соревнованиях по каратэ спортсменов из Абхазии, возможно,

³ Достаточно упомянуть высказывание Э. Шеварднадзе, о том, что после успешного завершения операции в Косово, «будет создан совсем другой фон для урегулирования конфликтов.. когда принуждают к миру», Э. Шеварднадзе, «Это был очень мощный шаг к Европе», газ. «Свободная Грузия», 25. 07.99

и не наносят Абхазии большого урона, но подрывают веру в возможность улучшения отношений с Грузией.

Таким образом, если важным условием мирного урегулирования является наличие в обществе четко выраженной мотивации к миру, то приходится признать, что в абхазском обществе такой мотивации просто не может быть. Речь, конечно идет не о том, что люди в Абхазии хотят новой войны, а всего лишь о том, что они не верят в мирные намерения Грузии.

Другим неперенным условием эффективности народной дипломатии является достаточно высокий уровень демократизации и развития гражданского общества. Только в демократическом обществе позиции народной дипломатии могут быть прочны. Достаточно вспомнить, что народная дипломатия существовала и в советское время, хотя тогда все инициативы исходили сверху. Различные «народно – дипломатические» акции использовались властями в своих конъюнктурных целях, а какая-либо «самодетельность» не допускалось. Сейчас ситуация иная, но говорить об эффективности общественных мирных инициатив пока рано: эта деятельность все еще не слишком востребована обществом и официальными структурами. Последние пока не спешат признать или опровергнуть тот факт, что народная дипломатия направлена на достижение той же цели, что и официальный переговорный процесс. Данное обстоятельство не позволяет поддерживать постоянные контакты и обмен информацией между официальными и неофициальными действующими лицами. Конечно, желательной представлялась бы разумная координация усилий, но такое взаимодействие происходит более продуктивно в демократических странах, с хорошо развитым гражданским обществом. Правда, некоторые из участников неформальных встреч с опаской относятся к идее подобной координации, видя в ней угрозу «растворения» неофициальной дипломатии в дипломатии официальной.

И, надо признать, что в условиях посттоталитарного общества, еще не вполне вышедшего из состояния войны, такие опасения имеют под собой вполне реальные основания. Пока в Абхазии демократические институты и гражданское общество еще не настолько укоренились, чтобы с ними начали считаться. Справедливости ради, надо отметить, что примерно такую же картину можно наблюдать на всем

постсоветском пространстве, исключая, возможно, только страны Прибалтики. Хрупкость и замкнутость гражданского общества характерны как для Абхазии, так и для всего Кавказского региона. Повсюду в последние годы процесс формирования гражданского общества находит наиболее наглядное выражение в росте числа организаций, относящихся к третьему, т.е. некоммерческому (или неправительственному) сектору. И повсюду они испытывают довольно схожие трудности, связанные, в основном, с финансированием, с более или менее ошутимым сопротивлением местной бюрократии, а также с недостатком понимания и поддержки со стороны широких общественных слоев. Последнее в значительной мере связано с тем, что т.н. пагерналистская модель государственного устройства все еще не сдаёт свои позиции. Основанная на авторитете высшей власти и безоглядной вере в правоту «начальства», она порождает у значительной части общества, особенно у людей старшего поколения, психологический и политический инфантилизм. Возможно, это особенно ярко проявляется на Кавказе. Известный конфликтолог Йохан Галтунг называет это укоренившееся на Кавказе явление «менталитетом начальника или шейха»: «Решение о войне и мире, о внешней политике принимается теми, кто находится высоко наверху, так что ничего не может и не должно быть предпринято в связи с этим. Гражданское общество может существовать, может обсуждать, может даже предлагать, но распоряжается начальник. Выборы определяют нового руководителя, но между выборами он правит точно также, как это делали шейхи (начальники)».⁴

К этому можно добавить, что сами понятия «демократия» и гражданское общество в значительной мере утратили свою притягательность для многих людей на пространстве бывшего СССР, поскольку кровавые конфликты, социально –экономический хаос и торжество криминальной идеологии пришли сюда под флагами демократизации. На поверхности эти негативные явления выглядят как следствие той самой демократии либерального (т.е. западного) толка, с которой в свое время усиленно «боролись» коммунисты. Многие все еще не осознали, что в основе всех трагических событий последнего време-

⁴ Йохан Галтунг, некоторые наблюдения на Кавказе, Кавказские региональные исследования, Выпуск 1,1997 г., № 2, стр. стр. 83-84.

ни лежит не переход на демократический путь развития, а манипулирование демократическими лозунгами. То обстоятельство, что делается это в основном теми же людьми, которые совсем недавно боролись с диссидентами и прокладывали «путь к коммунизму», а ныне клянутся в верности идеям демократии, способно окончательно дезориентировать неискушенных в большой политике людей. Надо иметь в виду, что и подъем национализма и шовинизма и вызванные этим драматические события тоже зачастую воспринимаются как губительное следствие демократии. Все это создает не слишком благоприятный фон для развития гражданского общества.

Если во всех постсоветских странах процессы демократизации и формирования гражданского общества сопряжены с серьезными трудностями, то в Абхазии эти трудности по вполне понятным причинам многократно усиливаются: ростки демократии плохо развиваются в жестких послевоенных или полувоенных обществах. Возможно, за время, прошедшее после окончания войны 1992-1993 гг. ситуация в этом отношении не улучшилась, а стала еще более неблагоприятной для мирных инициатив. Полные лишения и потерь послевоенные годы лишь укрепили негативные стереотипы в отношении Грузии, в которой многие склонны, и вполне обоснованно, видеть причину всех своих бед. Все это не могло не привести к тому, что в Абхазии сегодня сформировался своеобразный образ жизни, когда население находится в состоянии мобилизационной готовности к любому развитию событий. В этих условиях трудно рассчитывать на то, что площадка для миростроительства может расширяться. Хорошо известны феномены групповой сплоченности, возникающие в условиях существования реальной угрозы, когда внутри группы устанавливаются тесные психологические контакты, что приводит к нивелировке или исчезновению внутригрупповых различий. Естественное стремление ощущать себя в безопасности заставляет замыкаться в своей группе. В то же время усиливается образ врага, причем любая положительная информация о «противнике» отвергается.

Естественно, в таких условиях поиск мирных альтернатив происходит трудно. Жесткий общественный настрой является вполне закономерным следствием продолжающегося состояния ни войны,

ни мира. Кроме того, хорошо известно, что маленькие общества вообще гораздо более ригидны и труднее поддаются трансформации, чем большие. Принимая во внимание и некоторые культурные особенности абхазского общества, в частности, характерный для Кавказа в целом культ мужественности или воинственности, можно говорить о существовании целого ряда факторов, способствующих тому, что общественное мнение в Абхазии все еще не склонно к выдвиганию мирных инициатив.

В то же время нельзя не замечать и иных тенденций, проявляющихся в некоторых явных успехах в деле развития гражданского общества и демократических институтов в Абхазии. Эта тенденция проявляется в довольно динамичном процессе развития неправительственных организаций. Конечно, не исключено, что какая – то часть появляющихся новых НПО окажется нежизнеспособными, а другие создаются лишь в надежде на получения грантов от зарубежных фондов. Тем не менее, совершенно явно прослеживается тяга к концентрации наиболее образованных и «продвинутых» представителей научной и творческой элиты в НПО, куда приходит работать все больше молодых людей.

Некоторые из действующих в Абхазии НПО довольно успешно осуществляют ряд проектов, связанных с послевоенной реабилитацией наиболее уязвимых групп населения, практической конфликтологией, образованием в области прав человека и т.д. Эти, хоть и достаточно скромные пока, достижения нашли свое отражение в докладах ряда международных организаций – посетившей Абхазию в марте 1998 г. Миссии ООН «По определению нужд Абхазии»,⁵ докладах Генерального Секретаря ООН «О положении в Абхазии». Так, в одном из последних докладов Генсека ООН говорится о «небольших, но довольно активных неправительственных организациях», которые осуществляют в Абхазии ряд конкретных проектов – обеспечение питанием одиноких и больных стариков, создание базы данных о лицах, с травмами позвоночника и инвалидах, проведение конференции женских организаций и групп и т.д.»

⁵ Эта миссия была направлена в Абхазию при поддержке грузино-абхазского Координационного Совета и в ней участвовали представители Программы Развития ООН, Всемирного Банка и др.

Другой вселяющий оптимизм признак – появление, хотя и трудное и медленное, независимых Масс Медиа. Их роль в процессе построения гражданского общества могла бы быть более активной. Однако вполне понятно, что в условиях бедности основной массы населения, слабого развития структур рыночной экономики и отсутствия традиций независимой прессы, позиции новых Масс Медиа представляются весьма уязвимыми. К тому же существует серьезная проблема подготовки журналистов, студенты имеют мало возможности получить практическую подготовку на месте. В ходе войны сгорела типография и сегодня в Абхазии отсутствует современная типографская база и другое необходимое оборудование. Все эти и другие обстоятельства препятствуют развитию независимых Масс Медиа и их превращению в реальную «четвертую власть». В таких условиях государственные газеты и, особенно, радио и телевидение все еще сохраняют монополию на информацию.

С другой стороны, проявление плюрализма мнений, публикация острых, полемических или критических материалов не всегда находит широкую поддержку у общественности: слишком сильны опасения, что там, за рекой Ингур могут подумать, что в абхазском обществе назревает раскол и недруги попытаются воспользоваться этим в своих интересах. Угроза смуты и развития событий «по чеченскому сценарию» оказывает ощутимое влияние на общественную жизнь, сдерживая появление политических партий в современном понимании этого слова и т.д. Кстати, противники открытых дискуссий по принципиальным вопросам нередко получают в свои руки козырь, когда критические публикации в независимых абхазских СМИ самым недобросовестным образом препарируются грузинскими журналистами определенного толка и выдаются затем грузинскому читателю с нескрываемым злорадством как доказательство скорого краха «сепаратистского режима». При этом создается впечатление, что приемы и лексика некоторых грузинских изданий не претерпели никаких изменений с 1937 года.⁶

⁶ В Абхазию в основном попадает только единственная русскоязычная газета «Свободная Грузия», отличающаяся откровенно проправительственной позицией и довольно агрессивным тоном по отношению к «абхазским сепаратистам».

Довольно естественно, что последние события на Кавказе заставляют определенные категории граждан инстинктивно избегать всего, что могло бы, по их мнению, поставить под угрозу хрупкую стабильность, установившуюся в Абхазии. Конечно, это дает властям дополнительный аргумент против тех, кто их критикует или высказывает альтернативное мнение. Многие чиновники все еще испытывают ностальгию по тем временам, когда в обществе господствовало полное единомыслие.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что в сегодняшней Абхазии прослеживается как бы две противоречивые тенденции общественного развития. С одной стороны, блокада и явно пристрастный подход международных посредников, которые не устают напоминать, что Грузия является признанным государством, а надежды Абхазии на признание не имеют под собой реальных оснований, способствуют формированию осадного менталитета. Психологические перегрузки, коллективная усталость, чувство унижения из-за отсутствия свободы передвижения (абхазские паспорта не признаются, а грузинские готовы получить лишь немногие граждане Абхазии), – все это способствует ксенофобии и укреплению ощущения, что маленькая Абхазия вынуждена противостоять всему мировому сообществу. Такое отношение к окружающему миру, особенно к представителям западных стран, не может не влиять и на имидж неправительственного сектора, который частью общества видится в лучшем случае как носитель западных ценностей. Как бы в противовес этим «новым веяниям» выдвигается идея опоры исключительно на национальные традиции, что сопровождается пристальным вниманием к историческому прошлому, возможно, порой и в ущерб размышлениям и дискуссиям о будущем.

С другой стороны, само местоположение Абхазии, ее культурное и конфессиональное многообразие, все еще не забытый статус курорта общесоюзного значения, а также участие международного сообщества в процессе грузино-абхазского политического урегулирования и связанная с этим деятельность представителей целого ряда международных организаций – все это способствует преобладанию тенденций к сохранению открытости общества, хотя и с некоторыми ограничениями, неизбежными для страны, все еще находящейся в состоянии войны.

Проблему долгосрочного урегулирования грузино-абхазского конфликта невозможно рассматривать в отрыве от социально-политических процессов, происходящих в обеих странах. Все более очевидным становится то обстоятельство, что достижение долгосрочного мира возможно лишь при условии укрепления основ демократии в обществе и достижения более высокого уровня политической культуры. Отказ от претензий на доминирование и политики с позиции силы в пользу равноправного сотрудничества и диалога представляются единственно возможной альтернативой войне и насилию.

Давид Силагадзе

Председатель неправительственного общественного движения “Примирение”

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В АБХАЗСКОМ КОНФЛИКТЕ

**(из опыта неправительственного общественного
движение “Примирение”)**

– Причины и условия противостояния – Препятствия на пути народной дипломатии – Альтернатива сепаратизма – Первые успехи – Перспективы и затруднения

1. Современное абхазо-грузинское противостояние, которое политики скромно окрестили “конфликтом”, представляется обычным явлением перенасыщенной интригами новейшей истории. Правильный анализ причин данного противостояния не требует исследования психологических и духовных особенностей грузин и абхазов. Обе противостоящие стороны состоят из простых, уважающих себя трудолюбивых людей, выстоявших в беспощадных катаклизмах истории и донесших свое историческое лицо до третьего тысячелетия. Какими-либо аномалиями они не страдают.

Известные до наших дней исторические источники не содержат доказательств существования когда-либо между грузинами и абхазами конкретного противостояния на этнической либо религиозной основе. Все известные противоречия между этими братскими народами на протяжении двухтысячелетнего общежития обуславливались преимущественно внешними и внутренними политическими и экономическими факторами.

Древние и средневековые источники бесспорно доказывают экономическую, политическую и культурную общность этих народов, их общежитие в едином государстве.

1. Благодаря своему **геополитическому положению** Закавказье постоянно испытывало давление сильных соседей и временами попадало в сферы их влияния. В результате именно такого деления распалось единое Грузинское государство и одна из его составных частей, Абхазское княжество, совместно с историческими Самцхинским атабагством и Таокларджети, на несколько веков попали в состав Османской империи. Несмотря на это, даже в период этого лихолетья, не замирали связи между грузинским и абхазским народами. В сохранившихся отчетах турецких военачальников в Грузии отмечается, что в борьбе с турецкими гарнизонами абхазы и грузины достигают успехов тогда, когда им удается выступать объединенными силами.

Одним из положительных результатов присоединения к России грузинских царств и княжеств следует считать то, что это привело к фактическому воссоединению большей части распавшегося грузинского государства, хотя бы в составе Российской империи, и восстановлению нарушенных экономических и культурных связей. В период существования Советского Союза продолжался позитивный процесс укрепления этих связей.

Следует помнить, что любой **“покровитель”** или **завоеватель**, под влияние которых попадали абхазский и грузинский народы, целеустремленно раздували противостояние и вражду между ними. С этой точки зрения не отличались от других ни царская Россия, ни Советский Союз. Руководящий для метрополий принцип **“разделяй и властвуй”** и в этом случае продолжал оставаться гарантией незыблемости единства империи.

Противостояние между грузинами и абхазами в известной мере обуславливалось и тем, что уже в годы советской власти был допущен ряд извращений в национальных отношениях, приведших к искусственному раздуванию розни между этими народами. Имеется в виду характерный для того периода волевой подход к образованию и к ликвидации Абхазской Советской Социалистической Республики, “реорганизации” абхазских школ, замене используемого в абхазской письменности латинского алфавита грузинским. Примечательно, что многие из лидеров современного абхазского сепаратизма среднее образование получали именно в таких реорганизованных школах, помнят все “прелести” этого мероприятия.

Значительный вред абхазо-грузинским отношениям причинило искусственное изменение демографического баланса и дальнейшие политические манипуляции уже измененным балансом.

Осложняются эти отношения политизацией истории, фальсификацией и спекулированием неуточненными фактами истории в националистических и шовинистических целях как с одной, так и с другой стороны.

Значительный отпечаток на возникновение конфликта в Абхазии, как и большинства **“горячих точек”** на земном шаре, наложили **изменения в распределении политических сил в мире.**

За последние десятилетия мир охватила иллюзия прекращения “холодной войны”, хотя в действительности человечество продолжает пожирать негативные плоды этой войны и продолжает существовать реальная опасность перерастания “холодной войны” в “горячую”. Небывало размножились повсеместно “горячие точки”, и их слияние в один всемирный пожар представляется только вопросом времени.

Между тем, архитекторами “холодной войны” изначально предусматривалась такая перспектива. Еще за полвека до наших дней Комитет объединенных штабов вооруженных сил США в своей директиве обязывал Центральное разведывательное управление не жалеть материальных и финансовых ресурсов для свержения советской власти, развала социалистической системы, разжигания межнациональной вражды между народами Советского Союза.

Запад отождествлял Советский Союз с Россией, поэтому “холодная война” прежде всего являлась мероприятием, направленным против России. Западу удалось успешно осуществить задуманное.

Россия неимоверно ослабла, хотя, к огорчению ее противников, она сохраняет потенциал разжигания третьей мировой войны. Огорчает это противников России потому, что в третьей мировой войне (если она когда-либо начнется) победителей не будет.

Поэтому в мире продолжается “мирный” вариант “холодной войны” (т.е. та же самая “холодная война” с небывалым числом “горячих точек”) между двумя монстрами для перераспределения сфер влияния.

Россия, потерявшая бывший социалистический лагерь, пытается хотя бы частично сохранить поддержку новых независимых государств, возникших на постсоветском пространстве, а Соединенные Штаты Америки добиваются путем преумножения “горячих точек” вырвать у стратегического противника последнюю опору.

Такое противостояние между странами – гигантами, обладающими самым мощным военно-экономическим потенциалом в мире, безусловно влияет на судьбы всех остальных народов, в том числе и на взаимоотношения между грузинским и абхазским народами.

Оба гиганта пытаются убедить (разумеется, каждый по-своему) грузин в том, что они смогут сохранить территориальную целостность своего государства, а абхазов в том, что те смогут получить долгожданную самостоятельность только с их бескорыстного, благосклонного отношения к решению интересующих эти народы проблем.

В международных отношениях всегда существовала ситуация, которую условно можно было бы назвать **фактором “дальнего покровителя”**.

Стремящиеся к независимости малые народы понимают, что без сильного союзника их мечты о политической самостоятельности лишены реальных оснований. Старые, привычные союзники значительно пугают их оставшимися в сознании воспоминаниями об их имперских амбициях и властолюбивых устремлениях. Поэтому они мечтают выбрать такого “дальнего покровите-

ля”, который бы и старую метрополию образумил, и находился бы не в такой близости, чтобы заранее проверять их каждый шаг и диктовать каждое решение. Таким “дальним покровителем” для большинства бывших советских республик в первую очередь мыслится США.

Приверженцам такого выбора их теория кажется тем более убедительной, что они уверовали в нарушение основного закона материи – “**двуполюсности мира**”. По их твердому убеждению, в мире остался только один “положительный полюс”, и тот находится именно в Вашингтоне.

Насколько реален открытый политиками новый закон физики и как долго просуществует “однополюсная” вселенная, пока не установлено, но политические факторы такого “открытия” уже действуют.

Бывшие советские республики, за некоторым исключением, представляют своими союзниками, “дальними покровителями”, только Соединенные Штаты Америки и страны НАТО. Национальные же меньшинства бывших советских республик устремляют свои взоры к России или к исламскому Востоку.

Многие бывшие советские республики готовы объявить вечными друзьями даже своих исторических врагов, лишь бы избавиться от надоевшего влияния России. Такую же линию выбрали и национальные меньшинства республик, только с одним отличием – лишь бы избавиться от надзора местного попечителя (Карабах – Азербайджана, Абхазия – Грузии, Преднепровье – Молдовы), они готовы даже к вхождению в состав Российской Федерации. Как ни говори, Москва все же дальше Баку, Тбилиси или Кишинева.

Несмотря на возрастающий антагонизм между Соединенными Штатами Америки и исламским фундаментализмом, их интересы в отношении России в значительной мере совпадают, они одинаково заинтересованы в развале и окончательном ослаблении России, только с той разницей, что оба они пытаются использовать в своих корыстных целях отторжение России от активной мировой политики.

Соединенные Штаты Америки интересуется вытеснение России из постсоветского пространства с целью включения этого пространства вместе с мусульманским миром в сферу своего влияния, чтобы

сохранить возможно дольше свое положение гегемона в “однополосном” мире.

Не менее масштабны и планы исламского фундаментализма. Они добиваются прежде всего вытеснения России из пространства среднеазиатских республик и Кавказа.

Создание независимых мусульманских государств на этом пространстве и вывод их из-под русского влияния – программа – минимум исламского фундаментализма. Завершающим этапом этой программы мыслится мировая гегемония.

Россию, разумеется, интересует сохранение своих позиций, что диаметрально противопоставляет ее как американскому Западу, так и исламскому Востоку.

В истории ничего не меняется. Она не припомнит случая, когда какое-либо государство пожертвовало безвозмездно и бескорыстно жизнью хотя бы одного своего подданного ради интересов другой страны. Дипломатия и международная политика не признают таких понятий, как благотворительность, бескорыстная дружба, альтруизм.

В таком крайне ожесточенном и враждебно настроенном мире Грузия пытается использовать поддержку Соединенных Штатов Америки для выхода из-под влияния России. Абхазский сепаратизм для своего высвобождения из-под опеки строившей самостоятельное государство Грузии, стратегическим союзником избрала Россию.

Чей выбор окажется верным, покажет будущее, но вся история постсоветского кровавого противостояния этих народов говорит о бесперспективности силового решения возникших в их взаимоотношениях проблем.

Отнюдь не способствует разрядке напряженности и мирному разрешению конфликтных ситуаций в горячих точках планеты подход **“двойными стандартами”** к оценке идентичных политических событий и явлений.

Именно с позиции двойных стандартов принято в наши дни подходить к злополучной теории о неприкосновенности существующих в мире государственных границ.

Если всерьез признавать право наций на самоопределение, нельзя не учитывать того, что такое право на конечном этапе подразумевает

создание “самоопределяющейся” нацией своего независимого государства. Поскольку у независимого государства должна быть собственная государственная граница, следует согласиться с необходимостью изменения границ того государства, от которого отделяется “самоопределяющийся” народ.

В мире пока еще не разработаны процедура и механизм образования новых независимых государств. Лишены убедительности аргументы по поводу того, что предоставление самостоятельности всем существующим народам значительно осложнило бы взаимоотношения между государствами и сделало бы вовсе неуправляемым и без этого трудноуправляемый мир.

В современном мире существуют государства унитарные и федеративные, самостоятельные и объединенные в содружествах, гигантские и карликовые. Не существует общепризнанного критерия того, по какому признаку можно признать справедливым стремление субъекта федерации (конфедерации) или содружества к полной независимости. Не определены нормы того, каким должно быть население стремящегося к независимости народа либо территория его расселения, чтобы мировая общественность признала правомерность такого стремления, а метрополия беспрекословно согласилась с этим.

Оправдание сепаратизма только желанием либо целесообразностью самостоятельности безусловно станет предметом спора и пререканий, а любое рассуждение по данному вопросу характеризуется тенденцией перерастания в непримиримое противостояние.

Трудно убедить оппонента, почему можно считать справедливым распад Советского Союза на составные части до уровня союзных республик, а предоставление независимости, скажем, субъектам Российской Федерации – недопустимо. Так же затруднительно найти убедительный ответ на вопрос, почему борьба косовских албанцев против сербов заслуживает всяческой поддержки, тогда как те же действия Чечни в Российской Федерации, Карабаха – в Азербайджане, Абхазии – в Грузии, Приднестровья – в Молдове или курдов – в Турции признаны недопустимыми.

Не объяснить такого подхода к вопросу малочисленностью чеченцев, как и немоноэтническим составом населения Приднестровья. Существуют же в Европе более “миниатюрные” государства, со

значительно меньшим населением и невидимой для невооруженного глаза территорией? Выдержала же натиск многовековых катаклизмов этнически неоднородная Швейцария?

Что касается целесообразности, то это настолько оценочная категория, что ее использование в качестве аргумента в данном споре наверняка осложнило бы объективное разрешение проблемы. Трудно себе представить, что совпадут точки зрения Баку и Степанакерта по статусу Карабаха. Такими же взаимоисключающими оказались бы отношения Москвы и Грозного, Кишинева и Тирасполя, Тбилиси и Сухуми по вопросам статусов, соответственно, Нагорного Карабаха, Ичкерии, Приднестровья и Абхазии.

Противоположность интересов определяет разный подход к однородным вопросам, исключает развитие нормальных взаимоотношений и предопределяет диаметрально противоположность оценок одинаковых по своей природе явлений. В природе такой разноречивый подход к оценке однородных процессов легко воспринимается и не становится причиной особых осложнений.

Совершенно другую реакцию проявляет в подобных ситуациях общество. Разделение столетиями совместно проживающих народов связано с целым рядом болезненных процессов. Происходит крушение сложившихся веками экономических, политических, культурных и родственных связей, что, как правило, приводит к непримиримым противоречиям и завершается кровавым противостоянием.

В таких случаях приходят в противоречие интересы национального меньшинства и большинства. Для меньшинства является справедливым его стремление к независимости, национальному большинству такой сепаратизм кажется недопустимым, и оно всеми силами борется за сохранение территориальной целостности.

Зачастую искусственно смешиваются понятие населения определенной территории (народ) с понятием нации, что приводит к неразберихе при решении вопроса. Кому принадлежит право создания независимого государства – населению или нации? Как должен решаться вопрос – референдумом или силой?

Участившиеся за вторую половину двадцатого века национально-освободительные войны и возросшее в их результате количество независимых государств, а также страх перед трудностью управле-

ния раздробленным на бессчетное количество самостоятельных государств миром способствовали появлению мертворожденной и **несправедливой теории о невозможности пересмотра существующих государственных границ.**

Мертворожденная такая теория является хотя бы потому, что и после ее объявления и всеобщего признания по-прежнему продолжается пересмотр признанных неприкосновенными государственных границ. В центре Европы два сильных современных государства объединились в Германскую Федеративную Республику, а совсем недавно в Юго-Восточной Азии получила право выделения из Индонезии и создания независимого государства Восточно-Тиморская провинция. Приведение подобных примеров можно было бы продолжить.

Не должна вызывать сомнений и несправедливость такой теории, поскольку, по ее положению, лимит независимых государств уже исчерпан и опоздавших «к обедне» на политическую карту мира больше не допускают.

Такая логика раздражает заряженных центробежным зарядом национальные меньшинства, возбуждает в них вражду к представителям национального большинства и значительно способствует возникновению синдрома психологической несовместимости между ними, созданию взаимных образов врага.

Отрицательные результаты последних факторов (психологическая несовместимость и образ врага) тем быстрее и всеобъемлюще действуют в “горячих точках”, чем больше, благодаря геополитическому положению этих “точек”, ими интересуются ведущие страны мира, оказывающие негативное влияние на взаимоотношения сторон.

Повышенная заинтересованность Соединенных Штатов Америки, России, исламского Востока и ведущих стран Западной Европы в геополитической поляризации кавказского региона, столкновение их устремлений к сохранению либо захвату этого региона отрицательно влияют на урегулирование конфликтов, возникших на этом пространстве.

2. Набирает все больше сил и ставшая заметной в современном мире противоположная тенденция – стремление народов к равноправной интеграции и к объединению. Единственным основанием для

такой тенденции является взаимовыгодность и высокие показатели рентабельности экономических, политических и культурных взаимоотношений интегрирующихся государств.

Ярким примером подобной интеграции является Евросоюз. Деятельность этого союза уже значительно вышла за рамки экономических отношений, приобрела политические оттенки и распространилась на азиатский континент.

Это интегрирование происходит добровольно, на основании взаимного стремления. Степень притягательности данной интеграции настолько высока, что многие, желая попасть в упомянутый союз, готовы даже отказаться от своих исторически сложившихся экономических, культурных и социальных традиций ради получения права интегрирования.

Нужно полагать, что максимальное удовлетворение, в рамках разумного, прав конкретных наций на самоопределение, такое же расширение их экономического, политического и культурного самоуправления, также в рамках разумнодопустимого, учет опыта развитых европейских стран в этом направлении значительно приостановит стихийное стремление отдельных наций к сепаратизму.

Даже теоретическое допущение перспективности резкого поворота от господствующей тенденции сепаратизма к интеграции возможно только в условиях взаимного понимания, взаимоуважения и доверия между народами, возрождения и развития нормальных человеческих отношений между ними.

В настоящее время из-за перечисленных и других причин в “горячих точках” вообще, и между грузинским и абхазским населением Абхазии, в частности, крайне расстроены нормальные, цивилизованные человеческие отношения.

3. Несмотря на тяжелую психологическую обстановку, среди грузинского и абхазского населения Абхазии существуют общественные силы, старающиеся приостановить процесс взаимовраждебного противостояния. В результате тяжелых испытаний последних лет они осознали, что у дальнейшего продолжения кровопролития между ними нет позитивной перспективы и его результатом может стать полное уничтожение не только их государственности, но и генетического фонда.

Одна из таких организаций – грузинское неправительственное общественное движение “Примирение”, – еще в марте 1997 года образована в составе “Международного фонда возрождения и развития Абхазии”, а в октябре 1999 года зарегистрирована как самостоятельный союз.

Устав движения определяет, что его целью является примирение абхазского и грузинского населения Абхазии, грузинского и абхазского народов вообще, возрождение их исторической дружбы, общечития, родственных связей, культурных взаимоотношений и единой государственности.

Ближайшей целью своей деятельности движение “Примирение” ставит объективную оценку трагических событий последних лет, восстановление разрушенных в результате этих событий абхазско-грузинской консолидации, единой экономики, культурной жизни и общественных отношений.

Главными направлениями своей деятельности “Примирение” считает взаимосближение абхазско-грузинских политических кругов, и безопасное достойное возвращение вынужденно перемещенных лиц в Абхазию.

Движение, в основном, объединяет пожилую часть вынужденно перемещенного из Абхазии населения, однако среди его основателей имеются и жители других регионов Грузии. Вообще, Устав движения не ограничивает его членство такими признаками, как возраст, местожительство, религиозная принадлежность или национальность. Единственным условием участия в движении считается дееспособность желающего участвовать и его готовность способствовать достижению целей движения.

Фактическое укомплектование движения преимущественно пожилыми людьми из числа перемещенных обусловлено несколькими обстоятельствами.

Несмотря на готовность всей Грузии активно участвовать в объединении страны и возвращении беженцев в родные места, к сожалению, все ограничивается преимущественно призывами, отдельными кампанейскими акциями, руганью сепаратистов и поддерживающих их сил. С каждым днем снижается количество и острота даже таких акций.

Более или менее острое восприятие “абхазской боли” сохраняется у обездоленного, принудительно изгнанного из родных очагов населения. Беспросветная убогость жизни изо дня в день напоминает им эту боль.

Даже среди таких беженцев не все убеждены в перспективности и целесообразности примирения. В необходимость и перспективность примирения враждующих народов поверили только прошедшие суровые жизненные испытания здравомыслящие люди.

И все-таки, было бы несправедливо упрекнуть отдельные демографические группы в отсутствии аргументированных доводов для оправдания избранной позиции.

Значительная часть беженцев, особенно молодежи, уверена, что потерянное в боях можно вернуть только в бою. В пользу приверженцев таких взглядов активно работает и созданный искусственно или возникший естественно образ врага. Известно, что в сознании значительной части грузин и абхазов твердо укоренилось мнение о непримиримой вражде между собой. Поэтому, в этой части грузин и абхазов трудно рассчитывать на успех агитации в пользу примирения. Наоборот, представители людей данной категории всячески пытаются дискредитировать не только движение за примирение, но и приверженцев этого движения.

Этим и объясняется не только то, что движение “Примирение” в основном объединяет беженцев старше среднего возраста, но и то, почему представители абхазской национальности воздерживаются от организационного объединения в движении, хотя и не избегают контактов с ним.

Кровь, пролитая в результате переросших в непримиримые боевые действия искусственно раздутых этнических противостояний, с одной стороны, небывало осложнила взаимоотношения между враждующими сторонами, поставила под серьезное сомнение возможность восстановления их векового общежития, с другой стороны, во всю ширь поставила перед этими же народами вопрос: “До каких пор можно жить по таким правилам?”

Сумевшие освободиться как от эйфории победы, так и от желчи поражения представители обоих народов уже пришли, либо наверняка придут, к выводу о безальтернативности примирения.

Охваченные безудержным желанием господства в выгодном геополитическом пространстве государства соревнуются в поддержке или эскалации конфронтации между недавними братскими народами, в снабжении этих народов средствами взаимного уничтожения. Конечной целью подобных спонсоров-милитаристов является высвобождение заветного геополитического пространства, что произойдет тем быстрее, чем успешнее уничтожат друг друга грузины и абхазы совместно с другими лицами «кавказской национальности».

Эту жестокую реальность видят или скоро увидят те грузины и абхазы, которые еще не успели сжечь все мосты на пути к примирению и не отяготили и без того суровую действительность войны еще и направленными против человечности либо другими тяжкими преступлениями. Для них бесспорно станет ясным, что мирное урегулирование грузино-абхазского противостояния альтернативы не имеет.

Учитывая сказанное, общественное движение “Примирение” одной из ближайших целей ставит и то, чтобы совместно с абхазскими неполитическими организациями активизировать встречи представителей абхазского и грузинского населения Абхазии и абхазского и грузинского народа вообще, в целях убеждения в необходимости примирения.

Потребуется в таком взаимоубеждении действительно существует, поскольку реально существует среди грузин образ абхазского, а среди абхазов – образ грузинского врага.

При этом у идеологов обеих сторон имеются свои “веские” доводы и аргументы.

Грузинские апологеты силовых методов считают, что исторически грузинскую Абхазию в позднем средневековье захватили северокавказские апсуа. За годы советской власти апсуа неоднократно пытались выйти из состава Грузии. В период распада Советского Союза они создали моноэтническую “Армию освобождения Абхазии”, в которую лиц грузинской национальности не допускали. Наконец, с помощью России и северо-кавказских наемников совершили этночистку и геноцид грузин и захватили всю территорию Абхазии. Переговоры с ними не имеют смысла, им нельзя верить, поскольку два

ды, в октябре 1992 года и в сентябре 1993 года, они нарушили ими же подписанные договоры. Совместное проживание грузин и абхазов невозможно. Грузины могут вернуть Абхазию только с применением силы.

По мнению идеологов абхазского сепаратизма, Абхазия является исторической родиной абхазов (апсуа, как они называют себя). Грузины появились тут только после насильственного переселения абхазов царской Россией в Турцию (мохаджирства). В 1918 -1921 годах они впервые захватили Абхазию. В 1931 году грузины в одностороннем порядке ликвидировали Советскую Социалистическую Республику Абхазия и изменили ее статус, заменили латинский алфавит в абхазской письменности грузинским. В 40-х годах грузины “реорганизовали” абхазские школы в грузинские, в 30 – 50-е годы осуществили массовое заселение Абхазии грузинами и искусственно изменили демографический баланс страны. Систематически притесняя местное население, Грузия в 1992 году попыталась во второй раз оккупировать Абхазию. Она первой нарушила договор о перемирии в самом начале войны, первой начала геноцид абхазского населения и грабежи материальных ценностей. Совместное проживание абхазов и грузин, тем более в едином государстве, невозможно.

Под систематическим давлением таких взаимоисключающих идеологических прессов на протяжении многих лет в обществе возник труднопреодолимый **психологический барьер**, своеобразная преграда, за которой люди явно видят вовсе не призрачные ярлыки такого страшного содержания, как “прогрузинская” или “проабхазская” ориентация, “противник национальной независимости”, или, что вообще убийственно, “предатель интересов народа”.

Именно наличием таких “психологических барьеров” и объясняется относительная малоэффективность миротворческой деятельности как в грузинском, так и в абхазском обществах. Поэтому движение “Примирение” самой значительной задачей своей деятельности считает оказание помощи простым людям в преодолении таких преград.

4. Несмотря на упомянутые и другие трудности, идея мирного урегулирования конфликта день за днем пробивает дорогу к широким слоям как грузинской, так и абхазской общественности.

С абхазской стороны следует отметить такие неправительственные организации, как “Центр поддержки демократии и прав человека”, “Абхазский институт гуманитарных исследований”, “Фонд Гражданская инициатива и человек будущего”, “Центр гуманитарных программ”, Совет старейшин Абхазии и другие. Эти общественные организации, невзирая на идеологические, политические или психологические сложности, проявляют живую заинтересованность в поиске мирных путей выхода из тупика.

С грузинской стороны можно назвать ассоциацию “Гражданское общество Абхазети”, “Центр крос-культурных и социологических исследований”, “Кавказский институт мира, демократии и развития”, “Фонд развития человеческих ресурсов” и другие.

Неоценим вклад, внесенный в мирное урегулирование абхазо-грузинского противостояния калифорнийским университетом города Ирвайя и особенно профессором этого университета госпожой Полой Гарб.

Решающую роль в достижении практических результатов достижения примирения сыграла международная организация “Help Age International”, финансировавшая встречу делегатов движения “Примирение” и Совета старейшин Абхазии в г. Сочи 23 – 27 августа 1999 года. Встреча проходила в рамках проекта “Фонда развития человеческих ресурсов”.

Встреча, которой предшествовали долгие телефонные и посреднические контакты, как и следовало ожидать, началась довольно напряженно. По мере того, как представители сторон убеждались во взаимной откровенности и объективности, взаимном понимании и стремлении к достижению позитивных результатов, на глазах разряжалась обстановка и снижалась степень напряженности.

Во встрече принимали участие 16 человек – по 7 делегатов сторон и 2 фасилитатора. Несмотря на то, что почти все участники встречи знали друг друга по многолетней работе в общих трудовых коллективах и каждодневному общению между собой, понадобилось почти два дня для адаптивования и взаимного привыкания.

Только на третий и четвертый день стало возможным узнать в делегатах совета старейшин Абхазии и общественного движения “Примирение” старых друзей-товарищей. Пролитая кровь (среди

делегатов были и отцы, потерявшие сыновей), застывшие в результате войны отношения, разрушенные и потухшие очаги временами все же накладывали свой отпечаток на ход встречи.

Несмотря на предварительную договоренность рассуждать конструктивно, говорить только о том, что может сблизить позиции сторон, все-таки давали о себе знать накопившиеся за годы противостояния желчь и раздражение, которые в одночасье могли свести на нет результаты организованной с большим трудом встречи.

И следует отметить, что, хотя многие вопросы остались открытыми, встреча все-таки принесла положительные результаты.

Дело не только в том, что в результате трехдневной неустанной работы удалось принять и подписать совместное заявление.

Неоценимое достоинство встречи заключается в том, что она подтвердила перспективность подобных встреч при условии проявления откровенности участников и их истинного стремления к положительным результатам.

Совместное заявление участников сочинской встречи представителей Совета старейшин и неправительственного общественного движения “Примирение” само по себе является значительным документом в деле мирного разрешения абхазо-грузинского конфликта с участием неформальной (народной) дипломатии.

В заявлении участники встречи единогласно признают, что подобные контакты представителей грузинского и абхазского населения Абхазии могут оказать позитивное влияние на улучшение взаимоотношений между противостоящими сторонами и ускорить мирное урегулирование грузино-абхазского конфликта.

Стороны подчеркивают искреннее стремление сделать все возможное для установления мира, взаимного понимания и нормальных, цивилизованных отношений между абхазским и грузинским народами.

Участники встречи признали необходимым придание начатым контактам регулярного характера и их продолжение в будущем.

Предусмотрено, что до новой встречи (она должна была состояться в ноябре 1999 г.) стороны обменяются своими вариантами проекта совместной Программы “От конфронтации – к миру и согласию”. Согласно совместному заявлению эта программа должна ис-

ходить из политических решений по урегулированию конфликта и руководствоваться общепризнанными принципами равноправия, справедливости, взаимного уважения и гуманизма.

По смыслу заявления, Программа должна способствовать снятию напряженности между народами, искоренению причин конфликта, восстановлению доверия и нормальных отношений между абхазами и грузинами, вырабатывать и представлять в соответствующие структуры власти предложения и рекомендации.

Заявление предусматривает, что по принятии согласованной Программы “От конфронтации – к миру и согласию” стороны должны разработать механизм реализации этой программы.

Третий пункт совместного заявления предусматривает направление всех усилий сторон в ближайшее до принятия программы время на борьбу с фактами фальсификации истории грузинского и абхазского народов, с попытками разжигания вражды между этими народами, со взаимно оскорбительными и враждебными проявлениями. Данное положение заявления фактически содержит программную установку для дальнейшей совместной деятельности Совета старейшин Абхазии и неправительственного общественного движения “Примирение”.

Как и следовало ожидать, принятое на сочинской встрече Совместное Заявление неоднозначно воспринято как абхазской, так и грузинской общественностью. Другого и нельзя было ожидать.

С обеих сторон оказалось достаточное количество не только скептиков, высказывающих сомнение в перспективности и результативности принятого документа, но и прямых противников данного мероприятия, считающих его вредным и поэтому неприемлемым. Последние, разумеется, отражают мнение крайних радикалов, которым, по различным основаниям, альтернатива силового решения конфликта представляется иллюзией, а достигнутый в результате встречи консенсус – неприемлемым.

Несмотря на это, имеются и веские основания для реального оптимизма. В целом сочинская встреча и принятое на ней Совместное Заявление нашли неожиданно большое количество сторонников у обеих противостоящих сторон. Это подтверждается не только сообщениями средств массовой информации, но и результатами непосред-

редственных выступлений участников сочинской встречи с представителями широкой общественности.

Хотя люди по-прежнему убеждены в неспособности народной дипломатии принимать окончательные политические решения, все же первый, пусть не ахти какой значительный, результат породил надежду в их сердцах. Движением “Примирение” заинтересовались и выразили желание участия в нем не только не убежденные в его жизнеспособности скептики, но даже те, кто раньше открыто критиковали его.

5. В соответствии с предложением Совместного Заявления, движение “Примирение” разработало проект программы “От конфронтации – к миру и согласию”, который, с учетом нынешнего состояния абхазо-грузинских отношений, предусматривает планы будущей деятельности в реально достигнутых рамках.

Поскольку большинство поставленных в проекте вопросов носит концептуальный характер, было решено предлагаемый им документ назвать **Концептуальной Программой “От конфронтации – к миру и согласию”**.

Разработанный движением “Примирение” проект Концептуальной Программы содержит несколько острых положений, которые могут стать предметом жестких дискуссий. Тем не менее, они включены в проект, поскольку они необходимы не только для поднятия престижа программы, но и для повышения результативности совместной работы абхазо-грузинских неправительственных движений на основании этой программы.

К таким вопросам, прежде всего, относится объективная оценка переросшего в братоубийственную войну абхазо-грузинского противостояния, унесшего жизни десятков тысяч грузин и абхазов и уничтожившего материальные ценности стоимостью во многие миллиарды долларов США. С учетом судеб сотен тысяч обездоленных, физически и духовно опустошенных и травмированных жертв жестокой вакханалии, становится бесспорным, что если абхазо-грузинскому конфликту суждено мирное разрешение, то такое разрешение должно начаться именно с беспристрастной, объективной оценки этого безумного и аномального явления.

Подобные общественные катаклизмы обычно втягивают в свои беспощадные водовороты десятки и сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Многие из них, вследствие жесточайшей реальности, вынуждены были взяться за оружие для защиты своего очага, близких, собственной жизни. Только единицы или десятки экстремистов предвидели, допускали и желали наступления такой всеобщей катастрофы.

Было бы несправедливым и опасным как оставление без заслуженного возмездия организаторов и активистов жестокой бойни, так и отождествление с ними вынужденно втянутых в кровавое противостояние людей.

С учетом этих обстоятельств, проект ““Концептуальной Программы “От конфронтации – к миру и согласию” предлагает объявить, что **“переросшая в военные действия абхазо-грузинская конфронтация является тягчайшим преступлением перед абхазским и грузинским народами. Во избежание в будущем подобных случаев отмеченным явлениям следует дать соответствующую оценку, а виновных призвать к ответу.”**

Проект учитывает, что обострению конфронтации и ее перерастанию в военные действия одинаково способствовали как грузинские, так и абхазские экстремисты. Поэтому авторы проекта убеждены в беспристрастности данного положения проекта и его приемлемости для любого объективного оппонента.

Бесспорен тезис о невозможности постановки знака равенства между невольными участниками трагедии и ее организаторами.

И тем не менее, у данного положения проекта найдутся непримиримые оппоненты как среди абхазов, так и среди грузин. Наверняка окажутся среди оппозиционеров все те, для которых определение национальной принадлежности лица является достаточным основанием для его причисления к категории врага.

Такое положение окажется неприемлемым для организаторов противостояния, для которых, разумеется, выгоднее перекладывание всей вины на противоположную сторону либо растворение среди десятков тысяч невольно вовлеченных в войну лиц, дабы обезличиться и уйти от ожидаемой ответственности.

Не исключено попадание в ряды оппонентов и тех, кому в результате пережитых несчастий и перенесенных травм трудно сохранить объективность.

Объективной и логически оправданной оппозиции не может быть у этого положения.

Другой не менее острой и важной проблемой в абхазо-грузинских отношениях, умалчивание которой можно приравнять к отказу от попыток мирного урегулирования конфликта, является вопрос о **статусе Абхазии**. Это тот краеугольный камень, на котором должны воздвигнуться абхазо-грузинские общественные, политические и экономические отношения.

Вопрос политического статуса Абхазии – почти ровесник двадцатого века, а может быть, и вдвое старше. Вопрос этот появлялся периодически и повторялся через хронометрически точные промежутки времени, примерно в каждые десять лет, однако свое окончательное разрешение он пока еще не нашел. Особую актуальность проблема приобрела к концу семидесятых и на протяжении восьмидесятых годов, когда предложения по вопросам политического устройства абхазо-грузинских отношений был придан характер открытой полемики с помощью средств массовой информации.

Несмотря на это, объективности ради следует признать, что диалог фактически не состоялся. К большому сожалению, грузинская сторона существование Абхазии вне Грузии считала настолько нереальным, что даже возможность постановки такого вопроса не признавала возможной. Не было даже попыток включиться в диалог, а отдельные отрывочные истеричные реплики (зачастую поверхностные и неаргументированные) ограничивались только оценкой правомерности постановки такого вопроса.

Начиная с 1989 года, а тем более после 1992 года, “моно – или диалог” вовсе прекратился.

После прекращения боевых действий подходы сторон к вопросу политического статуса Абхазии качественно изменились. Неоднократные публичные обещания Президента Грузии, в том числе и с трибуны ООН, о предоставлении Абхазии самой широкой автономии, остаются без ответа. Монологу Президента абхазская сторона отвечает коротко:

они в Конституции Абхазии 1994 года уже определили политический статус своей страны и продолжение обсуждения данного вопроса считают бессмысленным.

Несмотря на всеобщее признание того, что Абхазия является неотъемлемой частью Грузии, фактически уже на протяжении семи лет юрисдикция Грузии не распространяется на ее территорию. Международные организации (в том числе и ООН) не спешат с реализацией выработанных по этому вопросу конкретных предложений.

Рассмотрение такого чрезвычайно болезненного вопроса на встречах представителей неправительственных общественных организаций мыслится только при соблюдении особой осторожности и разве только для выработки согласованных со специалистами государственного права рекомендаций.

Учитывая отмеченные обстоятельства, движение “Примирение” в своем проекте концептуальной программы вопрос политического статуса Абхазии изложил без конкретизации следующим образом: **«Совет старейшин Абхазии и неправительственное общественное движение “Примирение” постараются возобновить прерванный в результате обострения конфронтации и боевых действий диалог о государственном устройстве и определении политического статуса Абхазии».**

Невключение в Концептуальную Программу вопроса о политическом статусе Абхазии хотя бы в таком сжатом виде не только обесценило бы саму Программу, но значительно подорвало бы авторитет вообще народной дипломатии, развеяло бы надежды людей на мирное решение конфликта. Это не может вызывать сомнений, поскольку без определения и согласования формулы политического статуса, абхазо-грузинское противостояние не может считаться разрешенным.

Сколь курьезным это ни покажется, но даже этот вопрос вызовет “аргументированную” критику со стороны определенных кругов и абхазской и грузинской общественности. Тем не менее, опыт первой сочинской встречи дает основание верить, что взаимоприемлемое решение найдется.

Не менее значима и сложна подготовка общественного мнения к той априорной мысли, что все **насильственно перемещенные лица**

должны достойно вернуться на свою родную землю, в свои дома. Само по себе участие в боевых действиях не должно считаться препятствующим возвращению лица обстоятельством.

Проект Концептуальной Программы предусматривает, что все участники войны, которым в установленном законом порядке докажут совершение конкретного преступления, будут привлечены к уголовной ответственности за эти преступления. На остальных участников войны (за исключением организаторов) Программа предлагает распространить амнистию, которая обеспечит их неприкосновенность за участие в войне.

Задачей неправительственных организаций является убеждение абхазской общественности в том, что в Абхазию вернутся все без исключения пожелавшие возвращения насильственно перемещенные лица, а грузинской общественности – в том, что при возвращении в Абхазию им придется совместно проживать с любой оставшейся там личностью.

При этом, как возвращающиеся, так и проживающие в настоящее время в Абхазии лица, будут осведомлены о том, что они могут понести уголовную ответственность за совершенные в период конфронтации и военного конфликта конкретные преступления.

В проект Концептуальной Программы включены положения, определяющие деятельность неправительственных организаций по **возвращению перемещенным лицам жилых помещений, земельных участков и имущества.** Главная задача заключается в том, чтобы данный процесс проходил без эксцессов и не превратился в причину новых противостояний.

Необходимо, чтобы лицам, временно проживающим в домах и квартирах насильственно перемещенных граждан, в необходимых случаях по мере возможности восстановили их собственные дома, квартиры и другое имущество, а также коммуникации.

Программа должна предусмотреть, что перед возвращением в родные места беженцев необходимо произвести комплекс мероприятий, в который предположительно могут быть включены такие работы, как **восстановление распавшихся человеческих отношений, возрождение жилищно-бытовых коммуникаций, обеспечение безопасности.**

В этом направлении, прежде всего, предусмотрено сближение насильственно перемещенного населения Абхазии с оставшимися, подготовка и проведение встреч этих людей по заранее подобранным группам и категориям. В целях обеспечения безопасности и большей эффективности проект Концептуальной Программы признает целесообразным подбор кандидатов для таких встреч в первую очередь из числа родственников, однофамильцев, бывших друзей, односельчан, горожан, соседей, одноклассников и сокурсников, членов единых трудовых коллективов.

По мере накопления опыта станет возможным расширение круга участников таких встреч. Особого внимания заслуживают **встречи непосредственных участников боевых действий, экс-комбатантов**, подобные той, которая была проведена весной 1999 г. в г. Нальчике.

Особого внимания требует организация встреч членов семей и родственников лиц, погибших в боевых действиях. Подготовка и проведение таких встреч, направленных на восстановление нормальных человеческих отношений между самыми непримиримыми людьми, потребует проявления особой осторожности и предусмотрительности, с тем, чтобы они не превратились в источник возникновения новой напряженности.

В результате военных действий уничтожены и разграблены **жилищный фонд и коммуникации** Абхазии. Поэтому проектом Концептуальной Программы предусматривается активное участие неправительственных движений и организаций в учете и инвентаризации пригодных для эксплуатации объектов, в определении объемов восстановительных работ, в поиске и привлечении инвестиций и в организации работ.

Значительную деятельность могут осуществить представители неофициальной дипломатии в обеспечении безопасности вернувшегося в родные места вынужденно перемещенного населения. В этом отношении проект Программы на первый план выдвигает подготовку общественного мнения, убеждение лиц абхазской, грузинской и других национальностей населения Абхазии в безальтернативности их совместного проживания.

Неправительственным организациям под силу изучение оперативной обстановки в отдельных регионах, населенных пунктах, на

отдельных предприятиях и в определенных слоях общественности, выработка оптимальных рекомендаций по наиболее целесообразному распределению ресурсов силовых структур и их своевременное представление соответствующим органам власти. Концептуальной Программой “От конфронтации – к миру и согласию” предусмотрены проведение соответствующих мероприятий.

Восстановлению нормальных цивилизованных отношений между грузинским и абхазским народами значительно препятствует возникший во время войны и за послевоенный период **информационный вакуум**, в целях восполнения которого Проект намечает регулярные встречи между грузинскими и абхазскими журналистами, проведение совместных семинаров и конференций на темы о причинах и путях преодоления противостояния, восстановления дружбы, поиска путей общежития, совместной борьбы с экономическими, политическими и культурными трудностями.

Проект признает целесообразным задействование абхазского и грузинского информационных агентств соответственно в Тбилиси, Сухуми и других крупных населенных пунктах, организацию взаимного обмена периодической прессой и радиотелепередачами.

Предлагается объявление моратория на освещение средствами массовой информации таких вопросов, как абorigineнство грузин или абхазов в Абхазии. Неправительственные организации должны объявить непримиримую борьбу публикациям, оскорбляющим честь и достоинство абхазского и грузинского народов, отдельных представителей этих народов, а также проявлениям фальсификации и политизации истории, спекуляции отдельными научно не разработанными фактами истории.

Накопились серьезные проблемы в сфере просвещения в послевоенной Абхазии, без решения которых не представляется возможным окончательное разрешение конфликта.

Если насильственная “реорганизация” абхазских школ в 40-50-х годах, приведшая к дискредитации абхазского языка, небывало обострила этнические взаимоотношения, то к таким же последствиям приводят мероприятия сепаратистских властей Абхазии после войны. На этот раз дискредитации подвергается уже грузинский язык. Практически на территории Абхазии не функционируют грузинские

школы, а разговор на грузинском языке представляет реальную опасность для жизни.

Проект Концептуальной Программы “От конфронтации – к миру и согласию” резко осуждает подобные факты этнической и языковой дискриминации. Неотложной задачей неправительственных общественных движений объявляется разработка практических предложений и рекомендаций, исключающих такие отклонения в будущем.

Проект, в частности, предлагает введение преподавания абхазского языка в грузинских школах и грузинского – в абхазских. Такое мероприятие снизило бы остроту грузино-абхазского противостояния, значительно способствовало бы взаимному ознакомлению с культурным наследием этих народов.

До полного урегулирования конфликта проект предлагает организацию встреч учащейся и студенческой молодежи грузинской и абхазской национальностей.

Следует продолжить уже прижившуюся практику проведения совместных путешествий и отдыха грузинских и абхазских детей, которые любезно финансируются международными спонсорскими организациями, вносящими этим неоценимый вклад в нормализацию отношений между грузинским и абхазским народами, способствуя устранению психологических барьеров между ними.

Совместные учебно-оздоровительные лагеря следует организовывать с такой программной нагрузкой, чтобы участвовавшие в них учащиеся и студенты получали позитивную объективную информацию об историческом общении, взаимной дружбе, культурном единстве, родственных связях и совместном народнохозяйственном строительстве грузинского и абхазского народов.

Предусмотренные проектом совместные учебные и научно-теоретические конференции не только помогут молодежи в приобщении к навыкам научных исследований, но и выработают у них чувства толерантности, взаимного понимания и уважения.

Немалую роль в этом деле может играть взаимный обмен учебными заведениями студентов и аспирантов грузинской и абхазской национальностей, взаимный перевод апробированных научных исследований, учебников и методической литературы, проведение совместных научных заседаний.

Проект Концептуальной Программы содержит положения о деятельности неофициальной дипломатии в направлении **восстановления промышленности, транспорта, связи, курортного хозяйства, культуры и науки, а также по реабилитации сельского хозяйства**. Осуществление этих программных заданий обеспечит нормальные условия для совместной жизни и деятельности грузинского и абхазского населения Абхазии.

Следуя указаниям Совместного Заявления, проект Концептуальной Программы “От конфронтации – к миру и согласию” предусмотрел положения о том, что для выработки и проведения в жизнь конкретных планов и практических мероприятий будет организован **Единый Координационный Совет**.

Движение “Примирение” выработало проект Положения Координационного Совета, согласно которому Совет создается на паритетных началах.

В Координационном Совете стороны будут представлены одинаковым количеством членов. Представители сторон в составе предположительно по три человека образуют секции (абхазскую и грузинскую). Заседаниями Совета руководят представители сторон по очереди.

Решения Координационного Совета (рекомендация) принимаются путем согласования (консенсус) и через секции представляются для реализации соответствующим органам власти.

Согласно устной договоренности, Совет Старейшин Абхазии и неправительственное общественное движение “Примирение” еще в начале ноября обменялись своими проектами Концептуальной Программы “От конфронтации – к миру и согласию”.

Как и следовало ожидать, проекты существенно отличаются. Многое в проекте Совета Старейшин Абхазии для нас неприемлемо, так же как, видимо, для них не все может быть принято в нашем варианте. Несмотря на это, обнадеживающими кажутся имеющиеся в проектах совпадения позиций.

Так, в проектах обеих сторон ставятся вопросы о роли неправительственных движений в деле розыска и возвращения утраченных научных и культурных ценностей, проведения совместных конференций, фестивалей спортивных соревнований, обмена телепередачами.

Полностью совпадают точки зрения сторон по вопросу механизма образования, структуры и порядка деятельности Координационного Совета.

С учетом тех трудностей, которые пришлось преодолеть сторонам при принятии Совместного Заявления, есть уверенность, что на очередной встрече представители абхазской и грузинской сторон согласуют позиции и примут взаимоприемлемую программу совместной деятельности.

Для окончательного решения вопроса необходима встреча делегаций, которая должна была состояться в Сочи в конце ноября 1999 г., но отложена из-за финансовых затруднений.

Между тем, значение принимаемой программы будет велико.

Во-первых, Концептуальная Программа “От конфронтации – к миру и согласию” и созданный на ее основе Координационный Совет станут основой совместной деятельности абхазо-грузинских неправительственных общественных движений по мирному урегулированию абхазо-грузинского конфликта.

Во-вторых, что не менее важно, принятие Программы ослабит желание злорадствующих противников мирного разрешения конфликта доказывать миру, что “примирение нереально”, что идея примирения и в целом народная дипломатия потерпели крах. Принятие Концептуальной Программы и задействование механизма ее реализации – Координационного Совета – поднимет оптимистические настроения у доведенного до отчаяния населения Абхазии.

Главное чтобы общество не свыклось с мыслью о том, что раздробленность страны и вызванный ею беспредел являются неотвратимой, неизбежной необходимостью и бороться с ними не имеет смысла.

Главное и то, чтобы международные организации и политические круги ведущих стран мира не пошли по пути наименьшего сопротивления и не побоялись нарушения мнимого “равновесия” на таком важном участке кавказского геополитического пространства, каким является Абхазия, и не попытались “законсервировать” ситуацию.

Общество нередко привыкает к негативным ситуациям. Задача неправительственных общественных движений и народной дипло-

матии заключается в том, чтобы не дать “остыть” отношению общества к проблеме.

Абесалом Лепсяя

СИТУАЦИЯ В АБХАЗИИ КАК МОДЕЛЬ ЗАМКНУТОГО ОБЩЕСТВА ПРИ НАЛИЧИИ ВНЕШНЕГО КОНФЛИКТА. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УРЕГУЛИРОВАНИЕ.

I

3 октября 1999 г. одновременно с выборами президента в Абхазии был проведен референдум об отношении к конституции республики. По официальной версии 97,7% голосовавших одобрили действующую конституцию, по которой Абхазия является суверенным демократическим государством. На основании этого 12 октября того же года парламентом был принят акт “О государственной независимости Республики Абхазия”. Таким образом был принят документ, увенчавший определенный исторический отрезок, отмеченный стремлением абхазов к отделению от Грузии.

Маленькая причерноморская республика, пережившая тяжелую войну, не признанная международным сообществом, изолированная и обособленная, принятием акта о независимости дает недвусмысленное подтверждение приверженности политическому и идеологическому курсу последних лет. По крайней мере так кажется внешне, но не все так просто на самом деле. И дело не только в том, что переговорный процесс, и так характеризовавшийся наблюдателями как тупиковый, после принятия акта о независимости, рискует окончательно стать таковым, поскольку поле возможного правового комп-

¹ 13-19 мая 2000 г. делегации Совета старейшин Абхазии и неправительственного движения «Притижение» встретились в г. Сочи и приняли намеченные документы. (Прим. ред.)

ромисса сузилось теперь до неразличимости, а изоляционистские тенденции получают дополнительный импульс.

В мою задачу здесь не входит рассмотрение внешних обстоятельств, приведших к изоляции Абхазии, а анализ тех особенностей внутривластной жизни, а также идеологии, менталитета и исторических традиций, способствующих замкнутости и во многом имеющих имманентный характер.

Для внимательного и хорошо знакомого с ситуацией в Абхазии наблюдателя должно быть очевидным, что принятие акта о государственной независимости во многом (а может и главным образом) связано с внутривластными обстоятельствами. То, что акт принят только в конце 1999 года, то есть спустя шесть лет после победы абхазов в грузино-абхазской войне, когда подобный шаг уже не мог иметь такого резонанса, какой мог бы иметь, если бы он был принят сразу же по окончании войны, может свидетельствовать о том, что руководство Абхазии не хотело форсировать события и надеялось достичь мирных договоренностей с Грузией. В первый послевоенный период официальный Сухум был настроен на поиск компромисса, в то время как общественное мнение было настроено крайне радикально и агрессивно под влиянием эйфории победы. Непризнание международным сообществом независимости Абхазии не возымело действия на настроения в обществе. Абхазы считали достаточным наличие независимости де-факто. Что касается де-юре, то это дело второстепенное. Игнорирование международным сообществом требований абхазов, поддержка им территориальной целостности Грузии сформировало в массовом сознании населения довольно негативный образ Запада. Это является одной из причин того, почему на «низовом» уровне чисто идеологически и психологически отсутствует готовность к восприятию европейских ценностей, что служит одним из источников изоляционизма.

Первоначальное намерение официального абхазского руководства найти модель государственно-правовых отношений с Грузией наталкивалось на стойкое неприятие этого обществом. Что касается самих переговоров по урегулированию, то они проходили в атмосфере скрытности и таинственности, что возбуждало среди населения ненужные толки и слухи. Несмотря на видимое желание

найти взаимоприемлемую формулу урегулирования, власти не сумели или не решились разъяснить и донести до народа свою позицию, убедить его в необходимости именно такой, а не другой политики. Следовательно, с одной стороны властями двигало желание прийти к компромиссу с Грузией, с другой – опасение перед массовыми настроениями, т.к. заключение мирного соглашения с Грузией на основе какого-либо компромисса грозило потерей контроля над ситуацией.

Следует отметить, что в это время стало нарастать отчуждение между президентом Абхазии и его бывшими соратниками по парламенту. После принятия новой Конституции в 1994 года и формирования президентских структур, парламент лишился своего прежнего влияния. Одновременно постепенно стали рассеиваться иллюзии, что для процветания Абхазии достаточно только изгнать оккупантов, избавиться от грузинской гегемонии и счастливая жизнь наладится сама собой. Послевоенной реальностью стали экономическая разруха, рост преступности, наркомании и безработица. Все чаще стала звучать критика в адрес президента и правительства, которых обвиняли в бездействии и неспособности принять решительные меры. Поскольку по инерции первоисточником всех бед абхазов считались грузины, то общее мнение сходилось на том, что заключать с ними договор нецелесообразно и в будущем ничего хорошего из этого не выйдет, а с таким трудом достигнутая независимость может оказаться утраченной.

Скандал разразился, когда в Абхазии стало известно о согласовании на переговорах в Москве 25 июля 1995 года протокола о грузино-абхазском урегулировании. Более того, оказалось, что он завизирован. Абхазское руководство соглашалось на формулировку “единое федеративное государство”. Однако позднее абхазская сторона заявила о невозможности парафировать этот документ, предвидя, очевидно, резкую реакцию населения на него.

В этой истории характерны два момента, свойственные, на мой взгляд, закрытым обществам, в которых отсутствуют демократически отрегулированные и прозрачные механизмы принятия решений, гласное и всестороннее обсуждение имеющих место проблем. В первых, речь идет о способе действия президентской власти, спря-

тавшей весь ход переговоров за завесой непроницаемой тайны так, что об этом не знал даже тогдашний министр иностранных дел, (по его собственным словам он узнал о близком окончании переговоров из российской прессы) и не предпринимавшей никаких усилий для разъяснения и популяризации своей политики, объяснения тех действий, которые она собиралась предпринять, чтобы убедить своих сограждан (если власть, конечно, сама была в чем-либо убеждена). Здесь виден унаследованный “стиль” советской власти, которая просто спускала те или иные решения в “массы”, а те безропотно их принимали. В данном случае этот метод не имел успеха. Во-вторых, характерен сам способ отвержения общественностью предполагаемого проекта. Он по сути не обсуждался ни в печати, ни на телевидении, ни в какой-либо аудитории, не было никаких дискуссий на эту тему, не была проведена никакая экспертиза. Словом, каких-либо внятных доводов, обоснованных аргументов ни в пользу того, почему документ следовало бы принять, ни того, почему его следует отвергнуть приведено не было ни президентской властью, ни противниками соглашения. В данном случае я не касаюсь самого протокола, хорош он или плох. Дело в другом – в том, что там, где, с одной стороны власть не чувствует себя обязанной разъяснять народу важность и необходимость тех или иных решений, а в обществе отсутствует всякая культура публичной дискуссии, спокойного, гласного, всестороннего обсуждения проблем, принятие важных решений, в первую очередь по грузино-абхазским взаимоотношениям, становится особенно затруднительным. Укоренение демократических институтов может способствовать устранению этих препятствий.

В ходе дискуссии на конференции обсуждался вопрос, смысл которого сводится к следующему: в какой степени демократия может обеспечить урегулирование конфликтов? Можно ли считать демократию панацеей от любого конфликта? Это вопрос, которым задаются многие и для бывших республик Советского Союза, наверное, особенно актуальный. Схожая проблема, всплыла, в частности, на конференции представителей НПО центрально-азиатских республик, состоявшейся в 1993 г. в Утрехте, материалы которой я просматривал, готовя данную статью. В связи с этим не могу не привести высказывание одного из западных участников дискуссии Уэли Штюр-

цингера, мнение которого мне весьма близко. Касаясь того, как интерпретировать и понимать сам термин “демократия”, он предложил видеть в слове “демократия” технический термин. “Демократия” – это способ принятия решений, один из многих известных способов, среди которых есть и такие, как консенсус (который, кстати, не является формой демократии) и такие, как авторитаризм. Если демократия – технический термин, проще пользоваться им на микро-уровне, например, рассуждая о процессе принятия решений внутри политической партии. Не всегда удобно смотреть с точки зрения национальной с макро-уровня... То, что происходит на микро-уровне, рано или поздно достигает макро-уровня, уровня государства”¹.

Возвращаясь к тому, с чего мы начали, можно спросить, каким же образом, то же самое руководство, которое склонно было согласиться на единое федеративное государство с Грузией в 1995 году, в конце 1999 года устами того же представителя, чья подпись стоит под протоколом о состоянии переговоров по грузино-абхазскому урегулированию, где сообщается о соответствующей готовности абхазского руководства, заявляет о том, что никаких переговоров с Грузией о государственно-правовых отношениях вестись не будет? Урегулирование грузино-абхазских взаимоотношений отступило на задний план перед задачами консолидации власти и ее удержания. Поскольку заключение соглашения с Грузией по государственно-правовым отношениям расценивается в массе населения как посягательство на добытую независимость и по-прежнему непопулярно, то деятельность в этом направлении может нанести серьезный урон престижу власти. Кроме того недовольство населения социальной и экономической политикой правительства и президента, (а точнее полным отсутствием таковой) первоначально канализировалось через критику “соглашательской” политики. Отказавшись теперь от “соглашательства”, официальные власти лишили оппозицию единственного аргумента, перед которым они могли бы спасоваться. Более того, официальные круги сами взяли на вооружение тактику запугивания, обвиняя критиков президента в том, что они играют на руку врагу, под-

¹ Гражданское общество Центральной Азии в поисках партнеров. Труды конференции по демократизации, трансформации экономики и международному сотрудничеству. Неймеген. 1993 . С. 31-32.

рывающая внутреннее единство. Образ внешнего врага, перед лицом которого необходима консолидация, стал безотказным инструментом давления на недовольных. Наличие такого образа становится выгодным исполнителю власти, т.к. позволяет списывать на него все неудачи, промахи или просто бездействие, плачевное состояние экономики и изоляцию от внешнего мира.

Принятие Акта о независимости и президентские “выборы” также следует рассматривать как способ консолидации власти, причем в идеологическом плане – сильнейший. Поскольку независимость это обетованная земля, к которой абхазы стремились испокон века (так это теперь понимается), то лидер, приведший к этой независимости, осуществил, следовательно, самую заветную мечту народа и перед лицом этого явления должна умолкнуть всякая критика.

По существу в Абхазии сложился плебисцитарный вождистский тип демократии². Выборы на самом деле и были плебисцитом, закрепившим ныне действующую форму власти, характерным признаком которой является отождествление интересов правящего слоя с интересами государства в целом. Следовательно, все, что не совпадает с этими интересами, направлено против государства и народа как такового. “Когда такая власть вступает в конфликт с конкурирующей властью или группой, также претендующей на харизматические свойства, единственный способ разрешить конфликт заключается в насилии, поскольку в таком конфликте только одна из сторон может быть правой; другая является виновной в несправедливости, что подлежит искуплению перед народом.”³ Из сказанного вытекает, что плебисцитарный вождистский тип правления в принципе исключает политический плюрализм, уравнивающие институты, независимые движения и партии. Что это означает в контексте грузино-абхазского урегулирования? Отсутствие плюрализма во внутриполитической жизни безусловно затрудняет поиск путей выхода из сложившейся ситуации. Различные партии и движения, независимые институты, могли бы предлагать свои формулы и способы достижения мира, независимые, свободные СМИ предоставлять трибуну для

² Э.Н. Ожиганов. Баланс власти и этнополитические конфликты в России// Этничность и власть в полиэтничных государствах. Москва. 1994. С. 291.

³ Э.Н. Ожиганов, там же. С. 292 .

различных точек зрения. Деловые круги могли бы налаживать контакты на почве общих интересов. Все это означало бы возникновение широкого общественного дискурса по проблемам грузино-абхазских отношений, как предварительного условия для полномасштабного урегулирования. Позволив себе некоторую футурологическую вольность, замечу, что в условиях Абхазии вряд ли возможна многопартийная система как технология власти. Наилучшей моделью для нее была бы двухпартийная система с поочередно сменяемыми президентами от той или другой партии.

При наличии реального политического плюрализма, партии и движения могли бы налаживать контакты с соответствующими движениями в Грузии со схожей идеологией, как это происходит, например, с неправительственными организациями. Расхождения в конкретных вопросах, например, по поводу грузино-абхазских взаимоотношений, могут сохраняться, но движение в неких общих ценностных ориентирах способствует, несмотря на это, большему взаимопониманию.

Между тем партии в нынешней Абхазии носят карикатурный характер, реальной силы из себя не представляют и даже устами своих лидеров заявляют, что не хотят власти. Но если партия не хочет власти, то это означает лишь, что ей нечего предложить⁴. Что же касается средств массовой информации, единственной газетой, которую можно назвать независимой, является “Нужная газета”. Телевидение, наиболее действенный инструмент влияния на массовое сознание, полностью подконтрольное государству, стало почти этнографическим. Одно время на экране практически ничего нельзя было увидеть и услышать кроме пейзажных зарисовок и выступлений фольклорных и иных ансамблей, да сухой сводки новостей.

В самом общем виде ситуацию в Абхазии можно обрисовать следующим образом – коллапс власти, стагнация общего социально-экономического положения с явной тенденцией, однако, к деградации и

⁴ Пока писалась эта статья, в Абхазии группой общественных деятелей было положено начало созданию движения “Возрождение”, претендующему на то, чтобы стать реальной альтернативой нынешнему политическому курсу абхазского руководства. Лидеры зарождающегося движения не скрывают своего намерения прийти к власти.

третий сектор неправительственных, некоммерческих организаций, наиболее открытых передовым технологиям, но занимающих незначительный удельный вес в обществе.

II

Несмотря на нарастающее недовольство президентской властью, ее постепенное отчуждение от населения, от гражданского общества, несмотря на все более острую критику в ее адрес, недовольство это не принимает организованные формы, остается газетным и поверхностно фрондерским. Хотя я употребляю здесь термин оппозиция, но он довольно условен, поскольку никакого организационного оформления она не имеет. Этим термином просто объединяется ряд всех критиков власти, причем безотносительно к проблеме грузино-абхазского урегулирования. Существование пугала в лице Грузии, образ внешнего врага препятствует оформлению оппозиции как организованной и структурированной силы. Со стороны официальных властей нередко можно слышать, что оппозиция вносит раскол в общество, в то время как этому обществу нужны консолидация и единство перед лицом грузинской угрозы. Так, например, в ответ на острокритическую публикацию одного из деятелей, относимых к оппозиции, появилась статья пропрезидентских авторов, в которой провозглашалось: "...наши недруги пытаются сделать все для осложнения обстановки внутри Абхазии, стремятся дестабилизировать ее. Как известно, ради осуществления подобных целей, наши противники не брезгуют ничем, используя любые способы и методы в борьбе против проведения выборов. При очевидности всего сказанного, трудно понять поведение некоторых граждан Абхазии, которые своими действиями и выступлениями в прессе объективно подыгрывают врагам".⁵

Страх перед расколом сидит и в самих оппозиционерах, страх, что Грузии действительно на руку разногласия среди абхазов, возможная конфронтация в народе. Хотя на самом деле это страх не перед Грузией, а перед самими собой, перед неумением вести диалог,

⁵ Кому это нужно? Открытое письмо в редакцию "Нужной газеты"// Нужная газета. 1999. № 48. С. 3.

слушать друг друга, склонностью переходить на взаимные обвинения, перед отсутствием политической культуры.

Косвенным доказательством вышесказанного (только косвенным) является, например, и то обстоятельство (оно же может служить и признаком закрытого общества), что острые внутренние дебаты не выносятся на внешнюю аудиторию. До сих пор нам не попадалась какая-либо статья в различных изданиях, выходящих за пределами Абхазии, абхазского автора, посвященная внутривнутриполитическим проблемам. Критические материалы на страницах абхазской прессы расцениваются как, так сказать, домашний разговор, в то время как вынос этого разговора на внешнюю аудиторию может быть расценен как апелляция к третьей стороне или поклеп. Стремление не навредить удерживает от соответствующих публикаций тех, кто мог бы выступить с обстоятельным и нелицеприятным анализом положения в Абхазии.

Вместе с тем, в Абхазии постепенно нарастает понимание бесперспективности обвинения грузин во всех бедах. Антигрузинские пропагандистские ходы становятся все менее эффективными. Все менее убедительными выглядят попытки указывать на Грузию как на виновницу всех бедствий и перекладывать всю ответственность за тупик в переговорном процессе на грузин. Открытый сигнал прозвучал со стороны представителей абхазской диаспоры из США. Бывший представитель президента Абхазии в этой стране Инал Казан в ноябре 1999 г. направил открытое письмо В. Ардзинба с призывом уйти в отставку, обвинив его в непродуктивной политике, в частности, в том, что ответственными за тупик в переговорном процессе объявляются лишь грузины. Поскольку это письмо является весьма симптоматичным, следует чуть подробнее остановиться на тех обстоятельствах, которые оно объективно обнажает, независимо от мотивов, которыми руководствовался его автор.⁶ Послание Казана отражает настроения, существующие в абхазском обществе, но которые в самой Абхазии столь открыто не высказывались. Критика президента не доходила до сих пор до призыва уйти в отставку и освободить место другому. Новой является и сама форма открытого письма.

⁶ См. Сергей Шамба. Почему ушел в отставку полномочный представитель Республики Абхазия в США// Нужная газета. 2000. №5. С. 3-4.

(Характерно, что после этого появилось открытое письмо в адрес президента и со стороны внутренних оппонентов). Для нас здесь важнее мнение Казана о необходимости достижения мира вместе с грузинами и прекращения обвинений в их адрес по поводу всех бед абхазов. И в самой Абхазии достаточно давно уже начинают понимать справедливость этого замечания, но публично и с такой определенностью никто еще не высказывался. Трудно сказать, послужит ли это началом продуктивной дискуссии по выходу из тупиковой ситуации в грузино-абхазских взаимоотношениях, для чего действительно надо перестать видеть в оппонентах виновников всех своих неудач, тем более, что перечень реальных обвинений, которые можно предъявить грузинской стороне, и без того внушителен.

Во время военных действий 1992-1993 гг. диаспора оказала активную поддержку своей исторической Родине. Сегодня, когда Абхазия представляет собой изолированную республику, никем не признаваемую, поддержка диаспоры становится особенно значимой. Поэтому сигнал, прозвучавший с этой стороны, не может не вызывать беспокойства, хотя сложно сказать насколько он, так сказать, репрезентативен. Возможно он знаменует появление нового круга отчуждения.

Первый круг отчуждения – это отчуждение от международного сообщества, поддерживающего территориальную целостность Грузии и не признающего абхазскую независимость. Доступ в республику международного бизнеса, инвестиций и вкладов затруднен, невозможен доступ организаций по развитию. Далее, отчуждение структур власти, озабоченных исключительно узкими, своекорыстными интересами удержания власти и извлечения наибольших выгод для сложившейся номенклатуры. Отчуждение от диаспоры, постепенно разочаровывающейся в ходе дел в Абхазии и, пока только наметившееся, отчуждение абхазской общины от других национальных общин.

Весьма показательной явилась предвыборная ситуация в Абхазии и дебаты вокруг закона “О выборах Президента”. В этом законе предусмотрен пятилетний ценз оседлости для кандидатов в президенты. Значительная, оппозиционно настроенная часть общества, резко отрицательно оценила эту меру, посчитав ее недемократичес-

кой и, прежде всего потому, что она лишает представителей диаспоры, среди которых назывались различные фамилии, права выдвигать свою кандидатуру. Хотя первой и непосредственной причиной такой реакции явилось желание провести альтернативные выборы и выдвинуть кандидатов, способных составить реальную конкуренцию нынешнему президенту, присутствовало и понимание пагубности отталкивания диаспоры и, тем самым, углубления изоляционизма, опасение того, что подобный закон с цензом оседлости, произведет плохое впечатление на зарубежных соотечественников. Что касается отношений с национальными общинами, то во время грузино-абхазской войны они поддерживали абхазов, а в послевоенный период разделили с абхазами лишения и трудности – безработица, преступность, неопределенность будущего, однако при этом оказались более незащищенными, чем абхазы. Сохранившиеся у абхазов традиционно крепкие узы кровнородственных отношений, традиции взаимной помощи и поддержки, защиты и заступничества со стороны членов рода, помогают многим из них держаться на плаву. У других национальных групп эти традиции не столь ярко выражены или вовсе отсутствуют. Если неэффективность государственных и социальных механизмов поддержки компенсируется у абхазов взаимопомощью на уровне кровнородственных связей, то представители других национальных групп чувствуют себя незащищенными. Большая сплоченность абхазов, их положение как коренного, аборигенного населения и титульной нации, а также обстоятельства грузино-абхазского конфликта, в котором абхазы держат главный удар, делает их бесспорными лидерами среди национальных общин, и это положение всеми национальностями воспринимается как естественное и, по крайней мере, публично, не оспаривается. “Абхазы, как лидирующая титульная нация, должны начать процесс духовного оздоровления общества...”⁷ Вместе с тем подобная ситуация, нашедшая свое отражение в статье Конституции, где президентом Абхазии может быть только лицо абхазской национальности, порождает у других национальных групп чувство пессимизма относительно своей полноценности. “На практике ощущается известное отчуждение этих (т.е. не

⁷ Надежда Венедиктова. О положении национальных меньшинств в Абхазии// Нужная газета, 2000. №1. С3.

абхазских – А.Л.) национальных групп от поиска и создания жизнеспособной модели дальнейшего развития Абхазии”⁸ – отмечает тот же автор.

Ш

Общество испытывает дефицит таких ценностей, которые могли бы объединять, независимо от национальных различий. Отсутствием таких ценностей вызвана во многом и та статья конституции, о которой говорилось выше, поскольку лояльность президента может быть гарантирована только его национальностью. Национальная лояльность в этих условиях является единственной гарантированной формой лояльности. При слабости и эфемерности других форм лояльности, в таком обществе неизбежно возникает некоторая отчужденность, т.к. ведущей становится лояльность к национальной группе и национальная принадлежность покрывает все другие формы принадлежности. Инфантильная позиция неабхазских национальных общин, ждущих от титульной нации начала оздоровления общества, не оправдывается, поскольку со стороны абхазов не последовало равным счетом ничего а то, что ими предлагается в качестве спасительной идеологии или теории, способно только привести к еще большему отчуждению. Я имею в виду то, что в абхазском произношении звучит как “апсуара”, то есть в буквальном переводе на русский – “абхазство”. После войны дискуссии вокруг апсуара резко активизировались, в связи с необходимостью чем-то заполнить идеологический и духовный вакуум, образовавшийся после крушения прежней системы ценностей. Простое и ясное определение апсуара как национальной житейской системы взглядов и норм поведения, было дано в свое время известным абхазским этнографом Ш.Д. Инал-ипа.

Если до распада Советского Союза и последовавшей вскоре за этим грузино-абхазской войны, категория апсуара и связанный с ней комплекс вопросов, находились, так сказать в домашнем употреблении абхазов, то теперь, когда абхазы в своей республике стали полноправными хозяевами и возникла потребность в выработке новой идеологии, новой системы ценностей, естественно они взялись за

⁸ Там же. С.3.

первое, что было под рукой и ближе всего – за апсуара. Оно стало нагружаться дополнительным философским, социальным, политическим смыслом, словом развиваться вглубь и вширь, а вернее сказать, вкривь и вкось. В конечном итоге, сегодня это, на мой взгляд, типичная мифологема.

При всем расширении значения термина “апсуара” в его основе остается представление о самобытных корнях и особенностях абхазских традиций и норм поведения, но эти обычаи и нормы вовсе не обязательны для других национальностей у которых есть своя “русскость”, “армянскость” и “грузинство” и проч. Как бы ни пытались универсализировать это понятие, в своей основе оно останется этноцентрическим и не может служить ценностным ориентиром для полиэтнического общества.

Апсуара рассматривается как гарантирующее самобытность и оригинальность абхазов, специфически присущее абхамам. Возникает вопрос: не утратит ли оно статус оригинально-присущего абхамам, будучи сообщено другим национальностям, сможет ли оно обеспечить идентификацию абхазов? Я припоминаю следующий эпизод. Когда на одной из конференций докладчика из абхазов спросили, может ли тот метод традиционной народной дипломатии, который он описывал (к сожалению я не помню какой именно) быть применен по отношению к представителям другой национальности, тот ответил, что нет, т.к. это другая культура. Поэтому одна из причин неэффективности традиционной народной дипломатии в современных межнациональных конфликтах, во всяком случае в грузино-абхазском, заключается в том, что ее методы рассматриваются как часть изначальной национальной традиции, становятся тем самым частью этноцентрического самоосознания и считаются ненужными или необязательными по отношению к представителям других культур.

При анализе грузино-абхазского конфликта и типов столкнувшихся здесь самосознаний, на сегодняшний день мы имеем с абхазской стороны – этнонационализм, грузинская сторона все более утверждает на евронационализме, хотя об этом можно говорить пока еще только как о тенденции. В первом случае – апелляция к праву на самоопределение, во втором – к принципу территориальной целостности. Было бы интересно рассмотреть отдельным пунктом взаимосвязь

между двумя типами самосознаний и принципами самоопределения и территориальной целостности, а также между самими этими принципами. Вкратце заметим, однако, следующее. Примирить их между собой можно только за счет ограничения суверенитета одного права в пользу другого, что и происходит в случае с грузино-абхазским конфликтом, когда международным сообществом отдается приоритет территориальной целостности. К тому же принцип территориальной целостности обладает “территориальной целостностью” однозначно толкуемого принципа, в то время как при реализации права на самоопределение возникают различные вопросы, например, кто является субъектом самоопределения. И само самоопределение может быть различным. Объявление независимости, вступление в состав другого государства, образование союзного государства – все эти действия могут быть способами самоопределения. Но вопросов государственно-правовых отношений я здесь не касаюсь, концентрируясь на факторах, влияющих на мирное урегулирование, с которыми придется иметь дело, независимо от того, будет найдена политическая формула или нет. Верно, правда, и то, что трудно бывает указать, где тут “телега”, а где “лошадь”.

Вот как описывает две вышеупомянутые политики самоосознания Дж. Комарофф: “Евронационализм предполагает светское государство, основанное на универсалистских принципах гражданства; этнонационализм же ставит во главу угла культурную специфику, подчеркивает духовные начала своей природы и гарантирует членство на основе принадлежности, которая, как считается, в свою очередь обеспечивает *особо сильное чувство эмоциональной привязанности*”.⁹ (курсив мой – А.Л.).

Я выделил последние слова в приведенном высказывании, чтобы акцентировать внимание на эмоциональной составляющей этнонационального сознания. Если его отличает особо сильное чувство эмоциональной привязанности, то и наоборот, можно сказать, что ему свойственно и особо сильное чувство эмоциональной неприязни. Это подтверждается и примером грузинского этнонационализма

⁹ Дж. Комарофф. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века// Этничность и власть в полиэтничных государствах. Москва. 1994. С. 58.

в период Гамсахурдиа, когда объектом неприязни для грузинских националистов являлись русские. Причем, вследствие свойственного этнонационализму сущностного подхода, а также представления об избирательном сродстве и, возможно, особенностей структуры эмотивного характера, он обнаруживает склонность к абсолютизации привязанностей, тех или иных симпатий и антипатий. В самих по себе привязанностях нет какой-либо опасности, они вполне естественны. Другое дело их абсолютизация.

Я не претендую здесь на обобщение, но если судить по Абхазии этнонационализм имеет явную тенденцию к существованию вечных друзей и вечных врагов. Помимо вытекающих из этого трудностей урегулирования (как найти общий язык с врагом, если его враждебность вечна и изначальна?), этнонационалистические сообщества вращаются в кругу одних и тех же проблем, которые повторяются, потому что не решаются. Вот высказывание одного из бывших лидеров абхазского национального движения, а теперь представителя пресловутой оппозиции: “Это Англия может себе позволить не иметь вечной политики и вечных друзей, а нам без вечных друзей-братьев и без искренних взаимоотношений не обойтись”.¹⁰ Под друзьями-братьями здесь имеются в виду северокавказские народы, оказавшие большую поддержку абхамам во время войны. Соответственно, зеркальным отражением этого термина по отношению к грузинам будет – вечные враги-недрузи. Оговорюсь, что в данном случае меня интересуют не обстоятельства, приведшие к таким представлениям (ясно, что развязанная грузинами война, не могла вызвать у абхазов дружеских чувств по отношению к ним). Меня интересует структура определенного менталитета и ее реакция на соответствующие обстоятельства. В свое время, когда в советский период, абхазы и грузины мирно проживали на одной территории, историки писали о дружбе между ними как “извечной и нерушимой”.

Возвращаясь к вопросу об этнонационализме и евронационализме, следует указать, что и последняя тенденция, хотя и очень слабо, присутствует в общественно-политической жизни Абхазии. В некоторых статьях третьего сборника “Перспективы”, издаваемого фондом “Гражданская инициатива”, явно присутствуют евронационали-

¹⁰ Геннадий Аламя: Пора выживания // Нужная газета. 1999. № 48. С. 1.

стические идеи, зарождающиеся, по видимому, в третьем секторе, хотя в силу недостатка интеллектуальных сил, которые основательно занимались бы научными исследованиями, вряд ли эти идеи получат полное оформление.

Этнонационализм абхазов, который, как и все этнонационализмы, по характеристике Комароффа, ставит во главу угла культурную специфику, тем не менее, одновременно связан с идеей государственности. Государство рассматривается абхазами как механизм, позволяющий выжить, причем выжить как народу, как этносу. Первоначально в абхазском национальном движении “государственность” являлась не столько объектом перспективных дискуссий, сколько объектом оборонительной риторики. Достаточно обозреть публикации довоенного периода, чтобы убедиться в этом. Вряд ли найдется какое-нибудь обстоятельное интервью или статья, какое-нибудь выступление, в которых по существу обсуждались бы вопросы трансформации общества в отдельном государстве, преобразование экономики, концепция социального и культурного строительства, выстраивание отношений между национальными общинами, короче говоря, все те вопросы, которые неизбежно встают перед теми, кто взял курс на независимую государственность. Преобладающим желанием абхазов оставалось вступление в состав Российской Федерации. Приверженность абхазов к России в свое время заходила столь далеко, что Гиа Нодиа, рассматривая особенности абхазского национального проекта, написал: “Разумеется у них было полное право избрать русификацию в качестве своего национального проекта...”¹¹

Однако распад Советского Союза, последовавшая затем война с Грузией и победа в ней, поставили абхазов перед реальным фактом самостоятельной государственности, к которой они оказались не готовы. Отчасти этим фактом объясняется то, что и сегодня практически отсутствует сколько-нибудь внятная политика в социальной, экономической и культурной областях, политика в новых условиях. По сути произошло переодевание старой советской номенклатурной системы в национальные одежды.

¹¹ Гиа Нодиа. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы. Путь к примирению. Москва. 1998. С. 37.

Как официальные власти, так и оппозиционеры оказались удивительно бесплодны в выработке политики, отвечающей на деле требованиям самостоятельной государственности. Касательно оппозиции все ее “идеи” в конечном счете сводятся лишь к замене “плохого” президента “хорошим”.¹² В этом сказывается, мягко говоря, политический дилетантизм абхазских элит, неспособных ответить на вызов изменившихся обстоятельств. Поэтому базовые основы изоляционизма и замкнутости останутся прежними, независимо от того, кто находится у власти. Трудно ожидать серьезных изменений и реформ в социально-экономической и политической жизни Абхазии, где титульным народом владеет страх потерять лидирующее положение в республике. Серьезнейшая проблема, стоящая перед абхазами – как добиться совместимости необходимых преобразований во всех сферах социальной и политической жизни с тем, чтобы выйти из глубокой отсталости и стать частью современного мира и, в то же время, сохранить лидирующее положение? Как реформировать и модернизировать государственный механизм, структуры управления, социальные и политические институты и в то же время не утратить контроль над ними?

Национальное государство в представлении абхазов является единственным гарантом их выживания как этноса. Однако, государства как такового, фактически не существует. Классическое определение Максом Вебером государства, как обладающего монополией на законное применение силы, здесь не работает. Наличие на руках у населения значительного количества оружия и традиции кровной мести приводят к актам самосуда и саморасправы. Официальные органы зачастую бессильны и неэффективны в отправлении правосудия. Кроме того, лояльность по отношению к роду, к фамильному клану сильнее лояльности к “государству”, структуры которого оплетены кровнородственными и клановыми связями. Такое общество мало проницаемо для новых технологий и модернизации. Между тем, без модернизации и серьезных структурных преобразований, невозможно оформление подлинной государственности, способной на деле, а не на словах решать общенациональные задачи.

¹² Возможно, с появлением нового движения “Возрождение” положение изменится.

Сказанное выше подразумевает, что и процесс грузино-абхазского урегулирования, в случае если будут выдвинуты далеко идущие инициативы, потребует существенных изменений в сложившейся внутривосточной ситуации в Абхазии, могущих нарушить баланс власти. Урегулирование на долгосрочной основе потребует ряда институциональных решений. На такого рода решения в Абхазии сегодня никто не готов.

Легче идти по пути институционализации уже существующих отношений и контактов. “Создание в ноябре 1997 г. Совета сотрудничества институционализировало прямые контакты. ООН, проявившая живейшую активность в создании Совета, надеялась, что такая попытка сближения сторон облегчит политическое урегулирование”.¹³ Институционализация уже существующих связей может иметь место и на научном, культурном уровнях. Например, существует мысль о создании института грузино-абхазских взаимоотношений. В рамках деятельности этого института мог бы изучаться целый комплекс проблем во взаимоотношениях двух народов в различных ракурсах и, тем самым, положено начало восстановлению прерванных связей между научными кругами. Уже некоторое время в Грузии осуществляется программа по развитию абхазского языка как государственного, в целях реализации которой издаются книги на абхазском языке – сказки, пословицы, грузино-абхазский разговорник. Не вдаваясь в детали, скажу только, что абхазами это программа воспринимается как пример навязчивого патернализма, во многом из-за политики советского периода, память о которой сохраняется как память о патернализме в грузино-абхазских взаимоотношениях. В случае создания совместного института взаимоотношений, программы по сохранению и развитию языка, как и другого рода программы, можно будет осуществлять силами самих абхазских ученых, с определением ими самими приоритетных задач и целей. А это уже гораздо более плодотворный и перспективный подход.

Напоследок хотелось бы затронуть один аспект общего характера. После масштабных конфликтов процесс примирения должен захватывать различные группы и слои населения. В этой связи часто

¹³ Бруно Коппитерс. Введение// Грузины и абхазы. Путь к примирению. Москва. 1998. С. 6.

говорят о разных уровнях дипломатии, о многоуровневости. Но если брать Абхазию, то никаких качественных уровней нет. Общество является одномерным. Все его различия покоятся на одной поверхности, все его отличия расположены на одной плоскости. Про него можно сказать, что оно неоднородно, но одномерно. Поэтому среди его членов нет качественных различий и на общественной сцене на всех “уровнях” выступают одинаковым образом обусловленные актеры. Только с усложнением общественной структуры, появлением здесь действительной иерархии уровней, можно будет говорить о многоуровневости диалога, его расширении и углублении.

IV

Выборы президента и референдум 3 октября ничего по сути не изменили. Значительная часть населения, узнав об Акте о государственной независимости, искренне удивилась – неужели у нас до сих пор его не было? Во внешнем мире эти шаги также не вызвали значительного резонанса. Даже в Грузии отреагировали в общем довольно вяло. Значение акта о независимости больше знаковое и символическое. Оно является завершающим для определенного периода, когда от окончания войны и вплоть до самого объявления независимости, абхазами был предпринят целый ряд шагов по самоопределению: дважды выборы президента, принятие конституции, выборы в парламент, референдум. Может быть логическое завершение станет одновременно и поворотным пунктом? Настоятельные потребности развития экономики, стремление к миру и безопасности могут привести к сотрудничеству в этих областях и не просматриваются ли новые перспективы сближения из нынешнего момента?

Аннотация

Автор статьи рассматривает внутривнутриполитическую ситуацию в Абхазии, взяв в качестве отправного пункта выборы президента и принятие акта о независимости осенью 1999 г. Расценивая эти события как итоговые для определенного периода, он рассматривает сквозь их призму обстановку в Абхазии в связи с грузино-абхазским конф-

ликом. Изучая многообразные факторы политического, идеологического, межэтнического характера, находящиеся в сложных сплетениях друг с другом, автор увязывает их с перспективами грузино-абхазского урегулирования.

В то же время прослеживается и степень влияния противостояния с Грузией на абхазское общество. Характеризуя его как замкнутое общество, автор изучает основные тенденции в общественно-политической жизни Абхазии, которые привели к этому. В отличие от распространенного взгляда на изоляцию Абхазии как на следствие конфликта, он, не отрицая этого фактора, автор обращает внимание прежде всего на особенности внутреннего положения в республике, питающих изоляционистские тенденции.

Вопрос: – Правильно мы поняли вас, что самоопределение возможно в рамках федеральных отношений?

Абесалом Лепсая – Готовой модели у меня нет, и сомневаюсь, что она у кого-то есть, но я глубоко убежден, что, оставаясь в пределах оппозиции – самоопределение или территориальная целостность – урегулирования не достичь, они практически не соединимы. Эти оппозиции нужно оставить в покое, и не возвращаться к ним очень долго. Надо заниматься реальными проблемами, можно идти по пути институционализации тех связей, которые уже существуют. Как был создан, например, координационный совет. Бруно Коппитерс в одной из своих статей говорил, что это есть институционализация каких-то уже существующих связей и мы должны по этому пути идти. Сами эти категории – самоопределение и территориальная целостность – могут являться отражениями этого сущностного, изначального подхода, они тоже стали в нашем сознании вечными и изначальными, и мы упираемся лбами то в самоопределение, то в территориальную целостность, а их невозможно примирить. Я сколько ни размышлял над этим, не видел возможности примирить эти два принципа. Если это кто-то знает, я рад был бы услышать... Принцип территориальной целостности очень определенный, а принцип самоопределения более многозначный, здесь возникает вопрос и идут дискуссии: кто является субъектом самоопределения? Какое самоопре-

деление? В принципе, если какое-нибудь государство принимает решение войти в состав другого государства, то на самом деле это тоже самоопределение, т.е. оно так решило и так самоопределилось. Здесь множество вопросов. Если говорить о федерализме, то это тоже широкое понятие, существуют разные формы федерализма, это вопрос к юристам.

Миша Мирзиашвили – Вы подчеркнули, что акт независимости был принят поздно, после окончания боевых действий. Я не расслышал – почему, какая логика?

Абесалом Лепсая – Трудно говорить за тех, кто принимал решения и инициировал их, но одной причиной может быть то, что пытались еще найти взаимоприемлемое решение, потому что принятие акта независимости – это уже сужает правовое поле для компромиссов – оно сузилось до неразличимости теперь. А тогда, возможно, они еще пытались найти какой-то компромисс и решение. Это мое мнение.

Давид Силагадзе – Еще до войны был поднят вопрос федерального устройства Грузии, и этот вопрос поднял господин Тарас Шамба. К сожалению, тогда наша сторона обошла этот вопрос частично молчанием, а частично приняла в штыки. Тогда те которые правила, считали, что Грузии не нужна никакая автономия, и она должна существовать как унитарное государство. Безусловно, унитарное государство более прочное, устойчивое, и было бы хорошо иметь такое государство. Но в наших условиях это нереально. Это мы не учли тогда. Мы тогда упустили возможность пойти навстречу. Может быть, мы избежали бы кровавого противостояния, а может и нет. Во всяком случае, у нас был бы сейчас более широкий фронт работ по статусу и по решению главного вопроса. Без решения этого вопроса сейчас трудно решать другие. Недавно в прессе просочилось такое мнение, что грузинская сторона не должна выставлять предложения по статусу, пусть абхазская сторона выставляет такие предложения. Считаю это неправильным, потому что абхазская сторона свои предложения уже выставила, и они несколько раз это повторили. А мы обещаем, что будет широкая автономия. Давайте придадим этому обещанию форму хотя бы проекта, чтобы потом спорить вокруг него: приемлемо или не приемлемо. С абхазской стороны говорят, что мы уже имеем свой статус – конституция определяет положение Абха-

зии, а с другой стороны говорят, что не хотят автономии вообще, нужно упразднить и те которые есть, или же говорят, что мы не должны ничего предлагать, пусть сами предлагают. Это и есть нежелание решить вопрос. А без решения вопроса о статусе, трудно решать другие вопросы.

Миша Мирзиашвили – У меня вопрос. Какова перспектива возвращения беженцев?

Нателла Акаба – Мне кажется, что касается вопроса беженцев, то самое болезненное – это страх оказаться в прежней демографической ситуации. Этот фактор в значительной степени поддерживает состояние «ни мира, ни войны».

Батал Кобахия – Вы сказали, что «нашу страну займут другие»... О каких шагах народной дипломатии вы говорите, какую «нашу страну» имеете в виду... какую несправедливость...?

Давид Силагадзе – Я сказал, что если мы будем продолжать конфронтацию, если мы не пойдем на примирение, не найдем общий язык, то уничтожим друг друга. Я сказал, что нас, грузин не мало и абхазов немного. Мы можем друг друга уничтожить и высвободить геополитическое пространство для тех, кто заинтересован иметь свои позиции в этом пространстве.

Джонатан Коэн – Много говорили сегодня утром о том, что политическое общество Абхазии довольно ригидное и однородное, что серьезных политических партий не существует. Мне кажется, что самые острые политические вопросы в Абхазии часто связаны с конфликтом с Грузией, и политическое мнение об этом довольно монолитное, и мне интересно по каким другим внутренним вопросам существуют политические разногласия в Абхазии и существуют ли дебаты по этим вопросам.

Нателла Акаба – Это очень интересный вопрос. Действительно, в Абхазии сегодня очень слабо ведутся политические дебаты. Дело в том, что общество совершенно не готово к большей открытости, хотя все понимают, что существуют проблемы социального и экономического характера. Существует также очень большой страх перед внутренней дестабилизацией, что заставляет людей воздерживаться от открытых политических дискуссий. Постоянно звучат угрозы о чеченском сценарии, это сильно сдерживает любые политические дебаты.

Абесалом Лепсая – Дело в том, что фактор грузинской угрозы стал фактором внутривнутриполитической жизни Абхазии, то есть, существует опасение раскола из-за открытых дискуссий. На самом деле, такая опасность существует, но она проистекает из неподготовленности общества к такого рода дискуссиям. Это страх перед самим собой, перед собственной неподготовленностью вести плодотворные дискуссии, перед отсутствием соответствующей политической культуры: умением слушать друг друга, приводить разумные аргументы и не смущаться, что какие-то взгляды могут быть иными и даже неприемлемыми. На самом деле страх перед расколом, конфронтацией я оцениваю как реальную опасность, но по причине отсутствия в Абхазии нормальной политической культуры. Почему это происходит? Здесь может быть множество факторов: изолированное общество, невозможность нормального общения в Абхазии. НПО не могут свободно общаться с международными организациями, а западные структуры, способствующие развитию демократии, не получают доступа к Абхазии. Этот изоляционизм и препятствует возникновению нормальной политической культуры.

Манана Гургулия – Политических партий в Абхазии две – народная и коммунистическая. Степень их активности в политической жизни не очень велика. Чаще всего они поддерживают власть, опасаясь внутреннего раскола. Есть и несколько общественных движений. Причем представители одного из общественно-патриотических движений, а именно «Апсны», всячески подчеркивали, что не претендуют на роль политической партии и не планируют активно участвовать в политической жизни. Но сама жизнь заставляет их вносить коррективы в свою программу: так, они попытались выдвинуть своих кандидатов в Парламент. Все понимают, что сохранять такую политическую систему, где нет таких политических организмов как партии, становится невозможно. Но опасения перед многопартийной системой, которая расколется общество, пока присутствует.

Нателла Акаба – Иногда нам приходится слышать: вот вы хотите создавать партии, тогда у нас будет как в Грузии, где гражданская война началась из-за того, что там очень много различных партий. Так что такие опасения есть.

Нодар Сарджвеладзе – Я абсолютно согласен с Абесаломом, что непримиримы эти оппозиции – территориальная целостность и государственная независимость – и если все время быть в рамках оппозиции, прорыва не будет, но я хочу задать вопрос по поводу других оппозиций, которые ты здесь представил, по поводу – евронационализма и этнонационализма. Можно ли найти какие-то переходные пункты между этими двумя тенденциями. Потому что, если они являются мощными факторами, то они действительно разъединяют нации. Можно ли осмыслить между ними переходные ориентации или формы менталитета, которые сблизили бы эти две ориентации абхазского и грузинского евронационализма и этнонационализма.

Абесалом Лепсая – ... Я думаю, в Абхазии тоже начинают пробиваться евро-националистические тенденции, которые определяются на основе принадлежности к универсальным принципам гражданства. Ведь евронационализм склонен не столько отрицать самобытность других национальностей, сколько требует лояльности на всей территории своего государства, в то время как этнонационализм больше отгораживается (и это свойственно таким маленьким нациям, как абхазы, которым буквально приходится вести борьбу за выживание). Здесь очень трудно приходится оппозиции. Этноцентризм носит и некий магический характер. Это очень труднопримиримые тенденции, но вероятно не в такой степени, как самоопределение, независимость и территориальная целостность. Потому что это формы самоосознания, и в принципе они могут меняться. Трудно представить, например, что Грузия признает независимость Абхазии, или что Абхазия согласится на автономию в составе Грузии, но можно допустить, что евронационалистические идеи могут развиваться в Абхазии, что поможет сближению с какими-то грузинскими группами с либеральными идеями. Отчасти так и происходит на уровне неправительственных организаций. И в то же время не исключено, что и в Грузии могут возобладать этнонационалистические тенденции. Вот, например, так было во времена Гамсахурдиа. Формы этнонационализма тоже могут быть разные, то есть Гамсахурдиевский, был какой-то диковатый, но это был тоже этнонационализм, и как ни странно, тогда дело не дошло до грузино-абхазской войны. Может быть, этнонационализмы склонны понимать друг друга. С другой стороны евро-

националистические идеи могут получить развитие и в абхазском обществе.

Нодар Сарджвеладзе – На какой почве? На почве экономики?...

Нателла Акаба – На почве того, что Абхазия – это курорт, и она не может быть изолированной от всего мира.

Арда Инал-Ипа – Я тоже согласна, что эти две ориентации отражены в различных слоях населения Абхазии. Евронационализм присущ, наверное, больше неправительственному сектору, и он очень часто не принимается остальной частью населения, так как видно, что направление, в котором двигаются НПО, несколько противоречит этнонационализму и приверженности к каким-то стабильным и неизменным культурным ценностям. Этнонационализм в современном мире в лучшем случае может привести к культурной автономии. Я много раз говорила, что ставя во главу угла этнографические ценности, мы фактически описываем то, как можно существовать в резервации или в автономии. Если же мы хотим государство, то мне кажется от евронационализма нельзя отойти. Необходимо найти путь, в котором будет возможно сочетание сохранения национальных культурных ценностей и включения в общемировой процесс.

Батал Кобахия –Здесь было сказано, что в Абхазии уважают, прислушиваются к мнению старейшин. Нас тоже интересует вопрос о том, как относятся люди к старейшинам. Если раньше в абхазском обществе мнение старейшин было принимаемо, то сейчас произошел надлом какой-то, и их мнение не всегда воспринимается, хотя общество ностальгически вспоминает былые времена. Может быть, это произошло потому, что Совет старейшин у нас стал регламентироваться сверху. После войны все барьеры разрушены, и мне трудно сейчас представить, что в нашем обществе на данном этапе к мнению старейшин будут особенно прислушиваться. Мне кажется, уже невозможно возродить этот институт. А что в этом отношении происходит в вашем обществе?

Силагадзе – Не обязательно чтобы старики собрались и выработывали рекомендации. Есть и другие неформальные движения, молодежные, пусть свое мнение выскажут, предложения представят. Вот в чем я вижу задачу народной дипломатии.

Лежава – ...Можно ли говорить сегодня о гражданском обществе в Грузии или в Абхазии?

Нателла Акаба – Я, конечно, не могу утверждать, что сегодня в Абхазии существует гражданское общество, но я могу утверждать, что идет процесс его формирования, хотя и очень болезненный. Он был бы намного легче, если бы не та ситуация, в которой оказалась Абхазия. Я уверена, что в Грузии это происходит более легко, и мы знаем, что Грузию поддерживают очень многие европейские и глобальные институты и их внимание нацелено на то, чтобы радикальным образом демократизировать грузинское общество.

Я могу сказать очень просто словами Конституции Абхазии, где сказано, что весь народ Абхазии является государствообразующим и носителем суверенитета. Дело в том – насколько это сегодня реально в жизни. Конечно, не вполне все благополучно и не слишком хорошо представлены представители других наций в правящих структурах, но тем не менее они представлены и, на мой взгляд, нельзя сказать, что в Абхазии этнократия. Сегодня, к сожалению, очень многие представители как абхазского, так и неабхазского населения, находящиеся в творческом расцвете, вынуждены были уехать из Абхазии в силу экономических трудностей. Естественно приходится выбирать из тех, кто остался. Но мне кажется, что и в Грузии тоже есть такая проблема в отношении представительства негрузинского населения. Так что, наивно было бы ожидать, что в Абхазии все было бы в этом плане благополучно... А так, конечно, мы все считаем, что не должно быть никакого различия на этнической почве. Хотя в конституции у нас есть пункт, который мне лично доставляет очень большие переживания, где говорится, что президентом Абхазии может быть только лицо абхазской национальности. Это было принято сразу после войны и рассматривалось как временная мера. Я тогда тоже была депутатом парламента, но мы считали, что это временная конституция переходного периода и думали, что это нужно в силу той тяжелой обстановки. Но сегодня этот пункт себя изжил и я считаю его неправильным.

Тинико Хидашели – Очень часто сегодня мы слышали, что одной из причин проблем и конфликта в обществе Абхазии, это угроза. Упоминали чеченский сценарий и т.д. У меня такой вопрос, угроза от кого? Потому что для меня, живя в Грузии и смотря на нашу обо-

рону и на наши войска, это очень смешно, когда слышишь, что кто-то боится нас.

Нателла Акаба – Дело в том, что я немножко о другом говорила. Может быть, другие говорили о грузинской угрозе, но не я. Такого страха перед Грузией, по-моему, нет. Есть страх того, что у нас внутри может что-то произойти, то, что ослабит нас, и мы потеряем нашу мобилизационную готовность, и тогда Грузия сможет этим воспользоваться. Не обязательно речь идет о широкомасштабной войне. Могут быть события, подобные гальским в 1998 году. Мы рассматриваем это, как попытку отторжения Гальского района и создания там администрации с господином Надарейшвили во главе. Для нас это очень серьезная угроза. А что касается доступа к грузинской прессе, к сожалению, она представлена только газетой “Свободная Грузия”, которая, на мой взгляд, играет негативную роль в миротворчестве... Вы знаете, каким-то непонятным образом негативная информация стремительно распространяется в Абхазии – где и что сказал Надарейшвили и т.п.

Если кто-то в Абхазии выскажет критическое замечание, тут же в “Свободной Грузии” из этого делают такую сенсацию, будто в Абхазии вот-вот произойдет гражданская война. Поэтому люди очень осторожны, и это можно понять.

Арда Инал-Ипа – Конечно, Вы знаете о положении в армии, но мне кажется, угрозу может представлять не только организованная армия. В 92-м году вряд ли армия была более профессиональной, более организованной. Иногда даже отдельные отряды представляют гораздо большую угрозу. Зло может принести не только прекрасная военная операция.

Нодар Сарджвеладзе – Мы часто говорим, что гражданское общество будет способствовать разрешению конфликта, вот я часто задаюсь вопросом, правда ли это так, вообще? Если, допустим, установится демократия, вдруг конфликты разрешатся. Очень много примеров того, что в демократических странах конфликты существуют и они эскалируют и т.д. и т.п. Т.е. видимо, надо выработать какую-то парадигму, которая необязательно, привязывается к демократии. Демократия сама имеет свою ценность, но не в том плане, что она обязательно как панацея разрешения конфликта. Я сам

себе задаю этот вопрос и задаю наверно всем, и наверно надо подумать об этом.

Паата Закареишвили – Дело в том, что общество без конфликта не развивается, без конфликта в мире ничего не происходит, так как демократия эта форма разрешения конфликта. Именно способом демократии цивилизация достигла такого уровня, что можно какими-то иными путями разрешить постоянные конфликты, которые не накапливаются, не превращаются в глобальные неразрешимые конфликты. Демократическое общество разрешает конфликты демократическим путем, дикое общество – диким путем. Но конфликты в любом случае существуют.

Пола Гарб – Исследования показывают, что демократические страны между собой не воюют. Война между ними не происходит. А много, случаев, когда демократические страны занимаются военными действиями.

Джонатан Коэн – Мне хотелось бы сделать маленький комментарий к вопросу Нодара. Дело в том, что вопрос о роли гражданского общества в разрешении конфликта – это действительно очень тонкий вопрос и разные научные институты исследуют опыт разных стран. Я знаю, что у нас в Великобритании есть некоторые исследовательские проекты в нынешнее время, которые исследуют опыт разных африканских стран: в Южной Африке, в Центральной Америке и т.д. Мне кажется, что есть разный уровень этого вопроса. Это действительно очень большое предусловие, то, что мы думаем априори, значит что, если будет более сильное гражданское общество, будет меньше опасности конфликтов. И мне кажется, когда люди спросят, какая связь существует между гражданским обществом и разрешением конфликта, я всегда попробую привести в аргументацию то что, если мы хотим найти мирный подход к конфликту и найти возможность для развития не только в течение месяца или двух, а в течение долгосрочного периода. Это значит, что общество само должно развиваться, чтобы найти такую методику разрешения внутреннего и внешнего конфликта, в котором люди чувствуют, что они сами участвуют в этом разрешении. Но это один подход к разрешению конфликта, но я не уверен, что этот подход, который включает возможность для реализации желаний и нужд большинства групп общества.

Поэтому я не думаю, что гражданское общество само может решить конфликты. Кто-то сказал, что это дело политических руководителей, но не надо забывать, что как у граждан у вас есть какая-то связь с вашими политическими руководителями. Но в разных странах эта связь – либо вы можете влиять в большей или меньшей степени. Это зависит от структуры государства, структуры общества и т.д.

Нателла Акаба – Если мы говорим о трансформации конфликта, то мне кажется, это невозможно в условиях отсутствия демократии и гражданского общества. Другое дело, что империи очень хорошо умеют разрешать конфликты, но каким образом? Или уничтожая целые народы, или переселяя. Я не думаю, что мы сегодня хотели бы вернуться к этим временам. Поэтому мне кажется, альтернативы нет. Или демократия, настоящая демократия, или авторитаризм и тоталитаризм. Надо выбирать.

Давид Бердзенишвили

ЕДИНСТВО ЧЕРЕЗ РАЗДЕЛЕНИЕ

Проблемы регионализма Грузии и общего грузино-абхазского государства

Проблема территориального устройства становится для Грузии все более и более актуальной. Среди достижений демократической системы есть как децентрализованный унитаризм, так и федерализм. Разные страны пользуются разными моделями управления. Два десятка лет тому назад Испания выбрала третью модель – асимметричный регионализм; регионализм этот перманентно углубляется, и сейчас уже многие децентрализованные государства пользуются испанским опытом.

Принятая в 1978 г. конституция Испании (считающейся “страной автономий”) запрещает федеральный союз “сообществ”, т.е. крупных регионов, и сами испанцы называют свою модель то полуфедерацией, то квазифедерацией, а порой и суперфедерацией. Фактически

кие полномочия некоторых автономий даже больше, чем полномочия субъектов федераций в федеральных государствах. Бывший омбудсман Испании, народный защитник Совета Европы Альваро Хилль-Роблес считает, что “баски уже забили в ворота Мадрида столько голов, что по сравнению с ними игра «Баварии» – детская забава”. В Грузии есть и своя Страна Басков, и Каталония, и Галисия. Поэтому испанский опыт ей пригодится.

При обсуждении проблем административно-территориального устройства часто обращаются к истории. В грузино-абхазском этнополитическом конфликте обе стороны возлагали особую идеологическую нагрузку на фактор исторической справедливости. Грузины подчеркивали, что на территорию Абхазии в течение многих веков распространялась грузинская государственность. Абхазы активизировали те периоды истории, когда абхазские политические единицы были независимы от грузинских центров (раннее средневековье, позднее средневековье; почему-то они мало говорят о позднеантичной эпохе). Справедливость / несправедливость не является параметром истории. История по ту сторону добра и зла, совести она не имеет, и при обсуждении проблем административно-территориального устройства Грузии считать историю чуть ли не главным параметром – в лучшем случае, интеллектуальная ошибка. Можно провести аналогию с Косовом – исторически “Косово поле” для сербов – то же, что Крцаниси конца XVIII в. для Грузии. Можно увидеть и аналогию с Южной Осетией. Политико-интеллектуальной ошибкой, кроме всего прочего, было упразднение Милошевичем автономии Косова в 1989 году, во время празднования 500-летия “героического” поражения от турок. Такую же бездарность проявил Гамсахурдия, упразднив через год югоосетинскую автономию.

В Грузии немало субэтносов с высокой общегрузинской национальной идентичностью. К тому же, региональная идентичность не создает каких-либо проблем. В Грузии слаба приверженность к районам. Представитель того или иного уголка Грузии скорее вспомнит свою деревню, нежели существующий с советского периода район.

Административно-территориальные единицы должны образовываться по принципу социально-экономической соразмерности. Сегодня в Грузии рассматриваются, в основном, два подхода к краево-

му региональному делению. По одной версии, создается 10-12 административных единиц в соответствии с историческими краями, а по второй – 18-20 единиц. Из них большинство регионов будут соразмерными по численности населения и территории. Отдельной административной единицей выделяется Поти – морские врата Грузии (по аналогии с Гамбургом и Бременом). Нормально будут функционировать и несколько специфических горных регионов, как во многих децентрализованных государствах, где созданы фонды социальной солидарности.

В соразмерных с Грузией европейских странах количество административно-территориальных единиц – от 10 до 20. В Португалии все административные единицы называются именами центров регионов. Там, где достаточно силен исторический фактор, регионы носят названия исторических провинций. Такова ситуация как в федеральной Германии, так и в Италии, которая считается унитарным государством. Есть и смешанные варианты, скажем, в Голландии. Грузии, на наш взгляд, больше подходит последний вариант.

В настоящее время в Грузии усиливается региональная номенклатура – институт уполномоченного президента. Региональных представительных органов пока нет, местное самоуправление слабо. Необходима легализация краев (в конституции эта глава опущена). Без представительных органов и других демократических институтов процесс феодального раздробления затянется.

Статус субъекта многосубъектной федерации абхазскую проблему не решит. “Федеральность” грузинских (или, как предпочитают некоторые абхазские авторы – картвельских) исторических регионов (земель) будет искусственной и неадекватной. Асимметричный регионализм способствовал бы превращению пестрой Грузии в плюралистическое общество. И грузино-абхазский диалог, на наш взгляд, имеет шанс выработать единую позицию по созданию общего государства.

31 января ООН приняла очередную резолюцию по с грузино-абхазскому конфликту. На сей раз Совет Безопасности обратил особое внимание на вопрос статуса Абхазии. Министерство иностранных дел Грузии заявляет, что ведется работа по созданию такого документа. В последнее время некоторые представители политического спектра и неправительственного сектора сделали смелые заявления.

Чем дальше, тем меньше становятся шансы совместного проживания грузин и абхазов в совместном государстве. За рекой Ингури, фактической границей между Грузией и Абхазией, утверждается независимый от Тбилиси образ жизни и образуется де-факто государственная единица.

В Тбилиси уже заговорили о праве абхазов на создание независимого государства. Другое дело, есть ли у них реальный ресурс обустройства государственной жизни, насколько готовы внутренние и внешние условия для реализации этого права.

Государственная целостность Грузии защищена документами, принятыми ООН и ОБСЕ. Однако на последней стадии завершения холодной войны, в процессе распада СССР и, особенно, Югославии, стало ясно, что нормы международного права отстали от жизни, и реально территориальную целостность Грузии сегодня больше защищает политическая конъюнктура, чем документы или нормы.

Решение абхазской проблемы путем военных операций более иллюзорно, нежели мирное урегулирование вопроса. Даже в случае применения одной из модификаций балканских вариантов, абхазское сопротивление преодолено не будет. У предельно коррумпированной, голодной и обнищавшей Грузии нет на это сил. Положение будет стабильным только в том случае, если большинство абхазов сами захотят жить в единой Грузии.

Пока реально существует поддержка Запада, грузины не должны бояться установления горизонтальных отношений между Тбилиси и Сухуми. Возможно, еще есть шанс создания **двухсубъектного, равноправного, общего и единого государства грузин и абхазов.**

Тысячу лет тому назад Грузия образовалась как царство абхазов и грузин. Несмотря на культурно-политический приоритет грузин, это была модель сосуществования двух этносов в едином государстве. Грузия состоится как современное плюралистическое государство, если удастся защитить суверенные права этих двух народов.

Перед грузинами стоит сложная задача: они должны убедить абхазов в том, что, в отличие от беспокойного Северного Кавказа, жизнь в едином, демократическом грузинском государстве будет для них привлекательной и безопасной. От Грузии, как от субъекта международного права и страны с большим демократическим ресурсом, тре-

буется быть инициативной, быть более уступчивой, дабы не ассоциироваться в сознании абхазов с образом врага.

Тбилиси должен отказаться от требования восстановления довоенной демографической ситуации семилетней давности; абхазы не могут согласиться с тем, чтобы грузин в Абхазии снова было в два с половиной раза больше них. Такое соотношение – результат начатой Лаврентием Берия грузинской советской демографической экспансии. Полномасштабному урегулированию проблемы в значительной мере способствовала бы финансовая помощь международных организаций, направленная на адаптацию части изгнанных из Абхазии грузин в других регионах страны. Большая же их часть почувствовала бы себя в безопасности на территории абхазского субъекта в общем государстве.

Основной проблемой на этом пути является минимизация российского фактора. Активность евроатлантических структур нужна не для запугивания абхазов, а для их защиты, успокоения и помощи, для сохранения этнокультурной самобытности абхазов.

Перебравшиеся в Тбилиси грузинские псевдореваншистские структуры Абхазии, которые называют Верховным Советом и правительством Абхазии, явно мешают упорядочению грузино-абхазских отношений. Участниками конфликта являются Тбилиси и Сухуми, а не грузинская и абхазская номенклатуры Абхазии. Справедливого и стабильного урегулирования проблемы не сможет достичь и соглашение действующих режимов противостоящих сторон – смена политических кланов в Тбилиси и Сухуми сметет временные соглашения; поэтому должна быть разработана перспективная модель сосуществования грузинского и абхазского народов.

Абхазия уже не вмещается в рамки асимметричного регионализма. Грузии придется применить испанский опыт к Южной Осетии, Абхазии и другим регионам. А реальное единство общего грузинско-абхазского государства будет зависеть от того, сможет ли его население пройти путь от протообщества к гражданскому обществу.

Мы считаем, что формой общего государства могло бы стать Объединенное Государство Грузия, членами-субъектами которого были бы Республика Грузия и Республика Абхазия. У каждой из них был бы свой однопалатный парламент, при этом обе республики избирали бы

депутатов и в парламент Объединенного Государства. Республика Грузия будет устроена по принципу асимметричного регионализма. Из квоты Республики Грузия, которая будет составлять, скажем, две трети от численности парламента (сената) общего государства, ее составные части (автономии) – Южная Осетия, Аджария, Имерети, Кахети и т.д. – изберут сенаторов, также по определенным квотам. Республика Абхазия тоже изберет в соответствии со своей квотой сенаторов в парламент общего государства. Президент Объединенного Государства (желательно – президент парламентской республики с представительскими функциями) представит сенату кандидатуру премьер-министра. Он же после консультаций с парламентами республик Грузия и Абхазия представит сенату на утверждение (или для получения предварительного согласия) состав кабинета министров.

Тбилиси и Сухуми разработают конституцию Объединенного Государства. Республика Грузия по согласованию со своими автономными частями, с одной стороны, и Республика Абхазия – с другой, заложат в границах бывшей Грузинской ССР основу общего государства без права субъектов на сецессию.

Парламент Абхазии может быть укомплектован по принципу равного представительства от районов Республики Абхазия. Такой подход вполне демократичен и, к тому же, уменьшает взаимные опасения (и стереотипы) по поводу демографической угрозы. Параллельно, местное самоуправление должно получить достаточно высокие полномочия для поддержания баланса интересов живущих в Абхазии этнических групп.

Первое лицо руководства Республики Абхазия должно владеть абхазским языком. На наш взгляд, было бы лучше, если бы оно избиралось парламентом Республики Абхазия.

Желательно, чтобы Президент Объединенного Государства Грузия избирался сенатом при участии парламентариев обоих членов-субъектов и членов представительских органов регионов Республики Грузия.

Возможность сотрудничества депутатов от Республики Абхазия с представителями отдельных регионов Республики Грузия будет способствовать интеграции обоих членов-субъектов в общее государство.

Так же, как у Страны Басков и Наварры, у Республики Абхазия может быть право на сбор налогов под юрисдикцией общего государства. В Объединенном Государстве Грузия осуществить это будет проще, так как право на взимание налогов будет у обоих членов-субъектов. В Испании это право не предоставлено Каталонии. Но зато у нее, как и у Страны Басков, есть своя полиция. Такое право, включая право иметь внутренние войска, может быть у обоих членов в Объединенном Государстве.

Мы не будем продолжать разговор о технологиях поддержания баланса интересов обоих членов в общем государстве. В случае желая совместного проживания, можно найти форму, как жить достойно. Административно-территориальной реформой, широкими асимметричными полномочиями регионов, созданием сильного самоуправления Грузия должна показать Абхазии, что она населена нацией, способной на государственность. Если это не удастся, если Грузия в ближайшие годы будет оставаться фрагментарным псевдогосударством, погрязшим в болоте коррупции, то пострадают не только грузинские демократические институты и грузины с плюралистическим мышлением. Если Грузия окажется ареной разборок политико-мафиозных кланов, то в сфере их противостояния, перемежающегося антигосударственными по своей сути сделками, окажется и абхазская проблема. В ходе каждой предвыборно-политической баталии возникнет опасность не только угрозы «военных» операций в Абхазии, но и их осуществления, и даже не с целью победоносного завершения войны – кровавые походы могут стать дикой и спекулятивной формой борьбы за власть.

Перед грузинами не стоит вопрос выживания; перед грузинами стоит проблема создания гражданского общества и демократического государства. Успех грузин дает шанс на успех и абхазам. Поражение грузинской государственности опасно и для абхазов. Для меня «мы» – это нормальные грузины и нормальные абхазы. Такова моя идентичность. Грузия и Абхазия – это две взаимосвязанные единицы, общность которых создает для меня Родину.

В грузинской политике я отношу себя к направлению Зураба Чавчавадзе. Пока оно, в основном, терпело неудачи. В 1989 г. – незадолго до своей гибели – на встрече с абхазами в Сухуми он произнес

фразу, которая стала моей политической формулой. Я хочу здесь напомнить эти слова моего друга: «Не существует грузинской проблемы, которая была бы антиабхазской по своей сути; нет абхазской проблемы, которая непременно была бы антигрузинской».

Меня не покидает надежда, что через несколько лет абхаз, имеющий моральное (и политическое) право говорить от имени абхазов, скажет: «Прощаем и просим прощения». Среди грузин уже появились люди, которые просят прощения у абхазов, несмотря на то, что лично вроде бы невиновны. Мы просим прощения за тех грузин, кто ввел войска от нашего имени. Мы просим прощение за нашу трагическую ошибку, за то, что не смогли в свое время в полной мере осмыслить всю глубину проблемы. Мы чувствуем ответственность и перед изгнанниками, но это не только наша ответственность.

Манана Гургулия – В начале вашего выступления вы рассмотрели асимметричный федерализм как возможную модель для решения проблемы Абхазии. В конце вы уже сказали, что это та модель, которую можно использовать для других регионов, а для Абхазии нужно искать что-то другое?

Давид Бердзенишвили – Я уточню. Во-первых, я предпочитаю термин асимметричный регионализм. Асимметричный регионализм собственно Грузии. Но асимметричный регионализм грузинской республики способствовал бы сближению грузин и абхазов, как двух субъектов общего государства. Т.е. я вижу так, грузинская республика и абхазская республика создают общее государство. Грузинская республика сама устроена по модели асимметричного регионализма.

Арда Инал-ипа Первый вопрос: почему “псевдо...”? Второй вопрос – об опыте Испании. В той же Каталонии достаточно напряженные отношения между каталонцами и испанцами. Очень много агрессивности, государство не рассыпается, но не хотелось бы таких взаимоотношений.

Давид Бердзенишвили – Что касается, почему “псевдо”. Потому что у Тамаза Надарейшвили и его группы, которая называется верховным советом Абхазии и правительством Абхазии в изгнании, у них просто нет той опоры, чтобы их считать серьезной реваншистс-

кой силой, с одной стороны. С другой стороны, я не уверен, что они очень бы хотели способствовать решению этой проблемы, потому что для них это пища, как политическая, так и финансовая. Они живут в Тбилиси в качестве формальных представителей беженцев, перемещенных лиц, и это дает им повод выступать. В Грузии существует министерство приватизации Абхазии, нотариусы Абхазии. Они зарабатывают деньги, и эти деньги наверно делят с теми, которые дали им возможность работать.

Что касается испанской модели. Я был бы рад – и до войны наш подход в основном и был таким – чтобы из бывшей Грузинской ССР сделать такое государство, в которое, по аналогии с Испанией, входили бы и Абхазия и Аджария и другие регионы Грузии. Полномочия у Каталонии, особенно у басков, на самом деле очень высокие, больше чем у субъектов федерации во многих странах. Но мне кажется, что после войны, после той ситуации, которая сложилась сейчас, просто бесполезно говорить о вхождении Абхазии в состав Грузии, где грузинский центр хотя бы формально передавал какие-нибудь полномочия региону. Например, Страна Басков или Каталония. Я был в прошлом году в Галисии. Там тоже автономный регион. Может быть, не совсем теплый, на бытовом, или на каком-нибудь другом уровне – в Галисии я обнаружил какие-то параметры даже этнократии. Но это все же преуспевающая модель. Это модель, которая работает. Создаются новые проблемы, и эти проблемы решаются. Я был бы в восторге, если из той территории, которая называлась Грузинской ССР, лет через 10-15 получится такая, похожая на Испанию, страна с теми проблемами, которые есть у них. Тем не менее, у них есть все... по опросам общественного мнения, по тому, как они голосуют, как входят в Каталонскую партию, правительство. Они входят в любое правительство, социал-демократическое или народное. Так что, большая часть населения, как в стране Басков, так и в Каталонии, не говоря о Галисии, поддерживает ту ситуацию, в которой они находятся. Т.е. единство Испании.

Миша Мирзиашвили – У меня вопрос по возвращению беженцев.

Давид Бердзенишвили – Я уточняю. Я кажется, говорил, что абхазы не могут примириться с тем, чтобы ситуация была та же

самая – т.е. 2,5 к одному. Когда речь идет о свободе выбора, свободе выбора для перемещенных лиц, никто не может, на мой взгляд, запретить им вернуться в Абхазию. Но с другой стороны, это выбор. Они возвращаются – какая-то часть. Другая часть, если эта часть видит для себя возможность оставаться в других регионах Грузии – это тоже выбор. Мы же знаем, какая там ситуация. Я помню, мы с Гией были, Паата тоже был на той встрече. Там кто-то встал и сказал, что, не дай бог, беженцы узнают, что кто-то в Грузии говорит, что можно будет остаться на территории собственно Грузии. Они и так не хотят вернуться. Если они это узнают, то фактически это означает – для многих, по крайней мере, среди них – что беженцы – тот арсенал, которым они пользуются. Может, они считают, что они такие патриоты. Я не хочу давать нравственную оценку. Но так выходит.

Геворк Тер-Габриелян – Ваше мнение о роли международных организаций.

Давид Бердзенишвили – Конечно, если нам грозит жить в совместном, общем, едином или в каком-нибудь государстве, тогда значительная часть, наверно, туда вернется. Но нужны другие механизмы, чтобы само наличие там 100-тысячного, может, 150-тысячного грузинского населения не создавало определенных проблем для совместного проживания с абхазами. Это уже дело техники, технологии, как защитить и в парламенте, и в правительстве, и в органах местного самоуправления интересы, как грузин, так и абхазов. Для многих грузин в Гальском районе, в других селах. Мне кажется, для Абхазии важнейшим является фактор усиления местного самоуправления, чтобы это компенсировало определенную нехватку на уровне властных структур Абхазской Республики. Мне кажется, что абхазский народ имеет право на создание своего независимого государства. Это мое убеждение. Я знаю, что многие мои же друзья со мной не согласны. Мне кажется, что этот путь не приведет к мирному урегулированию проблемы, по крайней мере, когда я говорю о праве абхазского народа на самоопределение в таком понимании, на создание государства и признание этого государства. Тогда мы переходим уже в другое пространство. Тогда эта территория не будет от Псоу до Ингури. Это другой подход потому, что есть Галь-

ский район, есть много беженцев. Это усугубляет проблему. На мой взгляд, если грузинам и абхазам никак не удастся жить вместе, тогда, как это делается на Балканах, в Палестине – это принято, независимость за счет какой-то части территории. Я думаю, что это не лучший выход, но это вам решать: быть в составе единого, общего государства или отказаться от этого общего государства, но тогда это означает, что придется отказаться от какой-то части территории. Просто по-другому мирно эти процессы не решаются. У меня готовых рецептов, к сожалению, нет. Я постарался предложить один из вариантов как нам быть. Если нам удастся создать новое государство, тогда будем жить вместе, если не удастся, мне кажется, что грузино-абхазский конфликт пойдет по кипрскому сценарию. Я, Паата Закареишвили и Ивлиан Хаиндрава опубликовали в грузинской прессе большую статью о нашей позиции и там тоже много пишем об этом.

Сергей Арутюнов

ЕЩЕ ОДИН ВАРИАНТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА*

(Публикуется с сокращениями)

Прежде всего, я считаю, что Абхазию можно по-всякому рассматривать по-всякому, но наиболее продуктивно с точки зрения всего человечества, с точки зрения окружающих абхазов и грузин народов, рассматривать Абхазию в общечерноморском аспекте.

Конечно, было бы прекрасно, как уже здесь звучало, если-бы грузины и абхазы могли между собой решать свои проблемы сами и, что желательно без посредников. К сожалению, мы видим, что это пока не очень получается. Я не знаю, в какой степени посредники могут здесь сыграть свою роль. Несомненно, никакая другая

* Заглавие доклада предлагается редакцией

страна, ни Россия, ни Турция, ни Румыния, ни США не должны осуществлять диктата по отношению к Грузии или к Абхазии, или навязывать им решения, которые приняты вне грузино-абхазского контекста и грузино-абхазского консенсуса. Но я думаю, что бесполезно будет наряду, скажем, с такими международными организациями, которые существуют и активно действуют, как “Минская группа” в отношении решения карабахского конфликта, как целый ряд организаций и общее коллективное совещание, которое постоянно продолжается в течение практически всех 50-ти лет ближневосточного и израильско-палестинского, или израильско-арабского конфликта, Точно также, какой-то орган должен существовать не только в отношении к Абхазии, но и в отношении черноморского бассейна в целом.

...Здесь колыбель античной, ближневосточной, финикийской, древнегреческой и древнеримской цивилизаций расположены рядом с этим бассейном. И те памятники, которые сосредоточены в городах, разбросаны по периферии Средиземного моря и Черного моря, как его продолжения, имеет общемировое значение. В особенности это относится к Абхазии, я думаю, что и грузины, и абхазы признают, что она никогда не была всецело грузинской и никогда не была всецело абхазской. Абхазия была родиной и колыбелью многих племен и многих культурных традиций, включая собственно абхазскую культурную традицию, включая грузинскую культурную традицию. Абхазия не была связана с каким-то одним этническим стержнем.

...Надо проявить инициативу по созданию какого-то консультативного Черноморского круглого стола, в котором все черноморские государства совместно обсуждали бы вопросы взаимопомощи, сотрудничества, координации в сохранении круга черноморского культурного и природного наследия. И в этом общем вопросе сохранения круга черноморского культурного наследия свое место должны занять и такие ценнейшие регионы, которые сейчас находятся в подвешенном, неопределенном, взрывоопасном, угрожаемом политическом состоянии. Это ведь не только Абхазия. Аджария, скажем, благополучна – более или менее, но это благополучие достаточно шаткое. Речь не идет о вмешательстве в внутренние дела суверенных госу-

дарств. Речь идет о создании какого-то форума, где могли бы приниматься идеи, предложения, направленные на поддержание благополучия, на сохранение и развитие культурного и природного наследия этих угрожаемых областей.

Что касается возможного решения этих проблем, решения в политическом плане, здесь я уже перехожу к каким-то даже не рекомендациям, а соображениям, к мыслям вслух политического характера. Здесь могут быть самые разные варианты. Скажем, вряд ли возможно достижение полной независимости на том уровне, как независимость других черноморских государств скажем, на уровне той же Болгарии. Но это может быть конфедерация с Грузией. Может быть, широкая, но гарантированная региональная автономия в рамках федеративной Грузии. В мире наработано много вариантов. Есть вариант Пуэрто-Рико, Гренландии, Фаррерских островов, Аланских остров, Монако, Лихтенштейна, т.е. есть много вариантов государств, которые являются де-факто независимыми, но которые находятся в определенном соотношении, в определенном подчинении с соседями, более крупными государствами. Одна из моделей, которая представляется мне наиболее перспективной – это модель кондоминиума, или, скажем, двойного вассалитета, или двойного протектората, которая реально осуществляется сегодня в отношении Андорры. Андорра – маленькое, но признанное государство. В общем, это независимое государство. Однако не абсолютно независимое. Оно находится в положении двойного вассалитета в отношении к Франции и Испании. При благожелательных отношениях этих государств, все вопросы, все взаимоотношения, состояние Андорры решаются к полному удовлетворению и самых андорцев, и их неизмеримо более крупных соседей. Поскольку это демократические страны, они и решают эти вопросы, хоть и в рамках средневековой механики (этот вассалитет идет с 1200 года), но вполне современно. Я думаю, что если бы можно было установить такой двойной вассалитет, формально на карте Абхазия будет окрашена в грузинский цвет или в вариант грузинского цвета. Но если можно будет установить двойной вассалитет в целом на 90% независимой Абхазии между двумя странами: Грузией и Россией, по модели Андорры, то это было бы наилучшим вариантом.

А теперь несколько слов о развитии событий. С тех пор как я прочел этот доклад, разразилась вторая Чеченская война. Проблема Чечни решается сейчас не наилучшим образом. Но совершенно ясно, что проблема Чечни не может быть решена путем военного насилия. Даже если бы это насилие было полностью справедливо и оправдано. Оно не совсем оправдано, хотя есть большая разница между первой и второй чеченскими войнами. Тем не менее, конечно и те методы, которыми сейчас разрешается чеченская проблема Россией, вызывают, конечно, оправданный протест мировой общественности. Но чеченскую проблему тоже можно было бы решить за счет двойных гарантий. Я должен сказать, что и.о. президента Путин просил Академию наук, во-первых, дать ему рекомендации крупнейших ученых-кавказоведов, а потом, прочтя эти рекомендации, попросил президента АН организовать ему встречу с авторами этих документов. 9 февраля в президиуме АН такая встреча состоялась. Она продолжалась 2 часа. Там выступили несколько ученых, более значимых, чем я, несомненно. Но так получилось, что из этих двух часов 40-50 минут в основном пришлось говорить мне. И в ряде предложений, которые я сказал, было такое: предложение установить двойной протекторат андоррского типа, вассалитет, одновременно и в отношении Абхазии, и в отношении Чечни. В обоих случаях российско-грузинский. Дабы не было односторонности, чтобы Грузия не только отдавала бы, но и получала бы что-то. Я должен сказать, что там не было, к сожалению, министра Иванова, министра иностранных дел, но там были Путин, Патрушев и Сергеев. Их реакция не была отрицательной, по крайней мере. Они сказали, что грузины, грузинское правительство в нынешних условиях на это не согласятся. Они не сказали, по крайней мере, что с российской точки зрения это неприемлемо, нет, такой реакции не было. Была реакция, что это хорошая идея, но не получится проверить ее в Грузии. А может быть, и получится. Я думаю, что, по крайней мере, хотя бы озвучить, хотя бы говорить о такой возможной перспективе нужно и необходимо.

И вот на основе такой двойной гарантии, не односторонней, а двойной, может быть, с участием других черноморских государств, хотя бы в плане какого-то консультативного совета, занимающегося не только абхазскими, но вообще черноморскими проблемами, мо-

жет быть, можно будет продвинуться к установлению во всем Причерноморье, и в том числе Абхазии, не только прочного мира, но и процветания и сохранения гуманитарных, культурно-исторических традиций для всех черноморских государств. Спасибо.

Геворк Тер-Габриелян – Несколько лет тому назад была такая инициатива создания некоего формального движения духовно близких народов. Вы слышали об этом? Участвовали, может быть?

Сергей Арутюнов – Нет, не участвовал, потому что, если я не ошибаюсь, эта инициатива была основана на православной идее – на евразийско-православной идее. Скажем, в духе князя Трубецкого, в духе Льва Николаевича Гумилева. Она доминировала в этой инициативе. Собственно говоря, эти духовно близкие государства – Греция, Сербия, Грузия, Болгария, Россия, Белоруссия, Украина и т.д. Я не думаю, что идея православия, если мы включим туда и Армению, и Эфиопию, идея восточного христианства, вообще любая религиозная идея может быть той идеей, на основе которой сегодня в мире могут создаваться операционально действующие механизмы.

Нодар Сарджвеладзе – Возможно, ваша идея имеет какое-то оправдание, но я вижу в этом бомбу замедленного действия в плане возникновения конфликта.

Сергей Арутюнов – Вы знаете, это будет, конечно, бомбой, если вот такое двойное воздействие будет носить характер двойного или какого-то диктата. Если же этот будет носить характер взаимного противовеса, а это может носить именно такой характер, поскольку, скажем, в Абхазии имеется конфронтация с Грузией, но достаточно лояльное отношение к России. А в Чечне имеется конфронтация с Россией, но достаточно лояльное отношение к Грузии и, в общем, не взирая на некоторые внешние демарши, лояльные отношения и грузинского общества и грузинского правительства к проблемам Чечни. Я не имею в виду проблему бандитизма, а проблему национального самоопределения. Я думаю, что это как раз может послужить таким балансом, который не допустит эскалацию напряженности в этих регионах. Но конечно все зависит от того, как конкретно это сделано.

Станислав Лакоба – Вы обговаривали модель Андорры. Когда это было?

Сергей Арутюнов – Это было 9 февраля 2000 г. в президиуме АН.

Георгий Хубуа – Этот конфликт грузино-абхазский или грузино-русский.

Сергей Арутюнов – Видите ли, в чем дело. Это не есть грузино-зусский конфликт. Это грузино-абхазский конфликт. Точно так же, как конфликт в Карабахе, армяно-азербайджанский. И конфликт в Косово – албано-сербский. Другое дело, что великие державы – Россия в Абхазии и в Карабахе и США в Косове – используют отнюдь не всегда благородно и честно эти конфликты в своих собственных, более широких сиюминутных тактических национальных интересах. Я бы взял национальные интересы в кавычки, они используют их как определенное орудие воздействия в этих регионах. ...Я думаю, что это будет в интересах и Абхазии, и Грузии, и России, и всех причерноморских государств, если к этому делу подходить с некоторым минимумом честности и доброй воли.

Вопрос – Когда это предложение обсуждалось, Вами это в пакете предлагалась, грузинская, абхазская, чеченская или еще добавляли?...

Сергей Арутюнов – Оно не обсуждалось. Просто Путин попросил ученых выступить со своими точками зрения, со своими мнениями, предложениями. Он очень внимательно выслушал эти предложения. Комментировал, правда, некоторые. Но по отношению к этому предложению, моему, его комментарий совместно с Патрушевым и Сергеевым свелся к тому, что Грузия на это никогда не согласится, примерно так прозвучало. Не согласится Грузия. Вот такая была фраза... Безусловно, я думаю и неоднократно говорил о кондоминиуме в отношении Карабаха, я говорю с 1988 года, как только встал карабахский вопрос, гораздо раньше. Тогда еще никакого абхазского вопроса реально не стояло. Да, я говорю, что проблема Карабаха может быть решена только, или преимущественно, оптимально, именно в рамках армяно-азербайджанского кондоминиума, с участием, если угодно, Грузии в качестве медиатора, или третьей стороны. Если понадобится, с участием России, даже Ирана и других заинтересованных государств.

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА КАВКАЗЕ

Как известно, с декабря 1993 года по настоящее время под эгидой международного сообщества ведутся переговоры по урегулированию грузино-абхазских отношений. Прорывом в этих контактах стало «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта», подписанное 4 апреля 1994 г. в Москве, в присутствии Генерального секретаря ООН Бутроса Гали. Стороны заложили в нем основы конфедеративно-федеративных отношений. Однако уже летом-осенью 1994 г. при молчаливом согласии ООН, России и ОБСЕ грузинская сторона стала отходить от положений документа и даже отвергать его. В этот же период (август-сентябрь 1994 г.) имело место обострение российско-абхазских отношений, вызванное попытками военно-силового воздействия на Абхазию с целью массового (а не поэтапного) возвращения грузинских беженцев под охраной российских миротворцев, что противоречило мандату Миротворческих Сил в зоне конфликта. С осени 1994 г., а также на начальном этапе войны в Чечне, Россия и Грузия на уровне военных ведомств всячески демонстрировали совпадение своих стратегических интересов. Подоплека такого сближения была проста: Грузия поддержит военную акцию в Чечне, а Россия поможет Грузии вернуть Абхазию. В самый разгар бомбардировок Грозного Э.Шеварднадзе заявил, что готов предоставить Абхазии такой статус, который Россия предоставит Чечне. В рамках осуществления совместного российско-грузинского плана по подавлению Чечни и Абхазии, в декабре 1994 г. Россия заблокировала границу с Абхазией. В 1996 г. война в Чечне завершилась для России полной неудачей, а Грузия еще явно отмежевалась от северного соседа, обратив свои взоры на страны НАТО. Таким образом, надуманному «стратегическому партнерству» пришел конец. Москва почувствовала себя не только ослабленной, но и обманутой.

Стремительно теряя позиции в восточной части Кавказа, не говоря уже о Южном Кавказе, Россия начинает выстраивать более продуманную политику в отношении Абхазии и всего Северо-Западного Кавказа, населенного родственными абхазо-адыгскими народами. Абхазия, с которой Россия ранее считалась скорее из тактических соображений, стала представлять для последней все больший стратегический интерес по мере ослабления позиций Москвы на Кавказе в целом и, особенно, в Закавказье. Абхазия, в свою очередь, должна была сыграть роль связующего звена между российским Северным Кавказом и Южным Кавказом.

Накануне новой чеченской кампании по-новому выстраивалась и кремлевская политика «разделяй и властвуй», что наиболее отчетливо продемонстрировали события в Дагестане, ставшие прелюдией операции в Чечне.

В 1996-1999 гг. переговорный процесс между Грузией и Абхазией носил по сути дела выжидательно-формальный характер, так как за спинами переговорщиков стояли западные и российские дирижеры. В мае 1998 г. Грузия все же решила прибегнуть к военно-силовой акции в Гальском районе, но буквально в считанные дни грузинские подразделения были разбиты абхазами. Ставка на военный реванш провалилась, а Грузия потерпела сильнейшее политическое и морально-психологическое поражение.

На Западе вновь зазвучал вопрос: состоится ли Грузинское государство? Известный бельгийский исследователь Бруно Коппитерс в недавней своей работе «Политика Запада в области безопасности и грузино-абхазский конфликт» особо отметил: «После вооруженного конфликта в Гал(ь)ском районе в мае 1998г., вызвавшего бегство из него большого числа гражданских лиц, переговоры с Абхазией были вновь сорваны, что вызвало рост общественного недовольства тем, как правительство улаживает конфликт с Абхазией; после новых обострений напряженности в отношениях с руководством автономной республики Аджария (населенной грузинами-мусульманами) и с армянским меньшинством, проживающем в Джавахетии, политические наблюдатели вновь стали обсуждать так называемый вопрос о несостоятельных и несостоявшихся государствах, интенсивно рассматривавшийся в политической литературе 1993-1994гг. – о том,

что в конце концов Грузии, возможно, так и не удастся построить собственную государственность».¹ Подобное мнение разделяет и американский аналитик Ариэль Коэн.²

После бурных майских событий 1998г. грузино-абхазские переговоры продолжились.

В отличие от первой чеченской кампании, Россия ужесточила осенью 1999 г. свои позиции в отношении Грузии, в то время как в отношениях с Абхазией происходило значительное потепление, особенно, с приходом в правительство С.Степашина, а затем и В.Путина. Накануне второй чеченской кампании Москва по сути отменяет блокаду Абхазии, поддерживает выборы президента Абхазии и, по всей видимости, принятый 12 октября 1999 г. Акт о государственной независимости Абхазии. В ноябре В. Путин ставит вопрос о введении визового режима между Россией и Грузией, за исключением тех территорий, которые дружественно относятся к России... Можно предположить, что все эти шаги были продиктованы, прежде всего, антироссийской позицией Тбилиси и неуступчивостью Э.Шеварднадзе в вопросе охраны грузино-чеченской границы российскими военными.

Урегулирование грузино-абхазского конфликта будет во многом зависеть от расстановки военно-политических сил на Кавказе, который переживает новый этап передела и небывалой смуты. Как будут распределены здесь сферы влияния держав и в первую очередь России и США? По какому маршруту потечет каспийская нефть? Как завершится новая чеченская кампания? Какую политику будет проводить на Кавказе НАТО? От ответов на эти вопросы во многом зависит и будущее грузино-абхазских отношений. Похоже, что Москва источником своих бед на Северном Кавказе стала считать Грузию (особенно после саммита в Стамбуле). Последняя, по мнению влиятельных российских кругов, может быть постоянным источником бед и нестабильности России на южном фланге, если стратегический ключ от Грузии и режим в Тбилиси окажется не в руках Москвы.

По мере того, как ужесточались действия России против Чечни, а руководство Грузии оказывалось во все более двусмысленном по-

¹ Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. -М. 1999. С. 70.

² Центральная Азия и Кавказ (Швеция). № 2. 2000. С. 33.

ложении, заметно стало меняться и отношение части грузинской интеллигенции к проблеме Абхазии. Особенно выпукло такая позиция проявляется на страницах газеты «Кавказский акцент», которая стала регулярно выходить в Тбилиси с декабря 1999 г. Так, например, в этой газете Д.Бердзенишвили, П.Закарейшвили и другие представители «новой волны» грузинской интеллигенции по-новому подходят к проблеме Абхазии в целом, предлагая Грузии признать государственную независимость Абхазии. Другие авторы согласны строить с Абхазией конфедеративные отношения и т.д. Все эти подходы – серьезная заявка на урегулирование грузино-абхазских отношений политическими средствами. «Бархатная» позиция грузинской интеллигенции в «Кавказском акценте» явно контрастирует со статьей Валерия Тишкова «Как примирить Россию с Чечней»³. Один из лучших в России специалистов по Северному Кавказу предлагает свой проект урегулирования не только в Чечне, но и в Нагорном Карабахе, Абхазии и Приднестровье. В свою очередь американский исследователь Артур Мартиросян справедливо отметил, что названные в статье В.Тишкова конфликты невозможно решить по одному рецепту, т.к. наряду с некоторым топологическим сходством, существует значительное различие в предпосылках, истории и текущем развитии конфликтов. Далее А.Мартиросян ставит под сомнение примеры Каталонии в Испании и Северной Ирландии в Великобритании и считает, что статус этих единиц неприменим для Чечни, Абхазии, Карабаха и Приднестровья. Он предлагает совершенно иной подход, основанный на более свежих примерах, отмечая, что, «к сожалению, Азербайджан не Испания, Грузия не Великобритания и Молдова не Бельгия, когда речь заходит об уровне демократии и защиты прав человека». Артур Мартиросян усматривает в конфликтах на постсоветском пространстве больше общего с недавним развитием событий в Восточном Тиморе (Индонезия) и Косово (Югославия), в которых не исключается законная, международно-признанная сецессия. Необходимо также учитывать, что современная теория суверенитета отстает от быстро развивающихся событий в мире после окончания холодной войны, а примеры Европейского Союза неприменимы к ситуациям, когда советские республики вышли из состава бывшего

³ Московские новости, 28 сентября – 4 октября 1999. № 37.

СССР. Что касается положения о гарантиях безопасности и обеспечения высокого уровня автономиям стран СНГ, то и они, по словам Мартиросяна, выглядят не вполне убедительно. И не потому, что СНГ пока еще не утвердился как жизнеспособный союз, а потому, что механизмы международных гарантий были признаны ошибочными во многих случаях (Ливан и Кипр), и они едва смогут утешить регионы, которые распались. Существует также высокая степень неопределенности в отношении будущего некоторых постсоветских государств⁴.

Вообще необходимо отметить, что в последнее время ряд западных экспертов ставят под сомнение принцип территориальной целостности и нерушимости границ государств, отдавая предпочтение требованию о национальном самоопределении. Так, бывший вице-президент Национального Совета по разведке при ЦРУ США Грахам Фуллер в статье «Еще о Косово» пишет: «Мы настаиваем на решительном пересмотре политики по отношению к меньшинствам, границам и национальным суверенитетам». При этом автор задается вопросом о жизнеспособности Югославии, Индонезии, Афганистана и даже Турции, не говоря уже о государствах Африки, «народы которой безнадежно разделены произвольными границами»⁵. Сецессию, на примере Косово, поддерживают и другие авторы⁶. Подробную статью о самоопределении в условиях взаимозависимого мира опубликовал в «Форин полиси» (весенний номер 2000г.) заместитель Госсекретаря США Струоб Тэлботт, отметивший, что «в каждом конкретном случае политики должны учитывать уникальные исторические и политические обстоятельства». Он касается и процесса сецессии Абхазии. Непризнанным Нагорному Карабаху и Абхазии автор отводит образную роль «геополитических заключенных».

В последнее время к проблеме урегулирования между Абхазией и Грузией стали проявлять интерес и в Японии. Так, в апреле 1998 года Центр славянских исследований Университета Хоккайдо с помощью Фонда Мира Накадзима провел в Москве «Симпозиум по

⁴ Network of Ethnological Monitoring and Early Warning of Conflict. Bulletin September, 1999, p. 6.

⁵ Washington Post, 4 May. 1999.

⁶ The New York Times, 19 April. 1999.

вопросам культурного обмена Японии и России в память о сестрах Бубновых». Внушительная статья, вышедшего в Саппоро на русском и японском языках сборника «Сестры Бубновы и Япония», принадлежит директору Центра славянских исследований Университета Хоккайдо профессору Коити Иноуэ и называется – «Сестры Бубновы и мир в Черноморском регионе». Автор статьи пишет: «Война между Грузией и Абхазией в 1992 – 1993 годах, один из международных конфликтов, многократно возникавших после распада СССР, повлекла за собой множество жертв и страданий, погибших и пострадавших, и в корне разрушила отношения между грузинским и абхазским народами. Сейчас граница между обеими странами едва удерживается войсками России по поддержанию мира».

Как выясняется, еще в 1997 г. японский Центр славянских исследований провел международный симпозиум под названием «В поисках сосуществования. Этнонациональные аспекты изменений в славяно-евразийском мире» (Хоккайдо, 1998). На основе материалов этого симпозиума, в Москве, в апреле 1998 г. обсуждались «модели сосуществования» на примере Абхазии. Очень значительным и интересным, по словам К.Иноуэ, стало предложение профессора С.Арутюнова (зав. кавказским отделением Института этнологии и антропологии РАН): конфликт между Абхазией и Грузией может быть разрешен не через двусторонние переговоры между Абхазией и Грузией или между Грузией и Россией, а только путем обеспечения Абхазии позиции самостоятельности в рамках «*raх circum-pontica*», поддерживаемого всеми странами Кругочерноморья.

В последнем разделе сборника «Вехи к сосуществованию народов» опубликовано и выступление С.Арутюнова «Судьба Абхазии – дело всех черноморских государств». Ученый дает емкий исторический экскурс, касается вопросов экономики, культуры, этнодемографии, статистики и т.д. Рассматривая возможный политический статус будущей Абхазии он акцентирует внимание на следующей модели: «Это может быть территория совместного российско-грузинского управления, как, скажем, Андорра, с сохранением независимости. Точно так же как Андорра является самостоятельным государством, при том, что она находится в двойном подчинении у Франции и Испании».

Кроме того, Андорра (территория 468 км², население – около 67 тысяч человек) с 1993г. член ООН, а с 1994г. – Совета Европы.

Интересно, что, будучи японоведом и кавказоведом, проф. С.Арутюнов считает проблему японо-российских отношений и Курильских островов очень схожей с абхазской. Одна из публикаций так и называлась: «Как сестры Бубновы сближали Курилы с Абхазией»⁷. Арутюнов предлагает предоставить Курилам особый статус, близкий Андорре: «Курильские острова могли бы быть объявлены особой территорией с особым статусом под совместным протекторатом России и Японии»⁸. Такая неожиданная постановка вопроса может скорректировать и проекты грузино-абхазского урегулирования.

Между прочим, на недавней грузино-абхазской конференции (25-26 марта 2000г.) в Москве С.Арутюнов сообщил, что 9 февраля 2000г. в Президиуме Российской Академии Наук, он выступил в присутствии Президента РФ В. Путина и предложил для Чечни и Абхазии пакетно принять модель Андорры, т.е. двойного протектората (или кондоминиума).

Однако даже обсуждение этой темы вызвало на конференции раздражение у некоторых грузинских коллег. Свою позицию они объясняли тем, что т.н. двойной российско-грузинский протекторат в Абхазии не будет равноправным, так как потенциал России превосходит грузинский. Кроме того, отмечали они, Россия усилит свое присутствие в Абхазии. Но дело в том, что российское влияние и сегодня здесь значительное – российская армия разъединяет враждующие стороны по реке Ингур. В то же время, Грузия, которая не имеет на Абхазию никакого влияния, получила бы возможность мирным, политическим путем распространить свою юрисдикцию на Абхазию. Подобное развитие событий явилось бы значительной уступкой, существенным компромиссом со стороны Абхазии, которая бы добровольно отказалась от части своего суверенитета. Вместе с тем, как и Андорра, она могла бы стать членом ООН, Совета Европы и других международных организаций.

Позицию некоторых грузинских исследователей можно было бы понять, если бы Грузия представляла собой не только де-юре, но и

⁷ Дружба народов, М. № 1. 1999. С. 177-182.

⁸ Нужная газета, Сухум, 5 июля 1999. №32.

де-факто единое сильное государство. Однако, как уже говорилось, о Грузии формируется мнение как о несостоятельном и несостоявшемся государстве. Между прочим, и сами грузинские ученые О. Зондзе и Д. Бердзенишвили в своей статье «Противостояние между Тбилиси и Батуми, или о проблемах собранности нации и государства» говорят о «недостаточной собранности грузинской нации». «Сегодняшняя Грузия как раз представляет собой несобранное государство»⁹, – отмечают они.

Война в Чечне еще больше осложнила российскую политику на Кавказе и продемонстрировала всю бесперспективность силового решения этого конфликта. На данном этапе проблематичной представляется и реализация идеи Кавказской конфедерации, т.к. в результате политики «разделяй и властвуй» многие кавказские народы не сблизились, а еще сильнее оттолкнулись друг от друга. Усталость, разочарование, новые ценности, оказавшиеся ложными, повсеместно ввергают людей в состояние апатии.

В складывающейся ситуации, когда ослабленная Россия наиболее непредсказуема, нельзя исключать, что она или кто-то из ее сателлитов по СНГ, могут решиться на нестандартные шаги в вопросе признания государственной независимости Абхазии. Однако совершенно очевидно, что поведение России в этом вопросе будет во многом зависеть от сговорчивости Тбилиси по ряду военно-стратегических позиций, которые давно стали предметом откровенной торговли интересами в регионе.

Военные действия России в Чечне серьезно осложнили и ситуацию в самой Грузии. Тысячи чеченских беженцев и боевиков пересекли российско-грузинскую границу на чеченском участке и обосновались в Панкисском ущелье (Ахметский район Восточной Грузии). До военных действий на Северном Кавказе в этом ущелье компактно проживали до 6 тысяч кистин (этнические чеченцы), более 2 тысяч пшавов и тушин и около 2 тысяч осетин. В результате боевых действий в Чечне, криминогенная обстановка здесь настолько накалилась, что стала неуправляемой для грузинских властей. Дело дошло до того, что Россия и Грузия договорились в мае 2000г. о совместных действиях против боевиков на территории Грузии.

⁹ Центральная Азия и Кавказ. № 2. 2000. С. 216-217.

В дополнение ко всему, среди кистин и грузинских горцев стал распространяться ваххабизм¹⁰. Еще в августе 1999г. М. Удугов заявил, что Чечня будет усиливать основанное на исламском факторе воздействие на соседние регионы и в 2000г. приступит к освобождению «оккупированных мусульманских территорий» Закавказья¹¹. При этом нужно отметить, что на протяжении последних лет Грузия, демонстративно придерживаясь прозападной ориентации, одновременно все больше превращалась в своеобразный исламский коридор, проходной двор, по которому транзитом между Чечней, Турцией и Азербайджаном курсировали различные эмиссары.

Заявление М. Удугова не могло не обеспокоить официальный Тбилиси, так как в Грузии немало регионов, где компактно проживают мусульмане (кистины, азербайджанцы, аджарцы, аварцы). Представители тбилисских властей стали отмечать «опасность исламского фундаментализма для Грузии».

Складывающаяся взрывоопасная ситуация, как верно подметил историк Александр Скаков, не может не страшить Грузию. Помимо возможных причин заинтересованности грузинской стороны в добрых отношениях с Чечней (например, средство давления и шантажа на Россию в связи с нерешенностью абхазской проблемы), в действиях Тбилиси присутствует и элементарный страх перед военно-политическим авторитетом Чеченской республики. «При наличии в Грузии кроме уже существующих «горячих точек» (Абхазии и Южной Осетии) нескольких потенциальных (Аджарии, Мегрелии, Месхет-Джаваhetiи, а также мест компактного проживания азербайджанского, аварского и чеченского национальных меньшинств) любое обострение обстановки может в дальнейшем привести к полному распаду страны», – отмечает А. Скаков.¹²

При такой концентрации вооруженных боевиков ситуация в Панкисском ущелье может в любой момент сдетонировать, что приведет к дестабилизации по всей Грузии. Частое упоминание этого ущелья российскими СМИ и официальными представителями российского правительства (ситуацию в Панкисском ущелье несколько раз обсу-

¹⁰ Там же. С. 210.

¹¹ Там же. С. 207.

¹² Там же. С. 207.

дал в Тбилиси министр внутренних дел России В. Рушайло¹³, например, 26-27 мая 2000г. на встрече с Э. Шеварднадзе) можно расценивать и как средство давления на Грузию накануне предстоящего 21 июня саммита глав СНГ в Москве.

С самого начала Грузия затеяла опасную и сомнительную игру с Россией и, похоже, неожиданно попала в капкан. Выправить эту ситуацию собственными силами она не в состоянии, так как нуждается в военной помощи, которую ей предлагает северный союзник по СНГ. Реальное положение вещей заключается в том, что только Россия может оказать Грузии действенную поддержку. Сценарий развития событий напоминает обстановку осени 1993г., когда после поражения в Абхазии и наступления сторонников З. Гамсахурдиа на Тбилиси, Шеварднадзе вынужден был обратиться за военной помощью к Москве и дать согласие на вступление в СНГ.

В качестве усиления давления на Грузию можно расценивать и нарастающую с апреля 2000г. дестабилизацию в пограничном Галском районе Абхазии. Не исключено, что могут быть задействованы и другие рычаги воздействия, например, в Аджарии...

В то же время, антироссийские силы способствуют расширению конфликта в Чечне, пытаясь вновь столкнуть ингушей с осетинами и распространить огонь войны в первую очередь на Дагестан и Ингушетию, чтобы отрезать Россию от Грузии и поставить непреодолимый барьер на пути ее военно-стратегического влияния на страны всего Южного Кавказа.

В то же время необходимо констатировать: Грузия как никогда почувствовала реальную угрозу своей государственной безопасности со стороны окружающих ее исламских государств. Не могут не тревожить ее и союзнические отношения талибов с чеченскими повстанцами. Все это происходит на фоне концентрации фундаменталистских устремлений радикалов Пакистана и Афганистана, цель которых – взорвать постсоветское пространство Центральной Азии и пробить коридор через Туркмению в Азербайджан, Грузию и Чечню. Некоторые аналитики в России в связи с этим считают: «Нельзя отрицать желание западных госу-

¹³ НТВ. «Сегодня». 19 часов. 26 мая 2000г.

дарств, и в первую очередь США, направить на нашу страну «исламскую волну»¹⁴. Подобная перспектива возможной цепной реакции может представляться руководству Грузии гораздо «большим злом», чем российское присутствие.

Об этом свидетельствуют некоторые косвенные данные и, в частности, ставшие более регулярными в последнее время контакты между Грузией и Россией. Возможно, в ходе этих консультаций, участвовавших при Президенте России В. Путине, Грузии были даны определенные гарантии в отношении Абхазии, при условии, что Тбилиси не будет противиться российскому военному присутствию в регионе и останется в зоне влияния России. Не исключено, что этими предварительными договоренностями вызван по сути дела отказ грузинской стороны вести в последнее время переговоры с Абхазией при западном посредничестве. О закулисных российско-грузинских контактах накануне предстоящего саммита СНГ довольно прозрачно высказался Президент Абхазии В. Ардзинба на пресс-конференции, данной в Сухуме 24 мая 2000г.

«Президент выразил обеспокоенность тем, – говорится в отчете, – что очередной саммит глав стран СНГ будет обсуждать вопрос о продлении Мандата КСПМ СНГ без учета мнения абхазской стороны. «Нам известно о грузинском проекте, и мы опасаемся того, что все пройдет по известному сценарию». По словам Президента, любое решение должно приниматься с согласия сторон в конфликте. «Мы видим, как некоторые предложения Грузии собираются перекочевать в документ СНГ», – отметил В. Ардзинба»¹⁵.

В настоящее время в Грузии сложилась настолько драматическая ситуация, что ей не под силу начать военные действия против Абхазии. Поэтому очень странными представляются теракты в Галском районе Абхазии, проводимые в последние месяцы грузинскими партизанами. В пользу каких сил «партизанят» сейчас террористы, явно провоцируя Абхазию на ответные действия, подобные майским событиям 1998г.? Нужны ли в данное время центральному правительству в Тбилиси серьезные осложнения с Абхазией, когда общая обстановка в Грузии и вокруг нее просто катастрофи-

¹⁴ Центральная Азия и Кавказ, №2, 2000. С. 140.

¹⁵ Республика Абхазия., 27-28 мая 2000 (№ 56).

ческая. Подобные действия равносильны самоубийству. Кто-то в очередной раз пытается разыграть карту в кавказской геополитической игре.

В свою очередь, и Западу пора отбросить иллюзии, стереотипы и расставить новые акценты, оказав на Грузию определенное давление с целью признания ею Абхазии. Учитывая, что в Абхазии в данное время напрямую сталкиваются не столько российско-грузинские, сколько российско-западные противоречия, следовало бы в интересах международного сообщества разработать и предложить реальные модели государственного устройства Абхазии (вплоть до нейтрального государства на Кавказе; по типу Андорры; государства под опекой международных организаций и т.д.), которые устроили бы заинтересованные стороны и послужили бы образцом установления мира в этом важном регионе Кавказа.

Будет ли «холодным» предстоящее лето в Абхазии? Очевидно, что многое будет зависеть от того, как поведут себя в Грузии и Абхазии региональные державы. Выступая недавно в Тбилиси, в Кавказском институте мира, демократии и развития, профессор Йоханн Галтунг очень мудро заметил: «Как говорят африканцы: когда дерутся слоны, страдает трава; когда слоны занимаются любовью – тоже страдает трава».

Арда Инал-Ипа – Станислав Лакоба говорил о возможности представить Абхазию как нейтральное государство под протекторатом международных организаций. Мне бы хотелось узнать, есть ли такие примеры?

Станислав Лакоба – Я, наверно, не совсем точно прочитал. Нейтральное государство на Кавказе или под опекой международных организаций. В прошлом были такие примеры и планы. В частности, лорд Керзон предлагал в 1918 году такую систему. Была примерно сходная ситуация в 1918-21гг., но до него то же самое предлагало и германское правительство. Предлагали модель кавказской конфедерации, предлагали модель нейтрального государства для Абхазии, т.е. это не ново. Хотя здесь говорили, что история в данном случае может сыграть плохую службу. Но мне кажется

ся, что такой метод применим к Абхазии для того, чтобы на Кавказе установилось равновесие. Такая идея не раз высказывалась задолго до меня – о том, что возможно создать подобное нейтральное государство...

Арда Инал-Ипа – Давид, когда вы говорите о сосуществовании в общем государстве, что вы думаете о названии этого государства, и как будет определяться гражданство?

Давид Бердзенишвили – Я не думаю, что название государства является неразрешаемой проблемой. Назовите хоть Абхазия. У нас – у меня, по крайней мере – нет никаких проблем с этим названием. Мне кажется, что там несколько вариантов: “Объединенное Государство Грузия”, можно “Грузия и Абхазия”. Я не думаю, что если придем к общебазовым решениям, название государства будет составлять большую проблему. Мне лично больше всего нравится Объединенное Государство Грузия – и два члена этого государства, фактически, учредители этого государства, Республика Абхазия и Республика Грузия. Кстати, по нынешней грузинской действующей конституции Грузия называется официально Грузия, т.е. с грузинской стороны особой проблемы не будет. Можно и так: Государство Грузия и Абхазия.

Что касается гражданства, естественно, мы думали об этом. Все граждане Абхазии являются одновременно и гражданами общего государства, но не все граждане общего государства являются гражданами Абхазии, т.е. вопрос гражданства регулируется абхазскими властями в соответствии с той договоренностью, которая будет этому служить. Меня не очень привлекает ситуация, когда жители Абхазии, допустим, не будут иметь право на собственность. Эта ситуация меня не привлекает, но они будут иметь собственность ... Я не вижу неразрешимых проблем в этой области. Общее государство, мне кажется – может быть, я ошибаюсь – для Абхазии и более престижно, и по сути более объемисто может решать свои проблемы, чем русско-грузинский вариант андоррского правления, протектората. Это выльется в наших условиях фактически в московско-тбилисский диктат над Абхазией, и какую-то часть полномочий Москва и Тбилиси передадут абхазской номенклатуре. Фактически, этот

вариант в наших условиях будет похож больше на советский период. Но вообще у этих проблем нет решения без серьезной демократизации грузинского общества и, по мере возможности, абхазского тоже...

По нашей концепции, государственными языками общего государства являются грузинский и абхазский. В Абхазии официальным языком можно назвать и русский, и другой. Государственными языками общего государства должны быть грузинский и абхазский. Соответственно, все документы, которые принимаются от имени грузинского государства, издаются на этих двух государственных языках... Общение не запрещается на том языке, на котором люди общаются.

Батал Кобахия – Как же, допустим, президент Абхазии будет говорить понятно для всех граждан Абхазии? Абхазы-то легко грузинский язык выучат, проблема в грузинах, они абхазский не смогут выучить.

Давид Бердзенишвили – В какой-то степени русский язык будет иметь эту функцию, а потом уже [уступит место двум государственным языкам].

Геворк Тер-Габриелян – Я хочу вернуться к тому, что Арда говорила об Испании, Каталонии. Это мое чисто личное наблюдение, как человека, многие годы общающегося с европейцами. Этнические стереотипы не исчезли никуда. На бытовом уровне, на уровне анекдотов, на уровне каких-то мнений, которые в узком кругу высказываются, столько же и смеха над представителем другой национальности и даже шуток более грубых, и даже иногда злых. Даже трения возникают не только во время футбола, но и в других ситуациях, т.е. избавиться от этнических стереотипов ни одно общество, даже самое высокодемократическое, не в состоянии. Что меня поражает – то, что Европа демократически функционирует и многонационально движется к какой-то общей идентичности без того, чтобы избавиться от этнического национального самосознания каждого народа и даже от этнических стереотипов. Это совместно происходит. Поэтому нельзя надеяться, что не будет никаких трений вообще. Но можно надеяться, что какие-то механизмы будут созданы, которые помогут на уровне наибо-

лее важном проблемы разрешать. А на бытовом уровне тренировок – надо просто с этим смириться.

Георгий Анчабадзе. – Европейские прецеденты – это, конечно, очень интересно, но не надо забывать, что мы находимся в других условиях и у нас другая ментальность. Когда мы говорим: сделаем как в Западной Европе или как в Северной Америке, или как еще где-то, это то же самое, что сказать: давайте играть в футбол как Пеле и петь как Шаляпин. Если не изменится наше общественное настроение, не изменится наш менталитет, мы не сможем реализовать у себя все эти очень хорошие, интересные варианты. И поэтому я думаю, что сегодня надо работать, чтобы произошла какая-то трансформация менталитета, иначе ничего не получится.

Нателла Акаба. – Я бы хотела просто сказать, что не надо увлекаться этими моделями, потому что все равно ни одна модель нам не подойдет. Может быть, можно использовать только какие-то идеи, может, какая-то модель нас на что-то натолкнет. Конечно, Гия правильно сказал, у нас совершенно иная ситуация буквально во всем. Из того, что я сегодня здесь услышала, из всех идей, которые предлагались, я не узнала ничего такого, что помогло бы мне обрести уверенность в том, что в этих гипотетических государствах абхазский язык, абхазская культура, самобытность будут защищены. Мне кажется, хоть 30 раз провозглашай абхазский язык наряду с грузинским государственным языком этого гипотетического государства, это совершенно не означает, что абхазский язык станет равным в правах грузинскому, что он получит такую же перспективу для своего существования. Сегодня наш язык переживает очень серьезный кризис в силу всех потрясений, которые произошли раньше. Я не вижу, что кто-то может указать нам тот путь, идя по которому мы обретем уверенность в том, что наш язык сохранится и наша культура будет процветать, и нас не заставят стать грузинами или англичанами, я не знаю кем еще. Почему абхазы так заикнулись на идее своей государственности? Потому что пока никто их не убедил в том, что они могут сохраниться как этнос при каких-то иных условиях.

Давид Силагадзе. – Это пока на уровне моего мнения: создать в Абхазии двухпалатный парламент. Верхняя палата будет обла-

дать правом вето или утверждения, возвращения закона. Дать право вето представителям Абхазии и в Грузии тоже, чтобы сохранились их права. Между прочим, если поднять эти проекты, всего 3 проекта... Еще в 1918-21 гг. абхазские делегации представили проекты договора о статусе, так называемый “Статус Абхазии”. Примерно такие предложения были. Но, к сожалению, правительство первой грузинской республики не рассмотрело эти предложения. Они остались на уровне проектов. А впоследствии о них уже забыли... Я думаю, что наше движение “Примирение” правильно предлагает возобновить диалог о статусе. Давайте не будем упираться. Если вы будете утверждать, что ваш статус уже определен вашей конституцией, это уже конец всем переговорам, на этом заканчиваются всякие переговоры. Если все определено, о чем же мы тогда говорим, о чем договариваемся? Я думаю, что мы должны найти взаимоприемлемый вариант, чтобы избежать новых несчастий.

Батал Кобахия. – Можно вопрос грузинской части? Все время разговор идет о том, что надо возобновлять переговоры об определении статуса. Почему разговор не идет в другом направлении? Нельзя ли вам начать движение за возобновление диалога по поводу, например, независимости Абхазии? Все время речь идет о зависимости. Давайте переориентируемся!

Давид Бердзенишвили. – Давайте вернем всех беженцев, и объявляйте там независимость.

Сергей Арутюнов. – У меня вопрос такой: абхазы не уверены, что в рамках федерации они сохранятся как этнос. А скажите, абхазы уверены, что в абсолютно независимом абхазском государстве они сохранятся как этнос? Скажем, в каком мере, по-вашему, сохраняются как этнос ирландцы в ирландском независимом государстве, где конституцией установлен государственный ирландский язык и все равно на нем говорит меньше 10% населения Ирландии, причем с каждым годом все меньше и меньше?

Нателла Акаба. – Конечно, это очень сложный вопрос. Никто не может быть уверен в том, что в независимом абхазском государстве сохранится абхазский этнос, потому что мы подвергаемся очень сильному давлению с разных сторон, но тем не менее я

не встречала никогда ни один народ, который добровольно отказался бы от идеи своей независимости. Я думаю, что если кто-то может предложить вариант, который вселит в нас оптимизм, то мы не будем такими упрямыми, что откажемся от такой модели. Думаю, что никто так вопрос не ставит. Я только говорю о том, что лично я пока ничего не слышала ни здесь, ни в других местах, что давало бы хоть какие-то гарантии абхазам, как этносу и их культуре, их политическим правам, что опять они не останутся в меньшинстве и опять им не будут говорить: вас каких-то 18%, а вы еще на что-то претендуете. Вот о чем идет речь. Я вполне допускаю, что может быть найдена какая-то форма институциональных гарантий для решения всех этих вопросов. Но пока я этого не вижу.

Давид Силагадзе. – Но, с другой стороны, мы не можем приветствовать и то, что происходит сейчас в Гальском районе. Там вообще грузинский язык не преподается. Надо найти общий язык. Например, чтобы сохранить язык, литературу, в грузинской школе преподавать абхазский язык и литературу, а в абхазской – грузинский. Вот тогда не возникнет необходимость внедрения какого-то третьего языка, государственного.

Лиана Кварчелия. – Здесь прозвучала мысль, что если будет установлен двойной протекторат, то Абхазия немедленно воспользуется ситуацией, чтобы окончательно закрепить свою независимость от Грузии. Или до этого говорили, что если Абхазия с Грузией создадут государство на конфедеративных, равноправных началах, то опять это приведет к тому, что Абхазия немедленно воспользуется своим правом на выход из конфедерации. Но ведь нужно помнить и о том, что сейчас со стороны Абхазии в отношении Грузии также отсутствует доверие, и поэтому любые неравноправные отношения в Абхазии будут восприниматься как возможность для Грузии повторить то, что уже происходило в прошлом. Поэтому мне кажется, не стоит относиться к каким-то новым идеям и предложениям как к моделям, которые будут приняты раз и навсегда. Может быть, нужна какая-то временная форма взаимоотношений, которая позволила бы нам восстановить доверие. Если Грузия и Абхазия будут идти по демократическому пути

развития, если будет развиваться гражданское общество в двух государствах, будут соблюдаться права разных групп и индивидуальные права, то возрастет и наше доверие друг к другу. Тогда, возможно, будет меньше опасений, что стороны воспользуются ситуацией в ущерб друг другу. Поэтому, мне кажется, нужно думать о временных формах взаимоотношений, и если мы в течение какого-то отрезка времени сможем убедить друг друга, что не представляем угрозы для безопасности противоположной стороны, только тогда можно будет, наверно, вести разговор о каких-то формах сосуществования.

Арда Инал-Ипа. – У меня маленькая реплика относительно высказывания г-на Давида о том, что акт о независимости Абхазии – это конец урегулирования. Я так не считаю. Можно привести пример из частной жизни. Когда человек получает паспорт, который удостоверяет его совершеннолетие, это не означает, что он никогда ни с кем не вступит в союз. Акт о независимости может стать основой для принятия нового решения. Это вовсе не значит, что этим решением не может быть союз или какое-то общее государство. Можно много говорить о реальности или нереальности самостоятельного существования. Но ощущение, что нас как бы не отпускают ни на секунду, никак не помогает урегулированию. Печальный пример: когда кого-то задерживают и ведут в отделение полиции, практически всегда у человека есть такая необходимость сказать: ”Без рук, пожалуйста. Я знаю, что я вынужден туда зайти, я в состоянии сам сделать этот шаг.” Этого ощущения, “без рук”, у Абхазии не было. Не было момента, когда бы абхазы почувствовали, что они сами могут принять какое-то решение (надеюсь, не такое, как в этом примере).

Тинико Хидашели. – Единственное, что мы можем написать – это то, что это единое государство, или государство, которое будет основано соглашением между грузинской и абхазской республиками, будет двуязычным на официальном уровне, а как это потом будет реально работать, уже зависит от них обеих. В таких условиях появятся два языка, не только один грузинский. Так как для абхазов русский более приемлемый и предпочитаемый, они предпочитают говорить на русском, не на грузинском, то это будет прямой гаранти-

ей одного – русский будут употреблять больше в государственных, а второй в личных и бытовых отношениях с грузинами и остальными нацменьшинствами, живущими в Абхазии. Я соглашаюсь со всеми, кто здесь говорил о том, что никакие модели не надо транспонировать, никакие модели не могут быть использованы, как самые хорошие.

Нодар Сарджвеладзе. — Я почитал статью Олега Домения. Хочу сослаться на его идеи и продолжить дискуссию. Там он применяет очень интересное словосочетание – “независимая взаимозависимость“, имея в виду то, что чем больше Абхазия ведет независимую от Грузии политику, или Грузия независимую от Абхазии политику, тем в большей степени Грузия и Абхазия становятся взаимозависимыми. Вообще, мы сейчас живем в эпоху глобализации, взаимозависимости и т.д. Если с этой позиции посмотреть на вещи, если кому надо определять статус Абхазии и ее отношения с Грузией, то тем субъектам, которые являются взаимозависимыми – это Грузия и Абхазия. Если так посмотреть на ситуацию, то, действительно, сегодняшняя наша беседа о разных вариантах носит поисковый характер. Это действительно очень плодотворно. Но это еще раз подтверждает то, что мы слишком взаимосвязаны и взаимозависимы, и в этом плане я еще раз возвращаюсь к тому, что я назвал бомбой замедленного действия. В моем личном понимании, такие модели, как, напр., апробация андоррского варианта или других вариантов – это то же, что взять, например, саженцев из Африки и выращивать на московской земле. Мы сами, как взаимозависимые субъекты, должны изнутри создавать какие-то модели. Спасибо.

Давид Бердзенишвили. – Я сейчас вспомнил слова моего друга Зураба Чавчавадзе, одного из лидеров демократического крыла грузинского освободительного движения, который, к сожалению погиб в 1989 году. Он говорил, что нет такой абхазской проблемы, которая по определению является антигрузинской, и наоборот. Может быть, это утрированная политическая формулировка, но я с тех пор, да и до того, придерживаюсь таких позиций, что надо искать точки соприкосновения. Что касается разных моделей, естественно, что кое-что нам пригодится и из испанской, и из бельгий-

ской. Но мы фактически не говорим о том, как построить на этой территории какое-то государство прямо по аналогии той или иной страны. Мы говорим об общем государстве. В Европе нет таких государств. Это просто новая ситуация, и мы стремимся адекватно подойти к той ситуации, которая у нас есть. Мне очень понравилась статья Чирикбы, которая была опубликована в 2-м номере сборника. Он там предлагает свое видение, не только концепцию, но и фактически базовые данные конституции такого гипотетического будущего общего государства. Мне кажется, что в Грузии найдутся люди, и, несмотря на мой скептицизм, их влияние в какой-то степени усиливается, которые бы работали в этих рамках, и если концептуально, времени у нас много, единое государство мы создадим не завтра и не послезавтра. Времени достаточно для того, чтобы поработать над технологическим исполнением той концепции, которую мы предлагаем, которую предлагает Чирикба, если какая-то часть абхазского общества разделяет его позицию. Я знаю, что какая-то часть грузинского общества разделяет нашу позицию, и думаю, что количество тех людей, которые бы поддержали такой подход, растет. Тогда чисто технологически юристы, социологи, этнологи, многие другие специалисты, думаю, смогли бы прийти к общему мнению, хотя бы на бумаге создать ту схему, реализация которой будет иметь шанс. По-другому я просто не вижу альтернативы, как решать эту проблему: с одной стороны – территориальная целостность, с другой – самоопределение Абхазии. Есть промежуточный вариант – кипрский или какой-нибудь другой, но это ведь не решает проблему, а усугубляет. И не только в Грузии, думаю, что в Абхазии тоже.

Манана Гургулия. – Здесь говорили, что поскольку статус Абхазии продекларирован, то никакой возможности для дальнейшего диалога нет. А мне кажется, есть. Выступая с докладами о гражданском обществе, многие больше говорили о политике. А гражданское общество – это же сфера неполитических отношений, в том числе экономических. А вот об экономике мы совсем забыли. Интеграция в сфере экономики, наверно, все-таки возможна.

Что касается варианта, предложенного Чирикбой, то статья писалась в 1998 году. Но сам процесс начался еще в 1995 году.

Паата Закареишвили говорил в своем выступлении о том, что протокол был подписан. Вы все знаете, что разрабатывался протокол об урегулировании грузино-абхазского конфликта. Протокол, собственно, подписан не был, он был лишь завизирован. В конечном итоге, к общему согласию по этому протоколу не пришли.

В 1995 году парламент был против подписания этого протокола. Вплоть до 1998 года протокол дорабатывался, в него вносили бесконечные поправки. В конечном итоге, он был отброшен. Абхазская сторона говорит о том, что по вине Грузии, которая бесконечно вносила поправки. Грузинская сторона говорит, что те предложения, которые внесла Абхазия – неприемлемы. С 1998 г. прошло два года, многое изменилось. Поэтому и сегодня реанимация этого варианта протокола проблематична.

Миша Мирзиашвили. – По-моему, мировая общественность, если это не слишком громко сказано, пошла дальше двойных протекторатов потому, что когда какое-то государство подключается к международным соглашениям, это не двухсторонний, а многосторонний протекторат для граждан этого государства, для защиты их прав и т.д. Мне видится, что это самые большие гарантии, которые можно найти в сегодняшнем мире. Договоры будут защищаться не только двумя государствами, пусть даже такими, как Франция и Испания, а еще более влиятельными государствами.

Станислав Лакоба. – Я думаю, что модели надо, конечно, обсуждать, хотя они могут быть как бы неприменимы и т.д. Но я все же уверен в том, что глубоко заблуждаются те, кто думают, что абхазы и грузины встретятся, выработают какую-то модель и она будет принята. Все будет далеко не так, потому что есть сильно заинтересованные стороны, которые ни за что не дадут решить проблему. Модель Андорры вызвала такой живой интерес, мне кажется, в этом варианте есть очень большие плюсы. Но еще такой момент. В данном случае, вы, как грузинская сторона, против того, чтобы был установлен такой двойной протекторат. Но здесь есть элемент компромисса, во всяком случае, предполагается уступка с абхазской стороны. Если учитывать, что сегодня Грузия не распространяет никакого влияния на Абхазию, а с другой сто-

роны, Россия и так присутствует в Абхазии, это налицо, здесь есть какой-то элемент уступки и возможного компромисса, с помощью которого можно было бы, наверное, договориться. Я не считаю, что это приемлемо для Абхазии. Но вы сегодня в Абхазии реально ничего не имеете и отказываетесь рассматривать этот вариант! Вот это меня удивляет. Здесь ведь есть плюсы для вас. Может быть, с большей практичностью подойти к этому вопросу? Я вполне согласен с тем, что говорила Лиана Кварчелия, что может быть какой-то промежуточный, переходный этап. Я так говорю не потому, что поддерживаю эту модель, но мне она показалась чем-то привлекательной. Думаю, для других тоже, и потому здесь так много говорят о ней.

Гия Хубуа. – Наверно, нет ничего более оскорбительного, чем рассматривать Абхазию и абхазскую нацию как только лишь объект каких-то политических сделок. Мы говорим, что Абхазия и абхазская нация – не объект каких-то политических целей и сделок, а будущий субъект того же грузинского, или – насчет названия еще можно спорить – союзного государства.

Я уважаю абхазскую нацию за то, что они дорожат своим языком, идентичностью, историей и т.д. Из некоторых выступлений создается такое впечатление – может, это фальшивое представление, но такая нота как раз неуважения к собственной идентичности просачивается, когда рассматривается вопрос двойной вассальности и т.д. Наверно, нам всем стоит разбить этот стереотип вассального мышления. Я бы назвал это бегством от ответственности.

Ответственность – это такой груз, большой груз, и мы если всегда будем находиться под такими клещами вассального мышления, смотреть на Москву, или на Вашингтон и т.д. или искать какие-то готовые рецепты решения проблемы и не постараться сами... Я понимаю, это все происходит в контексте каких-то глобальных политических процессов, но давайте попытаемся понять друг друга. Вы говорите: какие гарантии защиты абхазского этноса в этом государстве? Пожалуйста, скажите, какие гарантии вы требуете, мы же даже не знаем. Я не думаю, чтобы это были такие гарантии, на которые грузинская сторона не смогла бы согласиться.

ся. Абсолютно уверен, что просто нет таких требований, которые могла бы предъявить абхазская сторона, а грузинская не смогла бы удовлетворить. Но в первую очередь, пожалуйста, скажите, что вы требуете, как вам видится перспектива развития абхазской культуры, языка и т.д.

Георгий Анчабадзе. – Последние года два я говорю, что надо искать модель двухсубъектной федерации или конфедерации. Но я и сам сомневаюсь, когда противники в Грузии говорят, что такое объединение будет рыхлым, нежизнеспособным. Действительно, когда мы говорим, что взаимоотношения Тбилиси и Сухуми должны быть сугубо горизонтальными, невозможно, чтобы не возникали какие-то проблемы – и как же они будут решаться? Тогда, может быть, грузинской стороне все-таки надо будет серьезно рассмотреть вопрос о признании независимости Абхазии. Но когда мы говорим о признании независимости Абхазии, всплывает другая проблема – я считаю, не менее тяжелая и болезненная, чем вопрос политического статуса. Это проблема беженцев – 200 тыс. человек, которые сосредоточены в Грузии и в принципе никак – ни психологически и никак иначе – не подготовлены к тому, чтобы оказаться навсегда лишенными возможности вернуться в Абхазию. Думаю, эту проблему надо, может быть, как-то решать вместе с проблемой политического статуса. Я знаю, что абхазы говорят, что политический статус для них уже решен – «мы выбрали независимость». С одной стороны, это понятно, но с другой стороны, чтоб это стало действительно общепризнанным, надо, чтобы и грузинская сторона согласилась с этим выбором. Может, надо подумать о совмещении проблемы возвращения беженцев и проблемы признания независимости Абхазии? Независимость – в обмен на возвращение беженцев. Конечно, может и такой вопрос возникнуть: если, допустим, в Абхазии восстановится прежнее демографическое положение, то путем каких-нибудь выборов или других т.н. демократических мер грузинскому большинству можно будет взять в руки всю полноту власти и аннулировать независимость Абхазии. Но тут, я думаю, надо выработать целый ряд механизмов. Кроме того, такого же баланса населения, как до войны, уже не будет, потому что очень многие беженцы уже не вернутся в Абхазию. Им надо будет сделать

выбор: хотят ли они жить в своих бывших домах, которые остались в Абхазии, или же они хотят жить в Грузии. Ведь если они возвращаются в Абхазию, они уже автоматически становятся гражданами Абхазии. Чтобы облегчить им этот выбор и сделать, как они требуют, надо будет объявить амнистию участникам боевых действий – естественно, кроме тех, кто замешан в каких-то военных преступлениях, потому что, если сказать: пусть возвращаются все, кроме комбатантов – это значит не возвращать никого, потому что большая часть грузинского населения (если считать с семьями) была непосредственно вовлечена в военные действия. Может быть, и в абхазском обществе будут противники вот этой второй составляющей – проблемы возвращения беженцев. Лично я, откровенно говоря, уже не вижу выхода из создавшегося положения. Ситуация патовая. Сколько бы не делали воинственных заявлений грузинские политики, одержать военную победу над абхазами Грузия в обозримом будущем не сможет, и трудно представить себе, что войска каких-нибудь третьих сил помогут Грузии установить власть над Абхазией. Если дело пустить на самотек, это приведет нас к кипрскому варианту. Фактически это будет означать, что Грузия проиграет и тот козырь, который она имеет в лице беженцев. Потому что за 20-25 лет эта масса беженцев постепенно рассосется, она уже не будет так сконцентрирована, как сконцентрирована еще сейчас, и уже никто не вернется в Абхазию. Тогда, если даже Грузия и одержит к тому времени военную победу над абхазами, то никаких выгод от нее уже не получит, и придется уходить из Абхазии, даже если она на некоторое время и будет оккупирована. Есть еще вариант, о котором говорил Давид Бердзенишвили – раздел территории Абхазии. Но о разделе по Гумисте и речи быть не может. Думаю, что республиканцы на этот рубеж уже и не претендуют. Думаю, раздел по Кодори тоже нереален. Речь может идти о Гальском районе. Хотя, я полагаю, для Абхазии это большая потеря, чем для Грузии потеря Абхазии – и в территориальном, и в экономическом отношении. Кроме того, 80-тысячное население Гальского района – это именно та часть грузинской общины Абхазии, которая исторически и этнографически наиболее близка к абхазам. И ради механического отсоединения какой-то территории, чтобы уменьшить про-

цент грузин, надо будет отказаться от Гальского района? Для Абхазии это будет не только экономическая потеря. Так что, я все-таки склоняюсь к варианту двухсубъектной федерации/конфедерации. Думаю, эта самая реальная модель, которая не сегодня, не завтра, но когда-то все-таки сработает.

Еще два слова об андоррском варианте. Сама по себе это интересная модель, тем более в сочетании с Чечней, но я думаю, что этот западноевропейский вариант у нас не сработает. Во-первых, сам андоррский феномен идет из средневековья и там, насколько я помню, не Франция и не Испания являются протекторами Андорры, а президент Франции и епископ Урхельский. А если, допустим, такое политическое решение все-таки будет принято, то Грузия на это не пойдет, потому что (и об этом говорилось сегодня), хотя на всех политических картах мира, политических картах Грузии, Абхазия значится как часть Грузии, Грузия сейчас Абхазию реально не контролирует, а Россия как-то все-таки влияет, притом в значительной степени, на положение дел в Абхазии. И, конечно, грузины тогда скажут: если мы согласимся на какое-то совместное владение, то это будет полностью российская Абхазия, а Чечня так и так всецело грузинской никогда не будет.

Арда Инал-Ипа. – Если кратко обозначить позиции сторон, то абхазская позиция – независимость Абхазии и не возвращать беженцев, грузинская – восстановление территориальной целостности и возвращение беженцев, т.е. абсолютно взаимоисключающие друг друга позиции. В израильско-палестинском конфликте формула была ясна – «мир за землю», и это помогло продвинуться в урегулировании.

Если бы и здесь была предложена какая-то ясная формула – «независимость за возвращение беженцев» или «возвращение беженцев за независимость», если бы исходные позиции были как-то переформулированы с большим учетом реальной ситуации, то возникло бы пространство для более продуктивного переговорного процесса.

Нателла Акаба. – В принципе, никто не может лишить беженцев права на возвращение, просто исходя из общечеловеческих ценностей. Но это совершенно не означает, что после этого воз-

вращения признание Грузией независимости Абхазии принесет мир.

Абесалом Лепсая – Мы начинаем обсуждение сразу на уровне разговоров о независимости, протектората или других моделей. Почему нельзя начать процесс с того, что можно делать сегодня? Предпринимать первые шаги, успешное осуществление которых даст нам возможность *верить* друг другу. Т.е. нужно решаться на практические шаги, которые приведут к какому-то результату, не обсуждая долгосрочных перспектив объединения или разъединения этих государств. В любом случае, будет ли Абхазия независимой или в одном государстве с Грузией, в любом случае мы будем соседями. Почему нельзя на уровне добрососедства сегодня осуществлять какие-то действия.? Может быть, выяснится, что нам не жить вместе, может наоборот, что желательно жить вместе.

Геворк Тер-Габриелян. – Все мирные договора полны парадоксов, противоречий, нечеткости, многозначительности. Можно написать мирный договор, где полный суверенитет, вплоть до отделения, создания независимого государства, будет соседствовать с территориальной целостностью, и противоречий не будет, если есть другие факторы, как то: объективное обеспечение безопасности, готовность населения принять такую форму сосуществования и т.д. Реальные механизмы сосуществования отличаются от любых слов, концепты не соответствуют реалиям. Поэтому я вижу наш разговор несколько в конструктивном ключе теперь, когда Арда сказала, что декларация суверенитета – это первый шаг на пути к новым отношениям, быть может – к акту о государственной независимости, а быть может – и к диалогу о сближении. Я думаю, то же можно сказать о словах уважаемого Гии, что признание Абхазии в Грузии неминуемо. Если это произойдет, это тоже будет шагом в сторону сближения.

Арда Инал-Ипа. – Конечно, полезно обсуждать различные модели, но мы ведь понимаем, что нам никто не даст реализовать модель, если мы к ней не придем сообща. Я очень рада тому, что на каком-то уровне мы осознали, что любой шаг в урегулировании – это наше общее достижение. Я вижу, что мы осознали, что невозможно прид-

ти к урегулированию отдельно, с одной стороны. Это обязательно должен быть взаимный процесс. Это ощущение царит за этим столом, несмотря на все наши споры. И мне бы хотелось, чтобы мы его сохранили надолго.

Тинико Хидашели

РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА ПУТЕМ ГОСУДАРСТВЕННО–ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА

Прежде всего, на мой взгляд, нужно договориться о следующем: во-первых, целью данной работы не является вынесение на обсуждение какой-либо модели грузинского государства из тех, которые где-нибудь уже обговаривались; все нижесказанное – исключительно моя точка зрения и позиция, которую в самых разных формах пропагандирует группа молодых юристов; во-вторых, ни в международном, ни в конституционном праве нет таких терминов, о которых нельзя дискутировать и над которыми нельзя размышлять. То есть, говоря о федерализме, конфедерализме или о союзном государстве, не обязательно думать о какой-либо уже существующей модели – Германии, Бельгии и т.д. Каждая страна должна выбирать свою индивидуальную форму правления и территориального устройства, исходя из своих исторических, геополитических и стратегических особенностей. Тут очень важны готовность общественного мнения и способность политических элит внести свою лепту в процесс гармонизации различий.

Отсутствие сильного гражданского общества, традиций терпимости и законности представляет собой серьезную преграду для проведения в жизнь любой демократической модели. Националистическая идеология, основанная на праве крови и почвы, сделала бы любую гармонизацию различий почти невозможной. Политический выбор должен быть основан на принципе эффективности и на кри-

терии, согласно которому “лучше та политическая форма, которая проще всего внедряется”. Учитывая огромные трудности, связанные с умиротворением этнических конфликтов, необходимо устранять сами причины конфликтов. Своевременность действий – важнейший фактор в этом процессе: “если дифференциация не признана вовремя, то группировка, культурная община, регион откажутся отождествлять себя с ценностями, культурой, языком доминирующей группы, подрывая тем самым легитимность государства”. Любые дискуссии о причинах конфликта должны быть строго ограничены научными исследованиями, имеющими целью предотвращение будущих конфликтов. Эти дискуссии ни в коем случае не должны занимать главное место в переговорах.

Во время дискуссии много было сказано о напряженной обстановке и противоречиях, имеющих место в Испании, в частности, между испанцами и каталонцами. Хочу заметить, что подобные противоречия могут возникать и между независимыми странами, так как, на мой взгляд, не обязательно находиться в составе какого-либо государства, чтобы вызвать агрессию и выйти на тропу войны. Такая возможность еще более увеличивается, когда речь идет о государствах недемократических или квазидемократических, где культура консенсуса и взаимных интересов почти не существует.

Федерализм для меня – это форма институционального устройства, достигнутая консенсусом и договоренностью, а не какой-нибудь стереотип или мнение теории конституционного права.

Одним из факторов успеха такого институционального устройства и жизни в одном едином государстве, вне зависимости от формы его устройства, можно считать гарантию идентичности и культурно-этнического развития наций. Это и может быть первым камнем, заложенным в фундамент единого государства. Предполагается, что “люди рождаются с определенной культурной идентичностью и что их глубочайшие пристрастия и самые твердые нравственные ценности определяются унаследованной идентичностью”. Здесь необходимо отметить, что большинство грузин, покинувших Абхазию, точно подпадают под эту формулу, так как их ценности, традиции и нравы слишком отличались от людей, проживающих не только в Тбилиси, но и в других уголках Грузии – в Восточной Грузии, на-

пример. В конце концов, они себя чувствовали комфортнее, говоря по-русски, а не по-грузински. С моей точки зрения, все население Абхазии, независимо от его этнического происхождения, более однородно, чем грузинское население в Тбилиси, Кутаиси и т.д. Нельзя пренебрегать подобными фактами, делая выбор и решая вопрос об государственном устройстве, так как попытки интеграции различных национальных общин не должны создавать опасности для стабильности государства.

Если вернуться к федерализму, то для меня самой подходящей моделью для Грузии является ассиметричный федерализм, где все исторические края имеют свой статус со всеми признаками позитивной дискриминации, которая, по-моему, абсолютно неизбежна и важна для их полноценного развития.

Экономический статус, бюджетные дотации, в конце концов, “кооперативный федерализм” – когда одна часть страны (субъект федерации) берет попечительство над другой – вот приоритеты, которые должны быть использованы как основные параметры государственного устройства Грузии, даже если не говорить об абсолютно разной самоидентичности различных частей Грузии.

Почему федерализм можно считать большей гарантией, чем, скажем, основанный на консенсусе государственный строй, называемый на Западе консоциальной демократией? Необходимо отметить, что такая система может работать лишь тогда, когда все партнеры и стороны в процессе считаются равными и пользуются одинаковой степенью безопасности. Консоциальная демократия основана на высокой культуре демократии, где в отношениях преобладает учет взаимных интересов. В ней нет формального оформления отношений, все основано исключительно на доброй воле сторон, а федерализм характеризуется большой степенью формализма: есть Конституция или соглашение, есть также целый пакет законов и решений, укрепляющих рамки такого устройства. Консоциальная демократия, скорее, основана на неписанных и неформальных соглашениях и правилах, что делает систему более гибкой и восприимчивой к культурным и социальным изменениям. Следует отметить, что жесткость самой правовой системы является наилучшей гарантией целостности государства и защиты всех субъектов. Здесь средства и цели определены

и зафиксированы юридически. Предполагается, конечно, что законы являются результатом переговоров и основаны на консенсусе различных групп интересов. Обычно полагают, что такие свободно избранные правила имеют некую самостоятельную нравственную ценность. Федерализм дает конституционные гарантии достигнутому консенсусу и налагает взаимную ответственность на стороны, участвующие в соглашении.

Деление по этническому признаку считается более “объективным”, чем по интересам различных общественных групп, классов или партий, несмотря на то, что они являются продуктами культуры тех или иных обществ. Разнообразие культур определяется не только национальными и языковыми различиями, но связано и с “отличительными комплексами поведенческих установок, мнений и ценностей, которые существуют в данной местности страны в течение сравнительно длительного периода времени и придают представителям конкретной субкультуры чувство идентичности, которое отделяет их от представителей других субкультур”. Численность культурной общины в данном случае не столь важна, как ее сила и своеобразие, поскольку “чем сильнее и своеобразнее субкультура, тем больше ее представители идентифицируются и взаимодействуют друг с другом и тем меньше они идентифицируются и взаимодействуют с лицами, не входящими в число ее представителей”. Все отношения в политической, культурной, семейной и экономической жизни связаны с членами одной и той же группы.

Культурное разнообразие может приводить к нестабильности, когда этнические группы начинают верить в свою исключительность, в то, что их угнетают или им угрожают другие группы, или когда доминирующее большинство действительно начинает считать их “потенциальными изменниками нации”. Такую напряженность иногда можно снизить путем переговоров, но различия могут также превратиться в неуправляемый конфликт. Главным и первым шагом для того, чтобы преодолеть этот конфликт, является признание и уважение такого разнообразия. В процессе преодоления оба этих фактора, т.е. признание и уважение, должны быть сформулированы и защищены юридически, в документе, имеющем юридически обязательную силу, ибо в условиях тотального взаимного недоверия и абсо-

лютного взаимного непонимания джентельменское соглашение и словесное обещание всегда остаются добрыми пожеланиями одного конкретного человека, от которого исходит такая инициатива.

Каждая система имеет свои правила, но правила эти тоже должны создаваться в целях достижения политической стабильности. Каждое государство, т.е. принимающее решения большинство, должно доказать, что оно может соблюдать и исполнять свои собственные решения и договоренности, а для этого обязательное условие, чтобы одна из сторон была сравнительно демократичным образованием, основанным на верховенстве закона.

Федерализм, как и демократия, воля и свобода, является спорным ценностным понятием, не имеющим общепризнанного значения. Для специалистов по конституционному праву федеративный принцип – это вертикальное разделение властей, “метод разделения властей таким образом, что общие и региональные органы власти – каждый в определенной сфере – скоординированы и независимы”. Для наших целей формальные институциональные требования в федеральных странах имеют основополагающее значение. Конституционное разграничение полномочий, двухпалатное законодательство, независимые выборы на обоих уровнях власти и многопартийная система представляют собой институциональные кирпичики, заложенные в основу федерации. Как будут сформулированы эти институты, каковым будет принцип, например, создания верхней палаты парламента – это вопрос конкретных решений, которые должны приниматься на переговорах. Хочется лишь подчеркнуть, что большинство или доминирующая культура должна применить максимум усилий для устройства центральных институтов и перераспределения центральных органов правления. Федерализм определяется как правовое выражение отношений баланса между полномочиями центрального правительства и автономией составных элементов. Такого баланса можно достигнуть, лишь прибегнув к максимальным уступкам со всех сторон и от всех субъектов диалога. При такой системе “центральное правительство и субъекты федерации на каждом уровне имеют свои системы органов и законов”. Оба этих “яруса” имеют свою самостоятельную легитимность и конституционно гарантированное место в общей системе, а также собственный набор

институтов, полномочий и обязанностей. Их автономные права зафиксированы и юридически определены в конституциях и других правовых актах.

По Карлу Фридриху, процесс федерализации – это “организационный эквивалент развития общин или организованное сотрудничество групп”. Он находится в тесной связи с “территориально диверсифицированными ценностями, интересами и верованиями, над которыми стоят общие ценности и верования”.

Для гармонизация этнических и региональных различий в Грузии в рамках федеральной системы, в наибольшей степени отвечающей нуждам различных сегментов общества, необходимы участие всех политических и общественных сил и гарантия учета всех интересов. Все участники данного процесса должны считаться равными партнерами. Формальные правила гармонизации противоречивых интересов должны быть согласованы на основе консенсуса всех сторон, а не приниматься простым большинством голосов, не учитывающим интересы меньшинства.

Первым шагом в разработке каких бы то ни было систем федерального государственного устройства является определение основных действующих политических сегментов общества и принципов, на которых будут основаны их отношения. Различные сегменты общества (национальные общины, регионы и т.д.) должны рассматриваться как равные партнеры в политическом процессе. Центральное правительство должно считаться руководящим органом, создающимся на договорной основе для регулирования различных вопросов, представляющих общий интерес. Пути и формы его создания могут быть различными, в зависимости от интересов и позиций сторон. Согласно моим представлениям о большой коалиции, каждый из участников должен иметь право вето на любое предложенное законодательство или любую политику. Это значит, что странам, в которых бушевали длительные и жестокие конфликты и существовала тоталитарная традиция, теперь придется выйти за рамки государственных моделей, сложившихся в период борьбы за независимость, и, строя правовое государство, больше мыслить в категориях консенсуса. Я считаю что максимальная стабильность может быть достигнута путем создания больших коалиций, которые могут базироваться

на соглашениях, например, по вопросу о предоставлении отдельным группам высших государственных постов – таких, как пост президента, премьер-министра и председателя законодательного собрания. В разных странах при этом используются разные формы: большой коалиционный кабинет парламентской демократии, большой коалиционный совет или комитет с важными совещательными функциями, большая коалиция президента и других высших государственных лиц президентской системы и т. д. Поскольку важнейшим вопросом является формирование центральных властей на основе паритета и встречных интересов конфликтующих сторон, я уверена, что Грузии придется менять свою форму государственного правления и переходить к парламентской республике. При этом полномочия парламента должны увеличиться, а независимость ветвей играть роль гаранта всех без исключения соглашений.

Принцип разграничения полномочий может быть введен не только на уровне высших государственных должностей, но и на всех уровнях государственной власти. В Швейцарии этот принцип применяется не только к Федеральному совету, состоящему из семи членов, но и ко всем важнейшим институтам. Даже швейцарская армия избирает своих семь трехзвездочных генералов на базе этого принципа. Швейцарская федеральная почтовая служба возглавляется тремя директорами, каждый из которых принадлежит к определенной языковой группе.

Относительно грузинской конституционной системы следует отметить, что принцип “большой коалиции” противоречит президентской форме правления, при которой власть сосредоточена в руках одного лица и не оставляет большого простора для сегментарного представительства. В этом отношении парламентская форма может быть эффективнее, позволяя различным сегментам общества выразить свои интересы. Можно также ввести в действие систему, в которой каждый сегмент имел бы гарантированную долю представительства за счет так называемых “зарезервированных мест”, т.е. мест, на которые разрешается выдвигать кандидатов на выборах только членам той или иной группы. Сегменты могут приобрести пропорциональную долю и при назначениях на государственную службу. Эти права вводятся в действие посредством пропорциональной двухпа-

латной системы и через представительство меньшинств во второй палате.

Понятие двухпалатной системы включено в Конституцию Грузии, но нормы, определяющие деятельность палат, еще не прописаны и не отрегулированы. Я лично не согласилась бы с американской моделью, где обе палаты парламента должны принимать решения по всем вопросам. Категории вопросов, требующих решения обеих палат центрального парламента, должны определяться особым законодательством. Возможно, будет полезно также ввести процедуры совместного принятия решений для федерального правительства и федерированных единиц.

Меньшинства должны пользоваться так называемым правом вето меньшинств, которое защищает национальные общины, позволяя им блокировать любые попытки ликвидации или снижения их автономии. Только такое право может придать каждому сегменту комплексные качества политической защищенности. Оно предоставляет всем субъектам федерации “способность самозащиты и ставит права и безопасность каждого из них в такие условия, в которых они единственно могут надежно существовать, т.е. под их собственную охрану. Без этого не может быть систематического, мирного или эффективного противодействия естественной тенденции каждого элемента вступать в конфликт с другими”.

Бельгийская конституционная реформа 1970 г., например, ввела в действие право вето меньшинств на любой законопроект, затрагивающий культурную автономию языковых групп. Каждый закон, за исключением бюджетных и особых законов, может стать предметом особой процедуры, именуемой “процедура сигнала тревоги”. Три четверти членов языковой группы в палате или в сенате могут принять резолюцию, предупреждающую, что законопроект или предложение угрожает нанести серьезный ущерб отношениям между общинами. В этом случае законодательная процедура приостанавливается. Кабинет Министров, в котором на равной основе представлены языковые группы, также осуществляет своего рода политический арбитраж.

Каждому сегменту общества предоставляется высокая степень автономии в управлении своими внутренними делами, особенно по вопросам образования, религии и культуры.

В демократиях, основанных на разграничении полномочий, культурная автономия религиозных и языковых групп приняла три основных формы:

- а) федеральное устройство, при котором языковые границы совпадают с границами субъектов федерации, обеспечивая тем самым высокую степень языковой автономии, как, например в Испании, Бельгии и Канаде;
- б) право религиозных или языковых меньшинств создавать свои автономные школы, полностью оплачиваемые из государственного бюджета, и руководить ими, как например, в Бельгии и Нидерландах;
- в) отдельное гражданское законодательство для каждого из сегментов по вопросам брака, развода, опекунов и усыновления детей.

Прямая демократия с помощью референдумов приобретает характер мажоритарной. Но можно утверждать, что возможность для меньшинства инициировать референдум – общенациональный или меньшего масштаба – содержит в себе нечто позитивное. Это, конечно не означает, что такие референдумы будут приводить к решению в пользу притязаний меньшинств. Право инициирования или участия в референдуме дает меньшинству возможность поднять свой голос, и существует больше шансов на то, что его проблема обретет гласность и будет услышана. Это также может считаться профилактической мерой, предупреждающей общественность и политический истеблишмент о возможных трудностях и потенциальных спорных вопросах, которые нужно решать.

Для создания такого государственного устройства в Грузии, все партнеры должны прийти к согласию по ряду фундаментальных принципов. Оно должно включать в себя следующие цели:

- обеспечение национальной безопасности совместного государства, что подразумевает необходимость единой армии, надежной охраны государственных границ и системы национальной безопасности, защищающей страну от угрозы войны;

- функционирование демократического управления на всех уровнях власти и во всех государственных институтах;
- создание единых гарантий защиты прав и свобод человека, которые не должны зависеть от доброй воли тех или иных региональных властей, но охранять которые обязано государство в целом; все граждане и все лица, проживающие в Грузии, должны пользоваться одинаковыми правами на участие в решении политических и экономических вопросов ;
- создание надежных механизмов экономического роста и процветания, слаженность в осуществлении экономических мероприятий, включая поддержку национальной валюты и адекватные действия банковской, финансовой и налоговой систем.

Внедрение консоционального и федеративного устройства возможно, если политические элиты обладают волей гарантировать соглашение и если население готово его поддержать. В качестве предпосылки успешного государственного строительства в указанном духе следует выполнить, по крайней мере, еще два условия.

1. Необходимо энергичное проведение экономической реформы, призванной обеспечить равное распределение экономических ресурсов между составными элементами государства. Для эффективной реализации прав и компетенций, предоставленных конституцией или законами, кооперативная форма федерализма нуждается в экономических средствах. Такая экономическая реформа должна строиться на признании полного права собственности и на принципе свободной конкуренции.
2. Региональное или федеративное устройство должно быть основано на культуре самоуправления. Местное самоуправление позволяет населению понять основные принципы разумного управления. Без активного участия граждан любой тип устройства или распределения компетенций представляет собой просто лист бумаги, не имеющий никакой силы в общественной жизни.

Вопрос. – Вы сказали, что те перемещенные лица, или беженцы, которые попали в Тбилиси, были носителями несколько иных ценностей и культурной ориентации. В качестве примера привели предпочтение говорить на русском языке. Только ли это? В чем еще проявляется?

Тинико Хидашели. – Нет, конечно, не только это, я просто как пример это привела. Мне очень трудно говорить, язык – это очень очевидный пример. Я, например, никогда не говорила, что в Грузии демократическое правление, президент или парламент, или другие институты демократические, но если сравнить их со второй ветвью правительства, которая из Абхазии – у нас есть изгнанное правительство Абхазии, то ценности абсолютно разные и нравственные интересы абсолютно разные. Это на политическом уровне. А на социальном и повседневном уровне мы сами, напр., начиная с очень юного поколения, 19-летние беженцы и 19-летние тбилисцы, если их сравнить друг с другом – они абсолютно разные, у них абсолютно разные интересы и видение будущего. Сейчас это еще гораздо тяжелее, чем 7 лет тому назад, потому что я ведь вчера говорила, что 19-20-летние тбилисцы не понимают проблему Абхазии, они это не чувствуют, это для них не болезненное место, а те же самые дети из семей беженцев – наоборот. И поэтому у них все время это противоречие между собой из-за самого главного, о чем одна часть очень болеет, а для другой части это не представляет никакой проблемы.

Что касается моделей, то тут очень важен принцип коалиции, гарантирующий квотированную систему для всех субъектов федерации или для всех сегментов соглашения. Одна из моделей такого консенсуса может быть такой, что, например, если Грузия – это парламентская республика, а в кабинете министров 4 силовых министерств то 2 из них формируются абхазскими политическими силами, а 2 – грузинскими, и т.п. Это все должно быть оговорено и очень четко определено, чтобы не было потом манипуляций и шансов для новых конфликтов и новых проблем. Но в той системе, которая сейчас у нас в Грузии, это почти не работает, потому что у нас вся исполнительная власть очень сконцентрирована на президенте, т.е. на одной фигуре, поэтому, я думаю, одна из первых задач – это ре-

формирование грузинского конституционного строя, чтобы вся власть была основана на большой коалиции, на принципе коалиции. Какая будет пропорция в этой коалиции, это уже дело переговоров и консенсуса.

Центральные законодательные власти я представляю как двухпалатный парламент, где первая палата, как обычно, политическая, вторая – более региональная, но обе имеют одинаковые компетенции, т.е. вторая палата не номинальная, просто дающая свое согласие на то или иное законодательство, но вторая палата – реальная палата парламента, т.е. палата, которая принимает все те решения, которые должны быть приняты парламентом. Все законы проходят через вторую палату, все решения проходят через вторую палату.

Вопрос. – Кто будет гарантировать права в законодательном органе?

Тинико Хидашели. – Если вторая палата будет сформирована только субъектами федерального государства и все законы нуждаются в решении второй палаты, это значит, что никакое решение не пройдет через парламент, если за него не голосовали эти субъекты. И еще, как я говорила, партнеры в этом соглашении должны иметь право вето на все законодательные вопросы, т.е. если во второй палате будут сидеть представители Кахети, Абхазии, Имерети и т.д., это не означает права вето у всех у них. Т.е. право вето должно быть только у субъектов этого соглашения, т.е. у Абхазии и Грузии.

Гия Анчабадзе. – В федеративном государстве грузинская община в Абхазии будет по-прежнему многочисленной. Не может ли это послужить стимулом для каких-то сил в Грузии опять решать возникающие проблемы силовыми методами?

Тинико Хидашели. – Да, конечно, это все может случиться. Вчера, например, Давид Бердзенишвили говорил об Испании. Было очень много комментариев, говорилось и о том, что в Испании очень большие противоречия пока еще существуют между испанцами и каталонцами. Но между двумя независимыми государствами тоже ведь могут быть противоречия. Мы ведь говорим о построении демократического государства на принципах правового государства, выборов и т.д. Это одно, и второе – экономическое развитие. Если будет

экономическое развитие, то будет очень много механизмов, противостоящих вот этим насильственным действиям. Я просто уверена, что экономическое развитие страны очень многому будет способствовать – по крайней мере, будет способствовать тому, чтобы этнонационалистические волны не начинались снова. А то, что Грузия не будет манипулировать грузинским большинством в Абхазии, этого гарантировать никто не может. Гарантом этого может быть только демократический и политический строй, т.е. демократические партии, которые, наверно, будут существовать в Абхазии и в Грузии, т.е. нормальные политические силы, которые будут осуществлять контроль завтра, а не парамилитаристские силы, как это было всегда. А политическим силам меньше выгодно манипулировать этническими моментами, чем например, экономическими или политическими вопросами.

Гия Анчабадзе. – Вот они этническими и будут манипулировать как раз потому, что это как-то политически и экономически выгодно.

Тинико Хидашели. – Это очень хорошо. Если это будет только политической и экономической борьбой за политико-экономические выгоды, то это уже будет такая равная борьба. В такой борьбе участвуют более равные субъекты. Все проходит через доверие, через то, насколько обе стороны хотят реально достичь результата, а если это так, то и манипулировать никто не начнет. А если мы все-таки будем жить с теми же принципами, с которыми живем сегодня... Это очень неприятно говорить, я сама грузинка, но я должна это сказать, я об этом говорю все время, что в Грузии эта ценность – манипуляции с национальными меньшинствами – очень высокого уровня.

Гия Анчабадзе. – В отношении менталитета то же самое можно сказать об абхазах. Если бы абхазов было большинство, а Грузия была бы сравнительно малым субъектом, произошло бы то же самое. Тут просто отношения между большим и маленьким, когда разница очень большая. Мы идем из тоталитарного государства, и все эти тенденции сидят в нашем обществе, и еще долго будут сидеть. Поэтому в основном надо думать о том, какие механизмы – правовые и другие – можно будет создать, чтобы эта тенденция не возобладала опять.

Абесалом Лепсая. – Если я вас правильно понял, то Абхазия и Грузия могут прийти к какому-то соглашению в рамках одного образования. Для этого нужно, чтобы в Грузии произошли конституционные реформы. У меня такой вопрос – в обозримом будущем, до всех ожидаемых преобразований – как все-таки будут урегулированы отношения между Абхазией и Грузией? Потому что, если ничего не изменится и Абхазия будет продолжать существовать так, как сейчас, то, конечно, доверие строиться не будет, будет только убывать.

Тинико Хидашели. – Формально это всего 2 месяца. Для внесения изменений в конституцию нам нужно всего 2 месяца, но реально это, конечно, очень долгий процесс, потому что я абсолютно уверена, что наши политические власти к нему не готовы. Но если все это будет лежать в корне переговоров, начать говорить об этом можно сегодня же, завтра же. Это будет проект договора между Абхазией и Грузией. Или это будет проект конституционных изменений в нашей конституции Грузии. Это не долгий процесс. Это не процесс, который должен начаться через 10 лет, или через 5, или через год. Это можно начать сегодня же. Потому что процессуально это очень просто, а реально как скоро это будет, зависит от того же самого – насколько та или иная сторона хочет урегулирования этого конфликта.

Если сегодня мы начнем говорить о статусе Абхазии и Грузии, о будущем их статусе, той или иной форме, то мы сможем начать сегодня же. А то, что мы можем начать раздельно – мы в Грузии, а вы в Абхазии – это очень много всего, но для меня важнее всего самоуправление, т.е. начать строить нормальное демократическое самоуправление на местах. Это будет самой большой гарантией того доверия, о котором говорил Г. Анчабадзе: если мы сумеем на каком-то уровне достигнуть демократии, хотя бы на первом, на самом деревенском уровне, это будет самая большая гарантия того, что люди могут верить в то, что написано в законах. А если этого не будет, то мы можем заключать тысячи соглашений, это уже было очень много раз, но они никогда не выполнялись. И будет то же самое, потому что простые люди, которые должны жить потом этим документом, не будут верить тому, что там написано, и всегда будут бояться тех ма-

нипуляций, о которых здесь была речь – вот сегодня мы так согласились, а завтра опять начнут манипулировать грузинским большинством, или осетинским меньшинством, и т.д. Поэтому главное – чтобы в политических кругах обеих сторон начался диалог, и второе, чтобы люди были к этому готовы, чтобы для них это не было чем-то опять навязанным сверху, написанным сверху, что они должны исполнять не по своей воле.

Миша Мирзиашвили – У меня два вопроса. Первый вопрос такой: считаете ли вы, что решение проблемы статуса будет решением конфликта? По-моему, это две разные вещи: можно выбрать статус, но не решить проблему конфликта. Конфликт, по-моему, состоит в том, что, с одной стороны, этнические абхазы не видят гарантий для своего существования в единой Грузии, а с другой стороны, конфликт в том, что население, которое покинуло эту территорию, находится в перемещенном состоянии. Так? Мой вопрос такой: может ли решение проблемы статуса решить проблему урегулирования этого конфликта? И второй вопрос: есть ли такая международная практика, когда гарантом исполнения двустороннего договора становятся международные организации? Вчера мы говорили о протекторате. Если расширить форму протектората – взять не одно, не два государства, а собрание государств?

Тинико Хидашели. – Я не могу сказать, что договоренность о статусе – это 100%-ная гарантия решения конфликта, но на уровне политиков, т.е. того, что наши государства могут сделать, это есть гарантия, потому что это то, о чем они должны договориться, это то, с чего начался конфликт. Я не говорю об эмоциональной почве, я говорю о политико-документальных фактах: там был, например, этот закон о выборах, по поводу которого были целые баталии, и т.д. Т.е., я, конечно, не верю, что статус может решить конфликт, но верю в то, что если начнутся переговоры, начнутся серьезные разговоры о статусе, это будет очень большим шагом к решению конфликта. Потому что этим и создаются гарантии, в которых нуждаются эти две нации. А что касается международных организаций-медиаторов в этом процессе – это уже техника, это могут быть международные организации, это могут быть какие-нибудь страны. Вчера здесь говорилось ...

Миша Мирзиашвили. – Я уточню: я имел в виду *эффективные* гарантии.

Тинико Хидашели. – Гарантом могут быть и международные организации, и разные страны. Например, Босния-Герцеговина – это международный конгломерат, там не только международная гарантия исполнения, но и исполняющие там – международные люди, т.е. во всех ветвях государственной власти, в конституционном суде, например, если семь судей, пять из них боснийцы, а двое – граждане Австрии и Германии, т.е. там они еще больше пошли на гарантов, они их посадили в самой власти. Я не знаю, может быть, это и хорошая модель и это будет работать, но это уже техника. Это то, о чем можно договориться на переговорах. То, что гарантии такие международные нужны, об этом спору быть не может.

Давид Бердзенишвили. – Я считаю, что парламентская форма правления – приемлемая форма для будущей Грузии. Мне кажется, что после выборов 9 апреля не очень мной любимый президент Грузии все же, раз это его последний срок, постарается как-то в рамках своей, надеюсь, последней пятилетки, если не решить, то приблизиться к решению многих проблем Грузии, в первую очередь, абхазской. И после этого он не имеет права избираться. И думаю, что, может быть, чисто политическая конъюнктура и его возраст помогут, принятию пакета решений, т.е. внесению изменений в конституцию Грузии. Я хочу уточнить для себя, правильно ли я понял, что по этой модели выходит так, что договорными сторонами в общей федерации являются Грузия и Абхазия, а сама Грузия является федеративной республикой, и субъектами этой грузинской республики являются Южная Осетия, Аджария и др.?

Тинико Хидашели. -Да. Т.е., можно сказать, что это союзное государство Грузии и Абхазии, где Грузия сама – федеральное государство со всеми этими субъектами.

Нам надо создавать демократические системы местного самоуправления. Для меня единственным принципом может быть выборность местного самоуправления, начиная с сакребуло (не знаю, как они в Абхазии называются), кончая мэрами, губернаторами. Т.е. все органы местного самоуправления должны быть выборными. Это

единственное в чем, я думаю, мы должны быть сходными – мы должны иметь один и тот же принцип. А как потом, какие будут полномочия, какова будет дистрибуция прав между самоуправлением и местным управлением и т.д. – это уже по оригинальным моделям может быть идти для Грузии, для Абхазии. Тут необязательно, чтоб мы были абсолютно сходны и одинаковы. А что касается того, кто должен принимать участие в переговорах с грузинской стороны, это должно быть решено на самом высшем уровне, т.е. инициатива должна быть президента, потому что по-другому это у нас просто не работает.

Миша Чачхунашвили – А другие субъекты на каком уровне должны участвовать в этом совместном договоре?

Тинико Хидашели. – Сегодня реально есть, например, та же Аджария, Южная Осетия, которые должны участвовать в этих переговорах. Что касается остальных субъектов федерации, то же самое – у нас есть губернаторы, правда, назначенные президентом Грузии, но это могут быть и представители сакребуло, которые избираются теми людьми, которые в тех местах живут. Я не знаю точно, по именам, кто должен участвовать. Но я уверена, что в этих переговорах для образования федеративного грузинского государства должно участвовать столько народа, сколько заинтересуется и сколько захочет участвовать в этих переговорах. Потому что это очень важный вопрос и до людей должно четко дойти, почему это делается и почему это важно, и что федеративные органы не будут дополнительной проблемой и дополнительным экономическим барьером для возрождения или развития того или иного края, потому что, я знаю, в Имерети одной из самых больших проблем, когда речь впервые зашла о федерализме, было то, что сейчас еще появится какая-та имеретинская власть, которая будет налаживать дополнительные налоги и которую надо еще кормить, и это будет еще одна проблема с экономической точки зрения. Но просто надо хорошо объяснить этим людям, что, наоборот, федерализм гораздо дешевле обходится государству, чем та система, которая сегодня у нас – раздвоение, растроение компетенций во всей стране...

Грузия – очень многоэтничная и многополюсная страна, где у нас есть регионы, где компактно проживают национальные меньшин-

ства – те самые армяне, азербайджанцы – и сами грузины, которые по той или иной причине являются какими-то оригинальными сегментами этого государства – то же самое Самегрело, Сванети.

Что касается районов, я думаю, это было типично советское явление, от которого чем скорее мы откажемся, тем лучше будет для нашего государства, потому что оно очень искусственное и не представляет никакой исторически-культурной ценности для нашей страны.

Георгий Хубуа

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Стабильная политическая система подразумевает максимальную нейтрализацию существующих в обществе напряженностей и противостаний, интеграцию конфликтов. Общество – тем более, современное, крайне дифференцированное общество – не может существовать без конфликтов. Конфликты в обществе существовали с незапамятных времен и, наверное, будут существовать на протяжении всего существования человечества. Вместе с тем, параллельно с техническим прогрессом, социальные конфликты приобретают все более сложный характер, что, соответственно, порождает дополнительные проблемы с точки зрения их превенции и устранения.

Плюралистическая организация общества, сама по себе, не является источником конфликтов. Кризисные и конфликтные ситуации характерны и для самого тоталитарного государства, где есть силы, требующие изменения существующего порядка либо (несмотря на большой риск) стоящие в оппозиции существующей власти.

В науке нет единообразного отношения к социальным конфликтам.¹ Здесь можно выделить следующие отличные друг от друга подходы:

¹ По данному вопросу более подробно см.: Dahrendorf, Die Funktion sozialer Konflikte; ders., Elemente einer Theorie des sozialen Konflikts, beide in: Dahrendorf, Gesellschaft und Freiheit. Zur soziologischen Analyse der Gegenwart, 1961.

1. Некоторые авторы рассматривают конфликт как движущую силу общества и средство прогресса, как позитивный социальный феномен. Устранение конфликтов и невозможно, и опасно. Конфликтам надо лишь придавать определенное направление, с тем, чтобы социальный прогресс был плодотворным.²
2. Конфликт имеет как позитивную, так и негативную стороны. Позитивная сторона конфликта определяется интеграцией социальных групп и отношений. Негативно должен быть оценен тот разрушительный заряд насилия, который более или менее имманентен для конфликтной ситуации и который может приостановить развитие общества в правильном направлении. Насилие представляет собой болезнь социального организма, требующую неотложного лечения, если мы не хотим разрушения всего социального порядка.³
3. Конфликт оценивается только негативно, как “дисфункциональное” или “патологическое” явление.⁴

Урегулирование социальных конфликтов не означает их окончательного преодоления. Это в какой-то мере утопическая задача. Поэтому различные модели урегулирования конфликтов пытаются в определенной мере смягчить дезинтеграционное действие конфликта и использовать его с целью социальной интеграции.

В федеративном государстве система регулирования конфликтов является особенно актуальной, поскольку: 1) федеральная модель, в большинстве случаев, введена для преодоления существующих в обществе противоречий и 2) федеративное государство уже само заключает в себе определенный потенциал конфликтов. Характерный для федерализма политический полицентризм означает одновременное сосуществование различных правительств и “государств”, когда конфликт иной раз предварительно запрограммирован.

² Dahrendorf, Konflikt und Freiheit. Auf dem Wege zur Dienstklassengesellschaft, 1972.

³ Coser, Theorie sozialer Konflikte, 1965.

⁴ Mayer, The Social Problems of an Industrial Civilisation, 1957. Цит. по по: Karl Weber, Federalismus als Instrument demokratischer Konfliktregelung, S. 52.

Возможности федерализма в процессе преодоления конфликтов оцениваются различным образом.⁵ Иногда федерализм признается наилучшим средством преодоления конфликтов, иногда же, напротив, исходя из положений современного менеджмента, возможности федеральной модели в процессе преодоления конфликтов отрицаются.⁶

Из юридических механизмов преодоления конфликтов в федеративном государстве надо особо выделить распределение компетенций между федеральной властью и субъектами федерации, а также те организационные принципы и процессуальные формы (в особенности, судебную форму), которые призваны управлять развитием возможных противостояний и противоречий методами правового контроля.⁷

Модель федерального управления, которая, благодаря ее динамическому характеру, имеет свойство оперативной адаптации к изменению ситуаций, предоставляет возможность своевременного выявления конфликта интересов, их “разработки” и, в случае необходимости, разрешения. В связи с этим, в федеративном государстве уже менее актуальным стал вопрос о начальной легитимации федерализма и на передний план выдвинулись функции федеральной модели в процессе удовлетворения современных общественных потребностей. Этим можно объяснить то обстоятельство, что с целью разрешения однородных экономических и политических проблем, сформированные на абсолютно разных основаниях американская и немецкая модели федерализма все более сближаются друг с другом по фактической структуре и функциям.⁸

Установление перманентного равновесия между несколькими носителями власти есть насущная задача федерализма. В этом его основное отличие от централизма, который пытается разрешить конфликт радикально, с позиций сильного центра. Централизм есть ин-

⁵ Sturm, R., Strategien intergovevernemenralen Handelns. Zu neueren des Fuderalismus in Deutschland und in den USA, Tьbingen, 1996, S. 5.

⁶ См.: Benz, A., Fuderalismus als dynamisches System, Opladen, 1985.

⁷ Elazar, D., in: Urbanisation in Federal Systems, Manuskript, Philadelphia, 1973, S. 21, Цит. по: Frenkel, M., Fuderalismus und Bndesstaat, I Band, Fuderalismus, 1984, S. 152.

⁸ Там же.

ституционализированное право сильного, когда именем всеобщих интересов и общей воли происходит подавление меньшинств, партикулярных интересов и существующих между ними противоречий. Но подобная стратегия преодоления конфликтов бессильна унифицировать социальные отношения. Причины, производящие конфликт, остаются. Соответственно, централизованная система не регулирует конфликты, а производит все новые и новые напряженности и противоречия, которые зачастую делают сомнительным функционирование существующих структур.

Федерализм означает равновесие между политическими силами. Но федерализм не означает состояние баланса между властями, который в политике всегда приводит нас к патовой ситуации. Такое “равновесие” ненадежно и с точки зрения урегулирования конфликтов, хотя оно и может произвести кратковременную нейтрализацию конфликта.⁹

Наоборот, федерализм способствует разрешению конфликтов, поскольку он 1) обеспечивает автономное существование различных социальных, этнических и других групп и 2) способствует лояльному сотрудничеству этих групп с вышестоящим федеральным объединением. Федерализм не стремится к подавлению существующих напряженностей. Федеральная модель пытается, чтобы эти напряженности, в конечном счете, сформировали конструктивный элемент единого целого.

В процессе урегулирования противоречий, возникающих в политической, экономической и культурной сферах общества, федерализм может нейтрализовать целый ряд противоположностей, которые, в случае запоздалой на них реакции, могут перерасти в опасные конфликты. Тут потенциальные возможности федерализма особенно велики.¹⁰

С точки зрения регулирования конфликтов, заслуживает особого внимания модель интегрального федерализма, которую впервые развил Александр Марк¹¹ и которая предусматривает целый комплекс мероприятий по разрешению экономических и общественно-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Alexandre Marc, *La Planification a la lumiere du federalisme, L'Europe en formation*, No. 37, April 1963, No. 38, Mai 1963, No. 39, Juni 1963, No. 42-43, September/Oktomber 1963, No. 44, November 1963, No. Dezember 1963.

политических конфликтов. Исходным пунктом интегрального федерализма является многоуровневый человек, рассматриваемый как член различных объединений, групп, институтов и союзов. Рассмотрение человека лишь в одной из его функций – только как гражданина государства или только как производителя – означает насилие над этим человеком.¹²

Федеральная идеология однозначно отрицает такой монизм. Она не признает ни примата идей и взглядов, ни преимущества материи и общественного бытия. Отношение человека к природе более чем противоречивое. Когда какой-либо полюс этого противоречия приобретает преимущество – когда, к примеру, человек довлеет над природой либо, напротив, природа довлеет над человеком, или когда индивидуалист ни во что не ставит общество либо коллектив полностью отнимает у индивида его идентичность, ответственность и человеческое достоинство – это означает не завершение конфликта, а, напротив, произрастание новых кризисов и неразрешенных проблем.

Федеральная модель лишь тогда может разрешить существующие проблемы, когда она понята как перманентно действующий и понятный населению принцип. Федерализм означает институционализацию противоречий в единый синтез, который не уничтожает эти противоречия, а, напротив, придает им форму постоянного диалога. Федерализм не представляет собой средство “очищения” политики от конфликтов, он не стремится к освобождению от проблем. Функцией федерализма является создание таких институциональных рамок, в пределах которых деятельное и интенсивное участие сторон может продлить существование демократии.

Эффективным средством преодоления конфликтов является устранение политической индифферентности населения и крайней ее формы – политической апатии. В этом плане, возможно избежать отчуждения граждан от власти, а также конфликтов, связанных с существующими противоречиями между политической элитой и остальной частью общества.

В процессе преодоления социальных конфликтов система федерального управления имеет и то преимущество, что федерализм предоставляет большую возможность осуществления индивидуальных

¹² Frenkel, M., *Federalismus und Bundesstaat*, S. 188.

интересов. Федеральная система, учрежденная на сравнительно малых территориальных единицах, делает отношения между государством и личностью более прозрачными, чем в централизованном государстве. В унитарном государстве, имеющем большие территории, всегда существует опасность латентных конфликтов в результате дихотомии «государство – личность». Это противоречие не снимается и в федеративном государстве, но здесь оно может быть более успешно разрешено.

Федеральная модель перераспределения компетенций исключает концентрацию полномочий в одном центре. Федерализм, посредством характерных для него центростремительных элементов, исключает и неэффективное расчленение компетенций. На основании принципа субсидиарности федеральная власть берет на себя исполнение только тех задач, которые обязательно требуют централизованного управления. В то же время, она оставляет субъектам федерации широкий ареал независимых действий. Такая модель распределения компетенций делает политику более динамичной, удовлетворяет отличные друг от друга интересы участвующих в политическом процессе субъектов, а значит, уменьшает вероятность произрастания конфликтных ситуаций.

По своей природе основанный на плюрализме, федеральный порядок уменьшает шанс насильственного подавления конфликтов. Путем координации между федерацией и ее членами, федеральная модель исключает господство унитарных тенденций и, в то же время, сохраняет единство государства. Федерализм максимально принимает во внимание исторические, культурные различия отдельных территориальных частей страны и, исходя из них, индивидуальные особенности. Федеральная модель является гарантией дальнейшей защиты и развития этих особенностей.

Учет и защита региональных интересов смягчают существующую напряженность и позитивно влияют на процесс урегулирования конфликтов. Осуществленный в федерализме синтез центростремительных и центробежных сил в значительной мере уменьшает и синдром отчуждения между территориальными единицами. Имеющим отличные друг от друга интересы субъектам предоставляется возможность независимого осуществления этих интересов. В усло-

виях федеральной системы управления противоречия между целым и его частями (будет то региональные или какие-нибудь иные группы) не снимаются, но теряет спонтанность, становятся более организованными и, соответственно, больше подчиняются политическому и правовому контролю. Преодолению отчуждения от центральной власти способствует отчетливое перераспределение компетенций, участие субъектов федерации в процессе формирования общенациональной политической воли. Более того, субъект федерации берет на себя ответственность за решение целого ряда общенациональных проблем. Смягчению конфликта интересов способствует то обстоятельство, что участвующие в конфликте стороны относятся к одной системе и в процессе регулирования конфликта тоже участвуют общие структуры – пресса и т.д.

Происхождение конфликта всегда связано с существованием отличного суждения либо интереса. Этот последний не может быть анонимным, он всегда подразумевает конкретного субъекта, какую-либо общественную группу. Конфликт интересов значительно более сложно преодолить именно в маленьких объединениях, поскольку здесь отличное мнение, спровоцировавшее конфликт, всегда остается изолированным.¹³ В этом случае, федеративное государство может исполнить функцию интеграции и преодоления конфликта.

Федерализм обеспечивает необходимую для демократии здоровую конкуренцию. Предоставленная субъекту федерации возможность свободной, независимой деятельности дает, в свою очередь, возможность группе, которая в более крупном объединении представляет меньшинство, быть большинством в определенной subsysteme. Здоровая конкуренция между политикой федеральной власти и субъектов федерации обогащает политическую дискуссию, способствует повышению активности федеральных политиков и политиков субъектов федерации, придает политике все большую динамичность.

Вместе с целым рядом преимуществ федеральной модели для разрешения конфликтов, необходимо учитывать и характерный для самой федеральной системы конфликтный потенциал. Характерное для федерализма “многообразие в единстве” включает в себя разряд-

¹³ Dahl, R./Tuftes, E. R., *Size and Democracy*, Stanford, 1975, S. 91.

ку напряженности; в то же время, желание сохранить многообразие в единстве подталкивает объединенные в федеральный союз стороны к сохранению существующей системы. Сама проблема в этом случае не снимается, она не может быть урегулирована ни насильственным разрешением существующих противоречий, ни пуском на самотек

Федеральную модель нельзя рассматривать как идеальное средство разрешения конфликтов. Федеральный порядок автоматически не разрешит проблемы. Тем более что, как показывает практика, федерализм может функционировать в таких различных системах, каковыми являются коммунистический СССР, демократическая Швейцария и военно-диктаторская Бразилия.

В то же время, было бы неправильным не принимать во внимание потенциальных возможностей федеральной модели в урегулировании конфликтов. Всегда следует задавать вопрос: был бы результат более тяжким, если бы не федеральное устройство государств? Трудно представить США централизованным, унитарным государством. Коммунистическая партия в бывшем СССР была бы более централизованной, а ее власть была бы более неограниченной, если бы не существовала, пусть призрачная, советская федерация. Если бы Швейцария осталась слабым конфедеративным союзом, она, наверное, уже давно бы исчезла с карты, а ее суверенные кантоны были бы захвачены Германией, Италией и Францией.

Возможности федеральной модели в процессе регулирования конфликтов объективно ограничены в зависимости от разновидности конфликта. Само существование различных центров власти, на национальном и региональном уровнях, уже означает наличие различных интересов. Противостоящие друг другу интересы, естественно, усложняют преодоление конфликта.

В системах федерального управления, как уже было отмечено, на разных уровнях государства может быть разным состав “большинства”. Группа, находящаяся в меньшинстве на федеральном уровне, может представлять собой большинство на уровне субъекта федерации. В этом случае решение большинства теряет свой вес и спровоцировать конфликт довольно легко. В происхождении такой конфликтной ситуации определенная “заслуга” принадлежит характерно-

му для федерализма политическому полицентризму. С другой стороны, федеральная модель во многом способствует и достижению консенсуса, поскольку различные властные центры, под воздействием политического прагматизма, инстинкта самосохранения и других факторов, вынуждены не разрывать существующих связей.

Специфичные для федерализма конфликты (“дополнительные конфликты”) зачастую проистекают из противостояния государственных служащих федерации и государственных служащих ее субъекта.¹⁴ Но такой конфликт имеет и свой позитивный аспект, в первую очередь, с точки зрения разделения, взаимного контроля и ограничения властей.

Ограниченность возможностей федеральной модели в регулировании конфликтов во многом обусловлена и плюралистическими структурами федерализма. Здесь действуют тенденции к политической фрустрации тех групп, которые стремятся внести переломные изменения в перераспределение сил и нарушить существующий баланс. Специфичная опасность федеральной модели состоит в возможной аккумуляции конфликтов, погашение которых если и возможно, то только насильственным путем. В определенной кризисной ситуации подобная аккумуляция может поставить под вопрос существование самой плюралистической системы либо вообще уничтожить ее.¹⁵ Именно здесь выявляет себя центральное и, по своей сути, неразрешимое противоречие между демократией и федерализмом.

Тезисы к урегулированию конфликта*

1. На основании федерального договора Абхазия входит в состав Грузии. Договор станет составной частью Конституции Грузии. Внесение изменений в эту часть Конституции Грузии будет проведено только после предварительных консультаций с абхазс-

* Заглавие доклада предлагается редакцией

¹⁴ Simeon, R., *Federal-Provincial Diplomacy*, S. 8. Цит. по: Frenkel, M., *Federalismus und Bundesstaat*, S. 188.

¹⁵ Scharpf, *Demokratie theorie zwischen Utopie und Anpassung*, 2. Auflage, Konstanz, 1972, S. 52.

кой стороной, и они вступят в силу после их одобрения Парламентом Абхазии.

2. Обе стороны признают, что федеральный союз есть средство объединения расчлененного, а не расчленения объединенного. Поскольку “при заключении брака о разводе не говорят”, Конституция Грузии не касается вопроса о выходе из федерального союза.
3. Абхазия имеет полномочия по установлению Конституции и, постольку, ее автономия не является производной от воли центрального государства. Власть Абхазии будет основываться на независимом источнике легитимации, а ее государственные структуры будут избираться населением Абхазии.
4. Абхазия является членом единого грузинского государства, а не его частью (как это бывает в случае автономий). Соответственно, правопорядок Абхазии есть не делегированный правопорядок, а “член-правопорядок” государства. Центр не “дает” Абхазии компетенций, поскольку тот, кто что-либо “дает”, может и “отобрать” данное.
5. Этнически абхазы рассматриваются не как меньшинство, а как одна из наций – формирователей грузинского государства.
6. Грузино-абхазские отношения будут основываться на принципе “нон-централизации”. Этот принцип исключает существование такой “супер-инстанции”, которая, может по собственному желанию, рецентрализовать государственные полномочия. Грузинская сторона признает естественные права Абхазии по определенным видам компетенций. Отношения между Тбилиси и Сухуми не исключают наличия иерархии, но для этих отношений будет чужда модель “Центр-периферия”.
7. Грузинская сторона учитывает чувство региональной идентичности абхазов, которое основывается на сознании отличительности по отношению к остальной части населения. Грузинское государство будет гарантом защиты культурной самобытности, языка, истории, национальной идентичности абхазов. Грузия

признает и будет защищать федеральный принцип “Единство в многообразии” и будет способствовать культурному развитию абхазов. Со своей стороны, власть Абхазии обязана защищать конституционные права жителей Абхазии, независимо от их этнической принадлежности, социального положения и вероисповедания.

8. Грузинская сторона с пониманием относится к опасениям абхазского этноса, которые проистекают из его демографических проблем. С учетом демографической ситуации абхазов возможно допущение т.н. системы позитивной дискриминации, которая предусматривает проведение политики особенного содействия в отношении этнических абхазов. Вместе с тем, эта система должна исключать нарушения законных прав большинства населения, и “хорошая цшчэь меньшинства” не должна означать “плохой цшчэи большинства”. КъЭта ъьясистема также не должна поощрять изоляционализм абхазов, не должна препятствовать свободному перемещению рабочей силы (как необходимому условию развития рыночной экономики) и т.д.
9. С объединением в федеральный союз Абхазия согласна передать Центру целый ряд компетенций, т.е., соответственно, уступить часть компетенций. Но то, что Абхазия “потеряет” с точки зрения объема компетенций, то она и выиграет в пространстве. В частности, Абхазия примет участие в осуществлении государственной власти в масштабе всей страны. Абхазия не только получает широкую автономию, но вместе с тем берет на себя ответственность за управление общегрузинским государством путем участия во Второй Палате Парламента Грузии, в исполнительной власти, в судебной власти и конституционном правосудии Грузии. Формы этого участия определяются в процессе переговоров между сторонами.
10. С объединением в федеральный союз Абхазии предоставляются перспективы выхода на более широкий рынок, перераспределения финансовых ресурсов центральной власти, участия в международных отношениях и проч.

11. Абхазия участвует в процессе формирования единой государственной воли посредством Второй Палаты Парламента Грузии. Вопрос представительства Абхазии в этой Палате определяется в процессе переговоров между сторонами. Избрание представителей Абхазии во Вторую Палату Парламента Грузии будет осуществлено либо непосредственно населением Абхазии, либо Парламентом Абхазии, либо во Второй Палате будут представлены члены правительства (исполнительной власти) Абхазии.
12. Грузинская сторона допускает существование ступенчатой системы идентификации, когда индивид может считать себя сперва гражданином субъекта федерации и, лишь после этого, гражданином федерации. Абхазская сторона, в свою очередь, будет способствовать формированию среди населения лояльного отношения к центральной власти.
13. Конституция Абхазии должна соответствовать закрепленным Конституцией Грузии идеям демократии, социального и правового государства, республиканизма.
14. Изменение территориальных границ Абхазии требует согласия Парламента Грузии и Парламента Абхазии.
15. Компетенции будут перераспределены не между политическими институтами (как это имеет место в англо-американских системах), а между государственными уровнями Грузии и Абхазии (модель европейских конституций). Власть Грузии не создает исполнительных органов, которые возьмут на себя функцию применения федерального права в Абхазии. Применение федерального права осуществляют государственные структуры Абхазии.
16. По Конституции Грузии определяется следующая система перераспределения компетенций: а) компетенции федеральной власти; б) компетенции Абхазии; в) конкурирующие компетенции; г) совместные компетенции. Компетенции, которые по Конституции не относятся к ведению Грузии, остаются в ведении Абхазии.
17. Абхазия будет иметь свое представительство в столице Грузии – Тбилиси, которое будет способствовать установлению как фор-

мальных, так и неформальных связей между федеральной властью и субъектом федерации в сфере политики, управления, экономики и культуры. Это представительство, по сути, будет абхазским лобби в столице Грузии. Члены представительства имеют право принимать участие в деятельности рабочих органов Второй Палаты Парламента Грузии.

Манана Гургулия. – Представьте себе, что в Грузии не было этнорегиональных, этнополитических конфликтов. Уделялось бы в этом случае столько внимания проблемам государственного строительства и государственного устройства, как это делается сейчас?

Георгий Хубуа. – Это совсем нормально, т.е. федерализм, форма федерализма в каждом государстве была одним из способов разрешения проблем. Федерализм – очень динамичная категория, и вот этот каталог полномочий, он тоже не универсален. Он зависит от того, насколько сильны центробежные тенденции – и наоборот, насколько сильны центрифугальные или центростремительные силы, т.е. федерализм зависит как раз от баланса. Если нет стремления к автономии, то его нельзя дать сверху. Если, напр., в той же самой Самегрело или Имеретии нет желания автономии, то зачем нам федерализм? Но в отношении Аджарии, Абхазии вот это наблюдается. Кстати, федерализм нельзя считать решением этнических проблем. Этнический федерализм, он как раз очень хрупкая вещь.

Гия Анчабадзе. – Если, допустим, Аджария и Южная Осетия станут субъектами федерации, не вызовет ли это всплеска автономистских настроений, скажем, в тех регионах, где компактно проживает негрузинское население – например, в Джавахети? И надо будет идти навстречу этим пожеланиям – или как-то перегородить.

Георгий Хубуа. – Во-первых, я бы не сравнивал. Проблема Абхазии – это совсем другое. Что касается перспективы, то когда границы гипотетического субъекта федерации и границы проживания различных этнических меньшинств совпадут, это, я считаю, содержит больше дезинтеграционного, чем интеграционного.

Оптимальное пространство управления есть сбаласированность экономических, социальных, экономических и демографических ре-

сурсов, с помощью которых субъект федерации мог бы распоряжаться теми полномочиями, которые ему принадлежат. Если мы дадим субъекту массу полномочий, но он из-за ограниченных ресурсов не в силах их использовать, это приведет к реализации центростремительных тенденций. Если он не сможет реализовать эти полномочия, то они автоматически перейдут к центру. В этом смысле у Мегрелии есть комплекс неполноценности – там сейчас тихо, а Имеретия поднимает голос, что для меня непонятно. О регионализации Имеретии говорит так называемый губернатор Имеретии, то есть человек, назначенный центром, который должен защищать интересы центра. А губернатор говорит, что мы должны больше поддерживать регионализм и т. д. Это типичный региональный эгоизм.

Станислав Лакоба. – А какая армия будет, и по какому принципу? Это очень важно.

Георгий Хубуа. – Принцип может быть региональным. Тинико тоже говорила, что Абхазия могла бы сама назначать офицеров или строить всю армию на региональной основе, но я не понимаю, зачем вам платить деньги за армию. Не понимаю, зачем маленькая нация должна думать о развитии своих и так ограниченных ресурсов, зачем пять тысяч человек под ружьем, не лучше ли держать перо, может быть, появится новый Гулия?

Нателла Акаба. – Вы сказали, что Абхазия должна будет в чем-то уступить. Но мне кажется, что это будет существенная уступка, потому что ей придется уступить в вопросе возвращения беженцев и в вопросе совместного проживания. Таким образом, за совместное проживание с грузинами в одном государстве ей придется заплатить, а в чем будет уступка со стороны Грузии?

Георгий Хубуа. – Конечно, уступки должны быть взаимными, и не знаю, чего потребует абхазская сторона. Взаимные требования не должны иметь эфемерный характер. Нужно конкретизировать требования. Есть классический каталог компетенций, которые остаются за федеральной властью, и каталог компетенций, которые остаются за субъектом федерации. Это зависит от того, насколько сильно стремление от центра и насколько силен федеральный центр. Что касается компенсации, с объединением в федеральный союз Абхазия сможет выйти на более широкий рынок, она также сможет участвовать в перераспределении финансовых ресурсов.

Нодар Сарджвеладзе. – Мой вопрос – о политических традициях федерализма. Существуют ли какие то политические опоры, которые бы перевели Грузию на рельсы федерализма?

Георгий Хубуа. – Насколько я знаю Христианско-демократический союз, он как раз объявил своей программной целью федерализм. Республиканцы солидарны с некоторыми принципами федерализма. . .

Я не думаю что я представил здесь фантастические планы. Если мы считаем, что это фантазия и просто не хотим так говорить, тогда скажем честно, что это будет неопределенная ситуация, когда Абхазия будет ждать, когда придет грузин с калашниковым. Я думаю что такая ситуация не может продолжаться бесконечно – она не выгодна ни для Абхазии, ни для Грузии. Думаю, что мотивов чтобы найти общий язык, более чем предостаточно и для грузин, и для абхазов. Я не думаю, что правящая сейчас в Абхазии элита представляет объективные интересы абхазской нации. В этом отношении, по-моему, федерализм мог бы дать какие-то возможные оптимальные рецепты – как абхамам и грузинам найти форму сосуществования.

Батал Кобахия. – Думали ли вы о возвращении на родину махаджиров?

Тинико Хидашели. – Очень маленький ответ по поводу репатриантов. Грузия сегодня готова принять только 200 000 турок-месхетинцев, которые тоже мусульмане, репатрианты и тоже «негрузинской ориентации». Так что это дело переговоров и дело соглашения. Я абсолютно уверена, что пятьсот тысяч репатриантов в Абхазию не приедут, но если вы так фантазируете – это их право. Мы даем право на возвращение 200 000 турок-месхетинцев, так дадим права и 500 000 абхазским репатриантов, но на каких правах и как они приедут – это дело переговоров.

Батал Кобахия. – Честно говоря, я не готов был обсуждать проблему федерализма. Для этого нужна особая подготовка. Случайно в Дагестане я прочел статью Вячеслава Чирикбы в сборнике, который издал Бруно Коппитерс. И у меня давление поднялось, впервые в жизни. Я очень расстроился, тем более, что очень хорошо его знаю. Тут возникал вопрос о готовности к сотрудничеству... Если люди не готовы к сотрудничеству, то обсуждение вопроса неуместно.

На самом деле складывается впечатление, что мы не готовы. С другой стороны, абхазские ученые пишут о возможности федератив-

ных отношений. Я должен желать жить с вами в едином пространстве? Сегодняшний уровень политических переговоров характеризуется тем, что наши власти, в общем-то, готовы к сотрудничеству, к выяснению горизонтальных и вертикальных связей... Обсуждается конфедерация, федерация. Другое дело, что мы всё это неправильно понимаем. Мы плохо себе представляем, что такое федерализм. Общество не готово. На самом деле общественное мнение более радикально. А власти, возможно, готовы к таким союзам. Если бы мы сказали «Да!», то конфликт был бы в другой стадии. У нас нет желания быть в едином пространстве не потому, что нам не нравятся грузины, а по причине угрозы нашей безопасности. Психологически, эмоционально мне интересно с вами общаться. Должен признаться, что на многосторонних встречах и конференциях я больше всех общаюсь с Паатой Закареишвили. Но один вопрос – мое личное отношение, а другой – наша безопасность. Я понимаю, что в какой-то степени я просто не готов идти дальше. Можно идти по такому пути – если не готовы, то ничего не обсуждаем. А если все-таки обсуждаем, то возьмем себя в руки и не будем нервничать. Масса проблем существует: вопрос языка, проблема того, как мы будем жить, проблема того, что абхазов все-таки меньше. Я понимаю беспокойство Давида по поводу того, что нас мало, но как сделать так, чтоб нас было не мало? Как сделать так, чтобы демографическая ситуация постоянно не служила угрозой возобновления других войн? Если эти вопросы не будут решены, то желания сотрудничества у народа не будет. И мы должны это констатировать.

Таким образом, я хочу сказать, что мы готовы обсуждать проблемы федерализма, но это не значит, что мы к нему готовы.

Давид Силагадзе. – Меня оба доклада в этом смысле устраивают, потому что они предлагают федеральное устройство. Из всех форм государственного устройства федеральный принцип, по моему мнению, более подходит. Ну, конфедерация – она менее устойчива, содержит в себе больше опасности распада и новых противостояний. Поэтому федеральный принцип более подходящий. Тут обязательно надо понять наших абхазских друзей – они боятся, будут ли гарантированы их права, не возникнет ли опасность исчезновения абхазского этноса. Мы должны предлагать гарантии. Предложения об этих гарантиях

содержались в докладах, но я думаю, что здесь больше консенсуса, больше прав субъекта отстаивать свои права, в том числе право вето, но это должно быть в разумных формах, чтобы право вето потом не стало причиной распада. Здесь прозвучало: «Пока мы договоримся, пока мы подготовимся, созреем к федеральному устройству...» Значит, мы должны это откладывать на какой-то неопределенный период, который будет длиться 50-100 лет? Этого допустить нельзя, потому что мы имеем дело не с мертвой материей, мы имеем дело с живыми людьми, у которых есть воспоминания, ностальгия, характеры, и если подсчитать, после 93-го года, за семь лет, немало крови пролилась, немало материальных ценностей было уничтожено. Нас немного, мы не имеем права транжирить наши человеческие ресурсы. Это надо сделать незамедлительно, не откладывая. Здесь нет таких дилемм, которые нельзя было бы решить. Здесь говорили: «А что думают другие грузины, другие абхазы?» Мы как раз призваны к тому, чтобы помочь остальным нашим согражданам выработать общее мнение. Что касается административного устройства Грузии: нужны ли там края, области, дополнительные или исторические – это вопрос спорный, но поскольку меня поджигает регламент, об этом я не буду говорить. То что мы приходим к выводу, что Абхазия должна быть субъектом федерации, равноправным и договорным, это не мое субъективное желание, а историческая необходимость. Единое абхазо-грузинское государство в 21-ом году было образованно именно по такому принципу, и мы от этого принципа не должны отходить ни в коем случае. Приравнивать Абхазию к Раче или к Имеретии я считаю неправильным. Здесь возник вопрос о том, как будет называться общее государство. Об этом стоит подумать, чтобы название не стало причиной споров. Нам обязательно надо освободиться от эйфории победителя и от желчи потерпевшего поражение. Мы должны подходить к решению вопроса с точки зрения целесообразности и перспективы. Не будем взвешивать, сколько килограммов уступок сделает грузинская сторона и сколько должны уступить абхазы. Мы должны думать только об одном: чтобы будущее поколение опять не стало перед такой дилеммой и опять не пролилась кровь, и потому не будем взвешивать, сколько мы будем уступать друг другу – будем уступать столько, сколько нужно для совместной жизни, потому что врозь нам жить не дано.

К вопросу мохаджирства. Уважаемый Батал ... Лично я и движение, которое я представляю – за то, чтобы вернулись абхазы, которых в свое время выселили царская Россия и турецкая империя. Этот вопрос стоял еще в 20-х годах, и Нестор Аполлонович Лакоба переживал: «Мы хотим их вернуть, а они почему-то не возвращаются». Я думаю что в течение полутора веков, которое они провели за пределами своей родины, они привились там, но кто захочет, пусть возвращается, никто не смеет [их остановить].

Паата Закареишвили. – Здесь идет речь не о том, каким должен быть федерализм, а о том, видим ли мы тяжесть проблем, которые стоят перед нашими народами, перед какой дилеммой стоят они после 1993-го года. Можно вспомнить, какие хорошие были перспективы и желания до этого, удачные встречи, договоры, но к сожалению, 92-93 гг. свели на нет все достижения совместного проживания этих двух народов. Если ты падаешь со скалы, то все равно, как высоко удалось тебе подняться, нужно начинать с подножия. Мы должны начать с нуля, с той ситуации, которая у нас на дворе: с норм международного права, которые диктуют нам свои условия, к которым мы сами стремимся. Очень часто обе стороны ссылаются на эти нормы, хотят, чтобы эти нормы укрепляли их позиции. Никто не скрывает, что та ситуация, в которой мы находимся, нас устраивает и мы хотим добиться своего, апеллируя к мнению международного сообщества. На наших встречах мы хотим показать вам тот уровень развития грузинского общества, которого достигла на сегодня Грузия. Людей, которые думают так же, как мы, много. Мы, к сожалению, пока в меньшинстве, но нас много среди мыслящих людей, которые имеют претензию думать больше, чем требуется только для пропитания семьи. Я думаю, что мы искренне переживаем за свое государство. Я говорю от имени этого слоя населения, который берет ответственность за свое государство и хочет жить более достойно, чем сейчас. Мы стараемся подбирать для наших встреч не столько правильно думающих людей, сколько тех, которые имеют влияние на общество. Мы хотим показать вам, что процессы идут, может быть, в ошибочную сторону, но как бы там ни было, у нас есть желание выйти из кризисной ситуации. Хотим предложить что-то более или менее приемлемое. Мы общаемся с теми абхазами, которые играют такую же роль в своем обществе, которые имеют свой ста-

тус, свой уровень влияния на общественное мнение в Абхазии. Я считаю, что среди вас и ваших друзей есть люди, которые не сегодня-завтра попадут в структуры власти Абхазии и будут принимать решения о том, какой должна быть Абхазия. Эти наши усилия рассчитаны на несколько лет, на 2-3 года (надеюсь, не больше), чтобы, когда наше поколение (а с ним – и новое мышление) придет к власти, у нас были наработаны механизмы взаимоотношений. И Давид Бердзенишвили, и Тинико Хидашели, и Гия Хубуа предложили (независимо друг от друга) открытую возможность обсуждения. Мы открыты обсуждать любую тему, если есть желание создавать что-то общее. То есть у нас нет альтернативы, другого выхода – нужно строить новое государство на руинах 93-го года. За нами, к сожалению, 93-й год, огромное количество жертв, которые понесли обе стороны, особенно абхазская сторона, потому что это малочисленный народ по сравнению с грузинами. Нет в Абхазии семьи, где не было бы жертв. Среди нас всегда присутствуют люди с грузинской стороны, которые тоже имеют личную боль, как г-н Давид Силагадзе. Я уважаю людей, подобных г-ну Давиду, которые, несмотря на такую потерю, все-таки смотрят вперед. К сожалению, в Грузии есть много людей, которые после таких потерь думают только о мести, но мы, которые здесь собрались, стараемся быть выше этого. Мы должны предугадать перспективу – к чему мы можем прийти завтра? Если мы сегодня не к чему не придем, то наши дети более спокойно, более профессионально, более мудро будут решать (потому что на них не будет висеть тяжесть войны, которая давит на нас) все вопросы – и махаджирства, и беженцев, и перемещенных лиц – разрешимые в демократическом государстве. Мы хотим показать, что Грузия хочет стать демократическим государством – и с вашей помощью тоже, если от вас будет поддержка. Это наше основное стремление, и мы хотим, чтобы наши отношения развивались в эту сторону.

Нателла Акаба. – Мне кажется, абхазы давно уже честно ответили, и как бы кому-то ни было неприятно это слышать, но, в подавляющем большинстве своем, абхазское общество (не только этнические абхазы) не хочет жить с грузинами. Мне кажется, это совершенно ясно, об этом все время говорится. Но речь идет о другом. Почему мы, тем не менее, анализируем федерализм? Обсуждение федератив-

ной модели совершенно не должно означать, что мы готовы принять федеративную модель. Мне кажется, что это обсуждение должно нам помочь найти выход из этого тупика, и, может быть, в ходе этих дискуссий и в ходе изучения накопленного в мире опыта мы сможем все-таки что-то обрести. На имеющемся фундаменте мы ничего не сможем построить. Мы должны совершить какой-то прорыв, не знаю, окажется ли это нам под силу. Я это говорю потому, что мне самой было сложно согласиться на участие в этом проекте. Может быть, кто-то видел, вышла такая книга под редакцией Бруно Коппитерса, Давида Дарчиашвили и моей. Это результат совместного труда как грузинских и абхазских, так и зарубежных экспертов. Мне пришлось, в рамках этого проекта, познакомиться со швейцарским федерализмом. Я написала статью, но психологически мне было трудно писать об этом, потому что я думала, что кое-кто в Абхазии может воспринять эту статью как мое согласие на решение проблемы в рамках федерализма. Но я все-таки написала эту статью, и, кажется, меня правильно поняли. Обсуждать можно все, но это совершенно не означает, что мы можем согласиться на федерализм. Когда говорят о таком решении, то должны прежде всего подумать: а почему абхазам нужно на это пойти? Как бы ни говорили, что не надо торговаться, все равно в политике происходят сделки. И давайте попытаемся понять, что Грузия может сегодня предложить Абхазии? Большой уровень безопасности? Я в это не верю, тем более, что в рамках федеративного государства любое проявление самостоятельности может трактоваться как мятеж, и опять грузинские войска введут в Абхазию. Поэтому, когда Георгий говорит, что нет ни одной проблемы, которая не может быть решена в рамках федерализма, то это очень абстрактно, а вот если иметь в виду, что мы говорим именно о грузинском федерализме, то тогда это большой вопрос. Мне кажется, в силу своего менталитета, мы пока еще не доросли до федерации. Я думаю, мы пока еще не европейцы. Федерализм предполагает очень высокую степень демократии и толерантности, которой нет ни в одном из наших обществ. Поэтому все это нужно, полезно и немного утопично. Таково мое мнение. Вы ошибаетесь, когда думаете, что абхазам будет очень приятно участвовать в управлении Грузией. Я вас уверяю, абхазы сегодня этого не хотят и наоборот, боятся. Мы

привыкли к тому, что в Тбилиси всегда ковались абхазские кадры – проверенные. Они находились там годами и потом уже не представляли интересов Абхазии. Я считаю, что этим как раз не нужно нас привлекать, потому что это, наоборот, вызывает самую негативную реакцию. Я прошу прощения, если выступила слишком резко.

Арда Инал-Ипа. – О том, что нужно честно ответить на вопрос, хотим ли мы жить в общем государстве. Что касается нашей аудиторрии, то мы хотим честно говорить об этой проблеме и обсуждать ее. Но я считаю, что вопрос должен быть поставлен более масштабно – хотят ли народы жить вместе?

Если мы хотим получить честный ответ, то нужно честно задавать вопрос. Это все равно, что в помещении поставить гвардейцев у выходов – в одном друзья Грузии, в другом СНГ, Россия, войска – и спросить: хотите ли вы выйти или остаться? Мне кажется, честного ответа в такой ситуации, когда имеет место принуждение, не может быть. Конечно, это риск – задать честно вопрос. Но, мне кажется, без риска трудно будет добиться прорыва, о котором говорила Нателла Акаба. Теперь, что касается модели и формул федерализма. У меня конкретный вопрос и, может быть, опасение: Тинико Хидашели говорила о квотном представительстве во властных структурах. Означает ли это два абхаза по национальности или два представителя Абхазии, имея в виду, что большинство будет грузинским? Если это только от Абхазии, когда эти двое могут быть грузинами, понятно, что абхазы будут беспокоиться, если же будут абхазы по национальности, то это будет беспокоить грузинское большинство. Мне кажется, в этом заложен большой конфликт. И еще важная вещь, о которой хотелось сказать. Мы критически обсуждаем эти модели, но я бы не хотела, чтобы мы упустили возможность выразить вам благодарность и оценку того, что вы делаете. Мы очень хорошо понимаем, как это трудно и сколько вам приходится слышать обвинений или, в лучшем случае, жесткой критики. Когда я слышала об этих моделях, у меня было очень большое сожаление: если бы в 92-м году был такой диалог, мне кажется, что войны бы не было. Но и сейчас ваши достижения в этой области очень нам нужны, потому что это реальные примеры серьезных сдвигов в грузинском обществе. Не хотелось бы, чтоб в нашей полемике терялось наше уважение к вашей работе.

Нодар Сарджвеладзе. – Когда выступал Георгий, я задал вопрос – есть ли политическая опора, чтобы все это – федералистские идеи – претворить в жизнь. Мы разбираем этот вопрос в связи с грузино-абхазским конфликтом с нашими абхазскими коллегами. Мне кажется, что само по себе федеративное устройство грузинского государства привязано к вопросу грузино-абхазских отношений, но оно имеет самостоятельное значение, ценность. Поэтому, наверное, нам, грузинам, предстоит большая работа, чтобы внутри нашего общества рассматривать эти модели, вести дискуссию внутри общества, потому что грузинское общество пока не совсем восприимчиво к идеям федерализма.

Манана Гургулия. – Я тоже обратила внимание на принцип квотирования. Мне кажется, он содержит определенную опасность, и у нас есть исторический опыт, когда этот принцип использовался при формировании абхазского парламента, вызвав бурную реакцию именно в грузинском обществе. У меня нет уверенности, что в случае использования этого принципа люди не будут голосовать по этническому признаку. Одна из тем, которые мы должны были обсуждать – это гражданское общество. Но мы ее как-то быстро проскочили и стали говорить о моделях государственно-правовых отношений между Грузией и Абхазией. Но мне кажется, что пока не будет сформировано – не на словах, не декларативно, а на деле – реальное гражданское общество, где интересы человека будут выше групповых интересов, у нас мало что получится. При принципе квотирования грузины будут голосовать за грузин, абхазы за абхазов. Багоно Нодари Сарджвеладзе был прав, когда сказал, что необходима очень серьезная работа внутри наших обществ. На вопрос: «Хотите ли вы жить вместе с грузинами?» вы услышите эмоциональный ответ: «Нет, не хотим. Нас разделила война, и мы не хотим больше крови». Потом, вы все время говорите, что абхазы боятся. Да не боятся они на эмоциональном уровне. Они часто повторяют, что одну войну выиграли и, в случае необходимости, готовы выиграть другую войну за независимость своего народа. Дело тут не в физическом страхе. Проблема – в обеспечении безопасности абхазского народа. Поэтому, мне кажется, необходима работа внутри обществ, формирование самих обществ, которые захотят и смогут договориться. И здесь я согласна с Паатой Закареишвили. Наверно, придут следующие поколения, на

которых не будет так давить груз прошлого. Я не хочу решать за будущие поколения, как им жить – в федеративном или конфедеративном союзе. Но хочу, чтобы я и мои друзья делали что-то, чтобы был, пусть этот худой, но мир, и чтобы идущие за нами могли говорить друг с другом без калашникова.

Паата Закареишвили. – Мне пришлось беседовать с депутатами парламента Северной Ирландии, с представителями двух крайних направлений, которые оппонировали друг другу. Я им задал наивный вопрос: если вас что-то не устраивает, почему вы его выполняете, вы же находитесь в оппозиции. Они мне ответили гениальной фразой: у нас так написано в конституции. Это превосходно. В этом вся философия правового мышления. Они сказали, что если нарушат они, то этим дадут возможность оппонентам тоже нарушить соглашение. Для них то, что написано – это закон, а у нас нет такой культуры, для нас написанный закон – это не закон, мы в любом случае подписываем документы, чтобы тянуть время, что-то выиграть. Мы хотим создать в Грузии такое общество, где написанный закон – это закон и имеет влияние. Соответственно, когда мы предлагаем что-то, мы хотим сказать, что то, что нами согласовано и записано, будет защищено всеми гарантиями. Основой наших отношений должно быть то, что мы, с вашей помощью, должны переоценить наши укоренившиеся ценности и существенно измениться. И вы тоже должны проделать такой же путь, с нашей помощью. Мы все, и абхазы, и грузины, должны быть уверены, что возвращение или примирение произойдет с уже существенно другим абхазским обществом и существенно другим грузинским обществом. Пока мы сами не изменимся и не начнем смотреть на нас – на нас образца 1992 года – как на чужих, то не достигнем той зрелости гражданского самосознания, на которой только и можно будет построить будущие достойные отношения.

Батал Кобахия. – Когда вы говорите, что можете предоставить безопасность, а мы не верим, то мы не исходим из наших эмоций, мы исходим из исторического опыта. Никогда – даже в 21-м или 31-м годах, когда нас лишали нашего политического статуса – грузины не говорили: мы делаем это, чтобы вас наказать. Всегда имелось в виду: «мы это делаем для вашего блага», но ситуация складывалась таким образом, что благом это для нас никогда не оборачивалось – не только эти 70 лет, но и

другие периоды соединения не были благополучными для нас. Я считаю, – не абхазы, а я, – что если даже Паата Закареишвили, Давид Бердзенишвили и все миротворцы, которые здесь присутствуют, станут во главе грузинского правительства, я даже в этом случае не хочу быть с вами в одном государстве. Сколько вы сможете прожить? Ну, лет сто двадцать, как мой дед. Не более. А дальше опять будут проблемы. Ситуация не должна зависеть от хороших или плохих людей. Ситуация должна быть такой, чтобы правильные законы нельзя было нарушить. Вот этого вы пока не можете предложить и гарантировать.

Манана Гургулия. – Требуя от грузинской стороны аргументации, мы должны привести и свои аргументы по поводу того, что Абхазия как независимое государство тоже может быть гарантом стабильности на Кавказе, обеспечивать безопасность, устанавливать добрососедские экономические отношения. Концептуальная разработка того, что есть независимое абхазское государство, должна быть осуществлена с нашей стороны.

Каха Беродзе. – Я хочу предложить как-то по иному взглянуть на все это, немножко в общем плане. Ситуация у нас такова, что речь уже не идет о желаниях, о симпатиях и антипатиях. По-моему, нужно исходить из необходимости, из оптимального, рационального подхода. Если кто-то сейчас думает, что война решила проблему, я не могу с этим согласиться. У нас на протяжении 200 или 300 лет, с какой-то точки времени, отношения шли не по естественному пути. Это привело к нескольким фазам трансформации этого конфликта. Этот конфликт длится достаточно давно, и из-за того, что никто не смог направить разговор в правильное русло, все это накрутилось, потом еще из-за ошибок коммунистического периода все это так накрутилось, что возникла патологическая неприязнь друг к другу и мы даже осмеливаемся говорить о какой-то генетической несовместимости этих двух наций. Это моя интерпретация, ведь патологическое нежелание: с кем угодно, как угодно, лишь бы не с грузинами!.. Просто надо взглянуть на историю до того, как мы оказались в среде влияния России. Если эта ненависть грузин и абхазов друг к другу естественна, то как же мы прожили все эти тысячи лет?

Нателла Акаба. – Вы же сами сказали, объяснили, что это наслаивалось, как снежный ком.

Каха Беродзе. – Да, это я и хотел констатировать. Вот теперь у нее такое положение; накрутилось и все идет своим ходом. Еще накручивается. Что-то нужно делать, менять что-то.

Батал Кобахия. – Статус.

Нателла Акаба. – Блокаду отмените.

Каха Беродзе. – Хорошо, теперь мы рассматриваем конкретные проблемы: блокада, статус, потом «Абхазия уже выиграла», и вроде сейчас грузины должны инициативу проявлять. Я думаю, что имею честь присутствовать в таком обществе, которое интеллектуально стоит выше мести, выше ненависти. Я единственное, к чему веду: вроде обсуждаются какие-то модели, предложения, вместе с тем есть такая мысль, что это фантазии, нереально, и не в силу того, что сами эти модели нереальны, а потому, что общество не готово. Даже мы сами не чувствуем уверенности, что мы готовы. Я перейду в философское русло: цивилизация, прогресс и развитие – это дело не людских масс, не общества в целом, а где-то 15% интеллектуалов, которые делают и хорошую музыку, и политику и т.д. Так что, если не найти таких людей, которые делают прогресс, способны предложить что-то новое, и говорить, что общество не готово и нужно переложить ответственность на будущее поколение, это будет абсолютный крах.

Нателла Акаба. – Грузия сегодня готова к федерализации? Почему конституция Грузии все еще является конституцией унитарного государства?

Каха Беродзе. – Калбатано Натела, я не говорю сейчас об абхазах, я говорю в целом... По моему убеждению, и в том, и в другом обществе мы должны как-то способствовать нахождению таких людей, которые предложат что-то новое, что-то изменят.

Абесалом Лепсая. – Я хочу поддержать Каху в том плане, что, действительно, недопустимо сейчас говорить, что мы не хотим жить с грузинами даже через сто лет. Это красноречивое подтверждение образа вечного врага. Откуда мы знаем, какими через сто лет будут грузины?

Нателла Акаба. – Кто сказал, что мы не хотим жить с грузинами даже через сто лет?

Абесалом Лепсая. – Я просто хотел задать докладчику маленький вопрос. Конфедерация и федерация – есть ли там какое-либо противоречие?

Георгий Хубуа. – Различие между конфедерацией и федерацией состоит в том, что конфедерация не рассматривается как стабильная форма, т.е. это переходная форма – или к большей интеграции, или наоборот, к дезинтеграции. Соединенные Штаты вначале были конфедерацией, потом стали федерацией. Но имеются случаи дезинтеграции. Основное отличие в том, что конфедерация – это объединение государств, которые являются государствами в международно-правовом смысле и объединяются для достижения конкретной цели, власть конфедерации не распространяется на граждан прямо.

Давид Бердзенишвили. – Если многие другие встречи – и на неправительственном, и на правительственном уровне – тоже не приведут к результатам, тогда потребность к продолжению таких встреч просто отпадет. Если считать Грузию проигравшей стороной, то можно сказать, что и Германия проиграла войну, никто ведь не восстановил Германию в пределах 37-го года, более того – около 10 миллионов немцев было изгнано из стран Центральной и Восточной Европы, но Германия с этим примирилась и сейчас является самой мощной европейской державой, хребтом Евросоюза. Можно идти и по такому пути, но я вас уверяю, если в течение нескольких лет будут исчерпаны возможности совместного проживания грузин и абхазов и в Грузии придут к власти люди, которые будут стараться строить Грузию независимо от Абхазии, то Грузия, скорее всего, не признает независимость Абхазии. Наша история не дает никакой гарантии для безопасности Абхазии, но я плохо представляю, что хорошего говорит история о безопасности Абхазии вне пределов Грузии, в рамках Российской империи. Ситуация ведь такая, что если грузины и абхазы не договорятся, тогда на этом пространстве будут усиливать влияние государства помощнее и пототалитарнее, чем Грузия. Слава Богу, у грузин нет ресурса авторитарности. Грузия будет строиться, и если нам удастся из этого фрагментарного государства и фрагментарного общества создать нормальное демократическое государство, то будет какая-то стабильность в Грузии и будет непонятная ситуация в Абхазии. Но есть и другие сценарии. Если демократические силы окажутся невостребованными не только при Шеварднадзе, но и в послешеварднадзевское время, тогда из Грузии получится какое-то

дикое государство, и от этого вам будет не легче. Мне в такой стране жить не придется – если я успею, я покину такую страну, потому что у нас есть опыт, и при Гамсахурдия было такое. Я не очень высокого мнения о демократическом ресурсе Грузии, но я не отрицаю возможности усиления этого демократического ресурса. Я не специалист по Абхазии, мне трудно судить, но я думаю, между нашими обществами большая разница: разная степень свободы, разница в политическом плюрализме, в свободе прессы и т. д. Т.е., Грузия в какой-то степени опережает Абхазию. Учитывая осадное положение Абхазии, все понятно, но если не будет перспективы расширения демократических островков, если мы не создадим, не расширим демократического пространства, не построим гражданского общества, то мы окажемся в той же ситуации, что была при советской власти: будет дикая пестрая Грузия, будет непонятная ситуация в Абхазии, и перспектива номенклатурного решения этой проблемы будет выше, чем при нормальных условиях, а как номенклатура решает эту проблему, мы знаем: так было в 20-е, 30-е, 50-е годы, потом опять номенклатурный реваншизм с другой стороны. Я прочел ту статью Вячеслава Чирикба, и у меня появилось какая-то надежда. Когда я слушал Абесалому Лепсая, эта надежда усилилась: У нас есть возможность найти точки соприкосновения. Но оказывается, то, что писал Чирикба, уже неприемлемо. Я не принимаю как однозначный аргумент, что общество этого не принимает – ну и что, что общество не принимает, общество и меня не принимает. Я предлагаю что-то похожее на то, что предлагает Чирикба, думаю, что это базовая концепция, о которой можно будет говорить. Не знаю, в книге было написано, что он представляет Абхазию.

Лиана Кварчелия – Мне кажется, что за наш вынужденный поиск союза с Россией мы должны благодарить Грузию. Если Абхазию принудят принять соглашение, основанное на вертикальных взаимоотношениях, то в будущем это будет создавать больше возможностей для России вмешиваться и влиять на процессы в Грузии, используя Абхазию. Если Абхазия свободно будет выбирать взаимоотношения типа конфедерации или двух независимых государств, связанных договором о мире и сотрудничестве и т. д., то будет больше шансов, что Абхазия повернется лицом к Грузии, и может быть, она захочет

вместе с Грузией и Южным Кавказом интегрироваться в другие общества. Поэтому, когда вы говорите о России, нужно помнить о том, кто толкает Абхазию в ее сторону.

Лиана Кварчелия

СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

**(Материалы исследования общественного мнения
методом фокус групп)**

Проблема возвращения грузинских беженцев является одной из самых острых в грузино-абхазских взаимоотношениях по многим причинам. Объективно – это острый гуманитарный вопрос, решение которого требует многостороннего подхода, принимающего во внимание сложившиеся политические и экономические реалии, вопросы, связанные с обеспечением условий безопасности не только для грузинских беженцев, но и для принимающего населения. Не менее важно учитывать при рассмотрении данной проблемы психологические установки и в целом эмоциональный и психологический климат, отражающий настроения как беженцев, так и населения современной Абхазии.

Что касается политических и экономических условий, необходимых для решения проблемы беженцев, то они достаточно долго и подробно рассматривались в рамках официального переговорного процесса, хотя и с противоположных позиций. В начале переговоров, когда в качестве приложения к Заявлению о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта было подписано Четырехстороннее Соглашение о возвращении беженцев и перемещенных лиц, речь шла о необходимости параллельного решения вопросов политического урегулирования и возвращения беженцев (на первом этапе в Галский район Абхазии). Со временем в воп-

росе политического урегулирования создалась тупиковая ситуация в связи с заметным отходом от вышеупомянутого Заявления, и акцент был смещен на проблему возвращения беженцев как на более приоритетную. Грузинская сторона стала требовать обеспечения процесса возвращения без всяких предварительных условий (имелось в виду политическое урегулирование). Тем не менее ситуация с возвращением беженцев все-таки менялась. Затяжные и малопродуктивные переговоры сторон по процедуре возвращения под патронажем УВКБ сопровождались спонтанным возвращением грузинских беженцев в Галский район. Однако призыв абхазской стороны начать регистрацию спонтанно вернувшихся не получил поддержки, поскольку не было согласия в вопросе о мерах и механизмах обеспечения безопасности. Вопрос же безопасности неизбежно возвращает гуманитарную проблему беженцев в политическое русло.

Для Абхазии решение вопроса возвращения беженцев является частью политического урегулирования, так как само наличие беженцев является следствием военных действий, а не их причиной. А поскольку открытое противостояние в свою очередь явилось результатом затяжного политического конфликта, необходимо разрешить противоречия его породившие. В противном случае возвращение беженцев в условиях неразрешенного конфликта неизбежно приведет к новым столкновениям. Менее болезненно в этом смысле для Абхазии возвращение беженцев в Галский район в силу того, что это район компактного проживания мегрелов (самурзаканцев), по большей части не принимавших участия в грузино-абхазской войне 1992-1993 года. Кроме того, проявляя готовность к возвращению беженцев в Галский район абхазская сторона рассчитывает снять некоторое напряжение в связи с требованиями международного сообщества по данному вопросу.

Не менее важна с точки зрения политической стратегии данная проблема для грузинской стороны. Вопросы, связанные с гуманитарным положением беженцев, как правило (безусловно, есть довольно частые исключения из правил, продиктованные конъюнктурными интересами) вызывают острую реакцию международного сообщества, и в этом смысле давление на абхазскую сторону в переговорном процессе было обеспечено. Кроме того, массовое возвращение

только грузинских беженцев (многие представители других этнических групп либо покинули оккупированные территории Абхазии во время военных действий, либо выехали в связи с трудной послевоенной экономической ситуацией, однако в переговорах по данному вопросу они не фигурируют) создаст выгодную для Грузии демографическую ситуацию. Как известно численность грузин в Абхазии в результате политики грузинизации к началу войны в 1992 году достигла около 45% от всего населения, т.е. грузины стали самой многочисленной этнической группой в многонациональной республике. Поэтому Грузия заинтересована в массовом возвращении всех грузинских беженцев, в то время как возвращение только в Галский район не даст ей такого преимущества, а наоборот может снизить в глазах международного сообщества остроту вопроса (только в Галском районе до войны проживало около 35% грузинского населения Абхазии) и выдвинуть на первый план вопрос о предоставлении экономической помощи Абхазии. В этом контексте становится понятным затягивание подписания Протокола о возвращении беженцев в гальский район и восстановлении экономики Абхазии.

Если на официальном уровне позиции сторон достаточно известны и проанализированы в многочисленных статьях, посвященных данной проблематике, то мнение простых граждан, особенно в Абхазии, не получило столь широкого и глубокого освещения. Между тем, любые решения на официальном уровне (если, конечно вести речь о стабильных договоренностях) должны учитывать отношение населения к ключевым вопросам урегулирования, поскольку степень совместимости устремлений и ожиданий двух обществ, их представлений о возможности и условиях сосуществования существенно определяет и уровень жизнеспособности того или иного политического решения.

Следует отметить, что в Грузии мониторинг общественного мнения носит более или менее регулярный характер. Социологические исследования по выявлению отношения беженцев и в целом населения Грузии к различным вопросам, связанным с урегулированием конфликта и, в частности, с вопросом возвращения, проводятся как местными организациями, так и международными. В этом смысле население Абхазии зачастую выпадает из поля зрения международных орга-

низаций. В последний раз (пожалуй, и в первый) исследования по выявлению отношения населения Абхазии к перспективе возвращения беженцев проводились международными экспертами в 1997 году по заказу УВКБ. Из работ местных авторов известно исследование Фонда Гражданской Инициативы по проблеме возвращения беженцев, проведенное в 1995 г. С тех пор отношение населения Абхазии к вопросу возвращения беженцев специально не изучалось.

Исследование, проведенное Баталом Кобахия совместно с автором данной статьи в январе-феврале 2000 года, включает достаточно широкий круг вопросов, имеющих отношение к проблеме возвращения беженцев и в целом к проблеме урегулирования (методику и описание фокус-групп см. в данном сборнике в статье Б. Кобахия «Отношение к проблеме беженцев. Результаты опроса методом фокус-групп»). Часть исследования, выполненная Б. Кобахия, посвящена выявлению отношения интервьюируемых непосредственно к возможности возвращения беженцев и их гражданского статуса на территории Абхазии. Настоящая же работа представляет собой описание результатов первой части исследования, в которой путем выявления мнения опрашиваемых была сделана попытка воспроизвести контекст, в котором формируется отношение респондентов к перспективам возвращения грузинских беженцев. Экономические, социальные, психологические последствия грузино-абхазской войны создают тот фон, на котором вырабатывается отношение населения к указанной проблеме. Таким образом, для того, чтобы более четко представить природу и источник возможных опасений или мотивов поведения той или иной группы населения в связи с проблемой возвращения в их среду беженцев (а в данном случае речь идет о возможности сосуществования общин, представляющих две стороны в конфликте) представляется важным изучение условий, в которых проживает население на принимающей территории, а также отношение этого населения к перспективам урегулирования конфликта.

Работа в фокус-группах начиналась с обсуждения проблем и нужд, которые являются наиболее актуальными с точки зрения респондентов. Во всех шести группах подавляющее число опрошенных в качестве основной проблемы назвали политическую и экономическую нестабильность, связанную с неурегулированностью конфликта

и блокадой («Все упирается в неурегулированность отношений»). Называя более конкретные проблемы и нужды, большинство респондентов уточняли, что эти проблемы являются следствием непризнанности Абхазии как независимого государства, подчеркивая, что именно признание Абхазии может способствовать достижению, с одной стороны, безопасности и стабильности, с другой – экономического подъема. Проблемы, являющиеся с точки зрения опрошенных результатом войны и непризнания Абхазии, можно условно разделить на экономические, социальные и психологические. Ниже перечислены в порядке частотности наиболее типичные ответы:

- экономическая разруха вследствие войны и послевоенная блокада. По замечанию одного из участников «блокада – это продолжение войны». Результат войны и последовавшей за ней блокады – низкий уровень жизни, социальная незащищенность, безработица.
- чувство изолированности как следствие блокады, разорванные связи со странами бывшего СССР, отсутствие контактов с другими странами («Нет возможности расширить свой кругозор, общаться со сверстниками из других стран»)
- вынужденная разлука с родными вследствие экономической миграции последних в основном в страны ближнего зарубежья
- ограничения в праве на свободное передвижение за пределами Абхазии, отсутствие паспортов у молодого поколения, а также непризнание паспортов, выданных в Абхазии, в качестве легитимных документов для выезда в некоторые страны СНГ и за его пределы. Как одно из следствий подобной ситуации особо отмечалась проблема, связанная с ограниченным доступом к получению образования вне пределов Абхазии. Данный ответ наиболее часто звучал в группе студентов, а также учителей и представителей неправительственных организаций.
- информационная блокада («Мы живем как в резервации»), отсутствие доступа к информации о современных достижениях мировой науки и техники посредством глобальных информационных сетей, а также современной литературы. В связи с этим от-

мечался низкий уровень образования и профессионализма. Говоря о последствиях информационной блокады, один из студентов подчеркнул: «Если у некоторых есть компьютеры, то у нас нет даже книг. Такая ситуация очень существенно сказывается на том, как формируется мировоззрение у молодого поколения».

- отсутствие условий для самореализации, невостребованность, вынужденная смена профессии. О смене профессии наиболее часто упоминалось в группах женщин, которые объясняли данное явление следующим образом: многие женщины взяли на себя основное бремя по содержанию семьи и были вынуждены отказаться от престижных профессий (например, преподавателя Вуза или учителя школы) и заняться мелкой торговлей. Именно торговля в настоящее время является наиболее распространенным и доступным видом мелкого предпринимательства, позволяющим удовлетворять по крайней мере самые базовые потребности семьи. В сфере же торговли традиционно задействованы женщины. На сегодняшний день наиболее выгодной является реализация сельхозпродуктов на территории России, в связи с чем особую актуальность приобрела возможность вывоза продуктов через абхазо-российскую границу. Тот факт, что на абхазо-российской границе в течение четырех лет действовали ограничения на пересечение границы для лиц мужского пола в возрасте от 16 до 60, привел к тому, что именно на долю женщин выпала основная тяжесть по осуществлению всех операций, связанных с этим нелегким бизнесом. По мнению опрошенных женщин одним из негативных последствий безработицы среди мужского населения стала деградация последних («Мужья привыкают не работать»).

Другие ответы на вопрос о приоритетных проблемах и нуждах были связаны со спецификой опрашиваемой группы (профессиональной, гендерной и т.д., географическим положением района). Так, например, группа экс-комбатантов из Ткуарчала (города, расположенного в непосредственной близости к зоне, граничащей с Грузией) считает одной из наиболее острых проблем гибель людей в результате террористических актов как в Галском, так и в Ткуарчалском рай-

онах. Приоритетными, по мнению группы, являются вопросы, связанные с необходимостью обеспечения безопасности в обоих районах, охраны сел и главной автодорожной магистрали от нападения грузинских диверсионных групп, а также предотвращения минирования. По-видимому, в связи с тем, что в силу географического положения именно в этом районе наиболее часты контакты с грузинским населением, среди вышеназванных проблем была указана и проблема межнациональных отношений. Причем, участники фокус-группы отметили, что данная проблема навязывается жителям Абхазии извне, в то время как внутри общины есть возможности для нормализации отношений – «Даже если живущие среди нас мегрелы хотят нормально трудиться как и мы, все равно их запугивают с той, грузинской стороны и говорят, что они пошли на поводу у абхазов».

В группе учителей была отмечена проблема посттравматического синдрома у детей, вызванного как войной, так и послевоенными трудностями. Причем эта проблема усугубляется, по мнению учителей, отсутствием возможностей для психологической реабилитации. Учителя и студенты назвали также острой проблему роста наркомании среди молодежи.

Представители неправительственных организаций, ориентированные на идеи построения гражданского общества, помимо прочих потребностей назвали также необходимость морального и духовного возрождения общества, более полного обеспечения прав и свобод граждан.

Состояние «ни войны, ни мира» порождает целый круг психологических проблем, среди которых наиболее часто упоминались такие, как:

- неуверенность в завтрашнем дне, пребывание в «подвешенном состоянии», отсутствие ощущения перспективы и как результат – апатия, пассивность
- состояние хронического стресса, связанного с ожиданием возобновления военных действий
- неуверенность в возможности влиять на события как в процессе урегулирования конфликта, так и во внутренней общественно-политической жизни

- чувство униженности («Меня унижают, когда я перехожу через абхазо-российскую границу, когда в Москве меня останавливает милиция, когда я не могу со своим паспортом выехать в другие страны»)

В связи с тем, что главные проблемы связывались респондентами в основном с внешними факторами (непризнание Абхазии как государства, блокада), то и возможные пути преодоления этих проблем часто соотносились с независимыми от них процессами. Это объясняет и достаточно заниженное представление у многих опрошенных о собственной возможной роли в преодолении проблем общегосударственного характера, за исключением вопроса защиты Родины: «Планировать в наше время сложно, но фундамент мы заложили. Мы следим за обстановкой. Если что, мы готовы защищать свою землю» (группа экс-комбатантов из Ткуарчала).

Интересно, что в ответ на вопрос о путях преодоления проблем в группах женщин выражалось неконкретизированное желание изменить ситуацию в целом и более конкретные предложения, связанные с профессиональной деятельностью и семьей. В то же время в группах экс-комбатантов звучало мнение, что необходимо решать доступные экономические, социальные и иные проблемы в каждом городе и деревне: «Мы сами находим выход из ситуации, будь то экономические проблемы или межнациональные».

Более разнообразные мнения о путях преодоления проблем были высказаны во время обсуждения целей опрошенных. Причем, если в вопросе о проблемах и нуждах присутствовала сосредоточенность на внешних факторах, то в обсуждении целей и путей их достижения появлялись ответы, апеллировавшие к внутренним источникам проблем и соответственно к внутренним резервам для их преодоления: «Необходимо больше организованности, дисциплины, порядка в государстве»; «Политические переговоры с Грузией могут идти еще лет двадцать, но мы должны в первую очередь навести порядок у себя дома»; «Нам нужны общественные лидеры, гражданские группы, молодежные организации».

В целом определение краткосрочных целей (в основном это цели, связанные с профессиональной деятельностью опрошенных, воспитанием и образованием подрастающего поколения, а

также необходимостью улучшения социального и экономического положения собственной семьи) не вызывало трудностей у большинства опрошенных. Что же касается долгосрочных целей, то многие (в особенности группы женщин и экс-комбатантов) отметили, что в условиях нестабильности невозможно ставить долгосрочные цели: «Нет уверенности в завтрашнем дне, поэтому трудно планировать на будущее. Живем сегодняшним днем»; «Неизвестно, что будет завтра. То ли нам братья за автомат, то ли за мотыгу или перо».

В отличие от остальных опрошенных, студенты и представители неправительственных организаций проявили тенденцию к ориентированности на более долгосрочные или более глобальные, выходящие за рамки их узко профессиональной деятельности, цели:

- добиваться признания независимости Абхазии
- способствовать развитию гражданского общества
- строить правовое демократическое государство
- прорвать информационную блокаду
- проводить более углубленное исследование конфликта
- «поднять женщин с колен»
- повышать правовую культуру граждан

Следует отметить, что при обсуждении нужд и потребностей респондентов часто проявлялось осознание последними того, что преодоление проблем, равно как и достижение жизненных целей может затянуться на долгие годы в связи с неурегулированностью конфликта и непризнанностью Абхазии как самостоятельного государства. Тем не менее, не было ни одного ответа, который признал бы необходимость урегулирования конфликта на условиях, ущемляющих фактическую независимость Абхазии, для более скорого решения насущных проблем.

Вопросы, связанные с неразрешенностью конфликта, обращают нас к народной дипломатии как к одному из уровней в многоплановом процессе урегулирования. Опрос показал, что многие респон-

денты связывают народную дипломатию (НД) с институтом старейшин и традиционными методами урегулирования внутриобщинных конфликтов, рассматривая НД в историческом аспекте. Они мало информированы о том, как и кем используется НД в грузино-абхазском конфликте, однако высоко оценивают ее потенциальную роль. Более сдержанная оценка роли НД в грузино-абхазском урегулировании прозвучала в группе НПО и представителей Ткуарчала, которые сами непосредственно занимаются НД либо в рамках общих, исследовательских проектов, либо для решения практических задач сосуществования в приграничной зоне.

В среде представителей НПО задачу НД видят в преодолении стереотипов и большем информировании друг друга о настроениях в обществе для более адекватной оценки ситуации. Интересно, что были высказаны мнения с одной стороны о том, что речь о НД может идти только после подписания соглашения о мире (очевидно, что в данном случае под НД понимается примирение, т.е. возможный результат НД), с другой, что НД как раз должна быть использована для того, чтобы такое соглашение было достигнуто. Противоположность мнений отражает по всей вероятности разную интерпретацию понятия НД, под которой одни понимают цели и, результаты деятельности, а другие – механизмы для достижения определенных целей.

В группе учителей были высказаны более конкретные задачи НД, например, установление отношений для поиска без вести пропавших.

Если среди НПО в основном речь шла о внешней НД, т.е. на уровне общин по обе стороны реки Ингур, то в других группах некоторыми участниками высказывалась неуверенность в действенности внешней НД: «Слишком много боли и мало времени прошло»; «Народная Дипломатия тогда действенна, когда решен основной политический вопрос». Были высказаны и более категоричные суждения: «Считаю невозможным примирение, так как не может быть нормальных взаимоотношений после того, что они (грузины) сделали»; «Мы не можем с ними договориться, пока они говорят, что Абхазия – это часть Грузии»; «Пока с нами говорят с позиции силы, диалога не получится». В этих же группах акцент делался на важность народной

дипломатии внутри Абхазии, в частности для установления контактов и нормализации отношений с жителями Галского района: «Наш инстинкт самосохранения заставляет нас поддерживать в своем сознании образ врага. Но ведь галцы – это наше население. Надо победить неприязнь внутри себя».

Обсуждение перспектив урегулирования грузино-абхазского конфликта охватило не слишком широкий диапазон мнений. Только три респондента признали возможность сосуществования с Грузией в рамках одного государственного образования. При этом они подчеркивали вынужденный, а не предпочтительный характер такого устройства: «Я не вижу ни одной политической силы за пределами Абхазии, ни одного государства, которое было бы заинтересовано в независимости Абхазии». В качестве возможных моделей респонденты назвали конфедеративные взаимоотношения с высокой степенью самостоятельности субъектов конфедерации; союз двух суверенных государств, и, наконец, более расплывчатое предложение найти некое сбалансированное решение, которое «позволит нам сохранить максимум того, что мы имеем сейчас».

Подавляющее же большинство участников фокус-групп под урегулированием понимают признание Абхазии как независимого государства и установление Абхазией добрососедских отношений с сопредельными государствами на основе международных норм. Многие участники подчеркивали недопустимость включения Абхазии в состав Грузии: «Грузины называют нас сепаратистами, но они не задумываются над тем, почему мы хотим быть сепаратистами»; «Мы помним все, что пережили и считаем, что вернуть Абхазию в Грузию – это все равно, что доверить волку мясо»; «Мы хоть и малочисленный народ, но тоже имеем свои права. И когда они (грузины) это поймут, все проблемы между нами будут решены»; «Любые общие с Грузией механизмы государственного управления для нас неприемлемы. Это вернет нас к исходной ситуации, когда Грузия разными способами будет пытаться освоить эту территорию».

Многие участники, особенно в среде студентов, подчеркнули, что видят Абхазию правовым демократическим государством, строящим

равные партнерские экономические и политические отношения с Грузией и Россией, а также восстанавливающей культурные связи со странами СНГ.

У некоторых опрошенных вообще отсутствует видение урегулирования, причем они считают, что в принципе невозможно урегулировать этот конфликт в ближайшей перспективе: «Мира не будет в ближайшие 15-20 лет». Несколько респондентов видят перспективу урегулирования в протекторате России: «Нужно, чтобы граница с Россией была открыта»; «Суверенная Абхазия, но где-то в пространстве России». Впрочем, последнее замечание вызвало в группе и противоположное мнение: «Суверенная Абхазия и ни в чем пространстве».

Таким образом, опрос респондентов показал, что большая часть опрошенных видит в качестве единственного с точки зрения безопасности приемлемого решения грузино-абхазского конфликта, существование двух независимых государств, строящих равные добрососедские отношения. Именно отсутствие такого урегулирования является с точки зрения большинства опрошенных источником проблем как политического, так и экономического, социального, информационного характера. Очевидно, что внимание большинства респондентов обращено в большей степени на внешние факторы, мешающие нормализации жизни во всех сферах. Главным из них, по мнению респондентов, является отсутствие справедливого урегулирования грузино-абхазского конфликта.

Завершая описание результатов изучения мнения респондентов по вопросу урегулирования, а также их видения и оценки современного контекста, хотелось бы напомнить, что данная часть исследования предваряет описание отношения опрошенных непосредственно к проблеме возвращения беженцев в Абхазию. Ясно, что в отсутствие реального политического урегулирования потенциальное возвращение беженцев будет иметь особые политические, демографические, экономические, психологические и т.д. последствия. Тем актуальнее становится изучение отношения принимающего населения к данной категории проблем.

Литература

1. Тания Л.И., Аргун А.Ю., Тания А.Г. Проблема возвращения грузинских беженцев в Абхазию: конфликтогенный аспект. Перспективы №1. Сухум, 1995 г.
2. UNHCR prospects for the return of internally displaced Persons and Refugees to Abkhazia. UNHCR, May 1997
3. Catherine Dale. The Dynamics and Challenges of Ethnic Cleansing: The Georgia-Abkhazia Case. Refugee Survey Quarterly, vol.16, no.3, 1997.
4. Greg Hansen. Greg Hansen. Displacement and Return. Accord, issue 7. London, 1999
5. Шамба С.М. Переговорный процесс: надежды и разочарования. Абхазия-Грузия. Препятствия на пути к миру. Сухум, 2000

Батал Кобахия

Центр Гуманитарных Программ

ОТНОШЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ БЕЖЕНЦЕВ

(результаты опроса методом фокус-групп)

Методология исследования

Для исследования общественного мнения по проблеме беженцев было выбрано групповое фокусированное интервью, проходившее в форме групповой дискуссии.¹ Всего в январе-феврале 2000 г. в

¹ За основу брались методики, разработанные в следующих исследованиях:

1. Инструкция по проведению фокус-групп. М., Национальный демократический институт международных отношений, 1995.
2. Лэс Кэмпбелл. Использование опытных групп при проведении исследований в России. М., Национальный демократический институт международных отношений, 1995.
3. Богомолова Н.Н., Мельникова О.Т., Фоломеева Т.В. Фокус-группы как качественный метод в прикладных социально-психологических исследованиях. Практическое пособие по социальной психологии.
4. Оливия Холмс. Проведение фокус-групп. Социальный маркетинг для некоммерческих организаций. М., 1998.

Абхазии было проведено 6 фокус-групп. Каждая беседа проводилась в течение 2-2,5 часов и, по договоренности с респондентами, записывалась на магнитофон. В каждой фокус-группе предполагалось участие 7 опрашиваемых. Однако в Ткуарчале на фокус-группу явилось 6 человек вместо 7, а в группе лидеров НПО вместо 7 участников оказалось 8. Всего в групповой дискуссии приняли участие 42 человека, из них: женщин – 21, мужчин – 21. Беседа состояла из двух блоков вопросов, разделенных тематически. Первая часть была сфокусирована на определении нужд и потребностей респондентов, их отношении к народной дипломатии, а также выявлении их представлений о перспективах урегулирования грузино-абхазского конфликта. Вторая, основная часть, была посвящена тому, как, в случае политического урегулирования конфликта, участники представляют себе решение проблемы беженцев и каково их отношение к грузинскому населению, проживающему сегодня в Абхазии. На первую часть дискуссии отводилось от 20% до 30% времени, на основную часть – от 80% до 70%.

Главной задачей исследования являлось выявление мнения респондентов (на данном этапе людей одного социального уровня) относительно возможных решений проблемы беженцев.

При определении критериев отбора участников для фокус-групп во внимание принимались следующие факторы: статусные, материальные, психологические, гендерные, возрастные характеристики, уровень образования и креативности. В дискуссиях принимали участие две мужские, две женские и две смешанные группы. Последние две группы были представлены студентами и лидерами НПО.

В каждую группу отбирались респонденты, обладающие общими характеристиками: однородный социальный статус и уровень материальной обеспеченности, уровень образования, а также опыт военной и послевоенной жизни.

Практически все участники имеют высшее или незаконченное высшее образование, все достаточно интегрированы в послевоенную жизнь, финансово независимы, представляют семьи средней и высокой материальной обеспеченности. В группе женщин 4 не работают в связи с тем, что занимаются воспитанием детей.

Все участники имеют сравнительно одинаковый жизненный опыт по отношению к грузино-абхазской войне, со схожим психологическим восприятием вопросов, касающихся военной и поствоенной ситуации. Многие из участников являются либо ветеранами войны, либо членами семей ветеранов. Все респонденты проживали в Абхазии как до войны, так и во время нее и после войны. В случаях, когда в период активных боевых действий (в 1992–93 гг.) женщины или студенты, бывшие на тот момент подростками, были вынуждены покинуть места постоянного проживания, члены их семей, тем не менее, были непосредственными участниками войны. Таким образом, война для всех явилась общей судьбой: все в той или иной мере испытали на себе стрессы, связанные либо с участием в боевых действиях, либо с ожиданием или потерей близких на войне, либо с непосредственным проживанием в зоне боевых действий. Проблема возвращения беженцев является для данной категории респондентов одним из самых актуальных вопросов, поскольку решение этой проблемы может реально повлиять на их дальнейшую жизнь.

Участники представляли практически все регионы Абхазии (Сухум, Ткуарчал, Гудаута, Новый Афон, Гагра), за исключением Галского района. Возраст респондентов в каждой группе – от 28 до 50 лет. Исключение составляла студенческая группа (от 17 до 22 лет).

Описание групп

1. Мужские группы

Ткуарчалская группа подбирались из бывших участников боевых действий. В послевоенный период все они реинтегрированы в общественную жизнь, обладают одинаковым социальным уровнем и среднестатистическим материальным положением. Образование – высшее и среднетехническое. Специальности: работники культуры, бизнесмен, журналист, педагог, инженер. Все 6 участников – абхазы. Половина из них имеют семьи, другая половина не женаты. Возраст – от 30 до 40 лет.

Афонская группа – 7 человек, из них: 6 экс-комбатантов в возрасте от 30 до 40 лет, 1 молодой человек 22 лет, не принимавший участия в боевых действиях. 4 из участников не женаты.

2. Женские группы

Участницы данных групп проживали в Абхазии как до войны, так и весь послевоенный период, члены их семей принимали непосредственное участие в боевых действиях.

Группа учительниц характеризовалась тем, что ее участницы одинакового социального уровня и материального положения, а также представляли все регионы Абхазии. Все они являлись участницами одного обучающего семинара по навыкам разрешения и предотвращения конфликтов. Двое из них из смешанных семей (отец – абхаз, мать – грузинка), трое имеют детей, одна – разведенная (муж и дети грузины), четверо не замужем. Возраст – от 28 до 48 лет.

Вторая женская группа была представлена жительницами одного города. Одна участница не замужем, остальные замужем, имеют детей. Все имеют высшее образование, четверо работают, трое не работают еще с довоенного времени, двое представляют смешанные семьи. Возраст – от 35 до 50 лет.

3. Смешанная студенческая группа

Данную группу представляли 6 юношей и одна девушка, из них: шестеро абхазов и один русский. Один респондент – учащийся колледжа, остальные – студенты АГУ. На данный момент все участники проживают в г. Сухум.

4. Смешанная группа лидеров НПО.

Все восемь участников групп – жители г. Сухум, из них: 6 женщин, 2 мужчин экс-комбатантов, 1 инвалид войны; 4 женщин замужем, 1 несемейная; 7 абхазов, 1 русская; две женщины имеют смешанные семьи.

Рекрутирование участников, за исключением учительской группы, производилось через ассистентов. Каждый из ассистентов про-

живает в том городе, где проводилась фокус-группа. Ассистенты были предварительно подготовлены по вопросам выборки и правил проведения групповых дискуссий. Исключение составляла лишь учительская группа, в которой участницы познакомились друг с другом на семинаре, а отбор производился непосредственно модераторами.

Для удобства описания в статье приняты условные обозначения: У – учительская группа, Ж – группа женщин из Гудауты, Т – группа экс-комбатантов из Ткуарчала, А – группа из Нового Афона, Л – лидеры НПО, С – студенты.

Вопросник для фокус-групп

Часть 1.

1. Какие проблемы и нужды являются для вас наиболее актуальными сегодня? Каковы ваши ближайшие и отдаленные цели?
2. Что необходимо предпринять, чтобы решить указанные проблемы?
3. Что необходимо сделать, чтобы поставленные цели были достигнуты?
4. Что вы знаете о народной дипломатии, как вы ее понимаете?
5. Какую пользу, на ваш взгляд, может принести народная дипломатия в разрешении грузино-абхазского конфликта?
6. Процесс грузино-абхазских политических переговоров затянулся. Однако, в случае урегулирования конфликта, каким вы себе его представляете?

Часть 2.

1. Как вы относитесь к проблеме беженцев?
2. Если для урегулирования будет необходимо решить вопрос беженцев, как вы представляете себе его решение?

А) Если вы считаете, что беженцы должны вернуться, то, как вы представляете процесс их возвращения?

- Если многие, часть или все беженцы вернутся в Абхазию и будут жить среди вас, какой, по вашему мнению, будет ваша жизнь?
- Если многие, часть или все беженцы вернутся в Абхазию и будут жить среди вас, какой, по вашему мнению, будет их жизнь?
- Если многие, часть или все беженцы вернутся в Абхазию и будут жить среди вас, могут ли абхазы, лично Вы, сделать что-либо, чтобы грузины-беженцы чувствовали себя в безопасности?
- Если многие, часть или все беженцы вернутся в Абхазию и будут жить среди вас, могут ли грузины сделать что-либо, чтобы абхазское население чувствовало себя в безопасности?
- Что можно сделать, чтобы грузины и абхазы могли доверять друг другу?

Б) Если вы считаете, что беженцы не должны возвращаться, то ваше мнение:

- основано на соображениях безопасности, или вы исходите из исторической необходимости?
3. Как вы можете охарактеризовать отношения с теми грузинами, которые в данный момент проживают в Абхазии?
 4. Считаете ли вы их гражданами Абхазии?
 5. Гражданами какого государства, по вашему мнению, они считают себя?
 6. Допускаете ли вы для грузин, проживающих в Абхазии в данное время, или для тех, кто может вернуться:
 - возможность мирного сосуществования с принимающим населением
 - интеграции в абхазское общество
 - получения двойного гражданства

Результаты опроса

«То, о чем мы говорим, в принципе ненормально в отношениях между людьми, но сегодня мы не видим другого пути. Нас просто поставили в эти условия, и нам приходится искать выход из создавшегося положения»

Экс-комбатант, участник фокус группы из Ткуарчала.

Вынужденные перемещения населения в Абхазии имеют давнюю историю, однако наибольший интерес международного сообщества проявился к ним в связи с событиями абхазо-грузинской войны 92-93 годов. На сегодняшний день отсутствует единое мнение относительно терминологии, описывающей недобровольную, вынужденную миграцию, различные формы перемещения населения на всем постсоветском пространстве. Поскольку события, происходящие на территории бывшего СССР, не всегда уместаются в рамки декларированных ООН положений о перемещенных лицах, в мае 1996 г. была проведена ежегодная Региональная Конференция стран СНГ, направленная на решение проблем вынужденно перемещенных лиц в постсоветском пространстве. Хотя заключительный этап конференции приходится на 2000 г., до сих пор ведутся споры о терминологии, в то время как терминологические определения зачастую являются решающим моментом при рассмотрении вопросов миграционных процессов.² Не смогли избежать подобных споров и в абхазо-грузинском переговорном процессе.

Беженцы или внутренне перемещенные лица (ВПЛ)? Абхазы чаще всего называют грузинское население, покинувшее пределы Абхазии в период боевых действий и после, беженцами, подразумевая, что последние находятся на территории другого государства. Некоторые называют это население репатриантами, имея в виду то, что грузинское население вернулось на свою исто-

² См. материалы заседаний рабочих групп Женевской Конференции с 1996 г. («Региональной конференции по рассмотрению вопросов беженцев, вынужденно перемещенных лиц, других форм недобровольных перемещений и возвращающихся лиц в странах СНГ и соответствующих соседних государствах»).

рическую родину.³ При этом под термином ВПЛ (внутренне перемещенные лица), абхазы подразумевают людей, не покидавших территорию Абхазии в связи с военными действиями, но вынужденных поменять места обычного проживания в связи с разрушениями, постигшими их дома. Для грузин ВПЛ – это лица, вынужденные в связи с войной переместиться из Абхазии в Грузию, поскольку с грузинской точки зрения существует единое абхазо-грузинское общеполитическое пространство, временно разделенное конфликтом. На сегодняшний день нет четкого определения статуса вынужденно перемещенных лиц, и данный вопрос вызывает споры как на уровне официальных переговоров, так и на уровне народной дипломатии. Не вдаваясь в детали существующих противоречий, имеющих отчасти политическую основу, мы в данном исследовании будем пользоваться термином «беженцы», понятным и приемлемым для всех участников фокус-групп из Абхазии.

Общие представления о беженцах

Как указывалось выше, первый блок вопросов был посвящен определению потребностей и нужд и выявлению отношения к про-

³ Массовое заселение абхазских земель грузинами происходило в несколько этапов:

- в результате восстания 1877-78 гг. против колониальной политики России была выселена большая часть абхазского населения (махаджиров), абхазские земли осваивались русскими, греками, армянами и, в частности, жителями Западной Грузии (мегрелами);
- в 1918 – 1921 в Грузинской Демократической Республике был создан переселенческий отдел, занимавшийся переселением грузин в Абхазию;
- В 1937 г. создается «Абхазпереселенстрой» для переселения в Абхазию жителей в основном Западной Грузии (наиболее значительные акции – массовое выселение греков и турок в 1949 г. и заселение их домов вновь прибывшими грузинами; массовое переселение грузин в абхазские села в 1951-52 гг., заселение территории Абхазии грузинами по виду «набора специалистов и рабочей силы» в 1960-70 гг.

См. Ачугба Т. А., Этническая «революция» в Абхазии. Сухум, «Алашара», 1995; Аргун Ю.Г., Геноцид абхазов, Сухум «Алашара», 1998).

цессу урегулирования конфликта.⁴ Многие участники фокус-групп уже в данной части беседы так или иначе упоминали и проблему беженцев. Специально же данному вопросу была посвящена вторая часть беседы. Следует отметить, что у участников не было четкого понимания того, кто является беженцем, а кто – перемещенным лицом. Не было также четкого мнения о том, кого можно считать военным преступником. В связи с этим возникал вопрос и о том, что определенные категории беженцев вообще не имеют права на возвращение. Несмотря на то, что у многих отсутствовало желание думать о беженцах как о проблеме, тем не менее, все, так или иначе, высказывали свои общие представления о беженцах и перспективах их возвращения.

Спектр мнений о статусе беженца или перемещенного лица незначителен и дается здесь в порядке наиболее частого упоминания в различных группах.

1. Наиболее жесткую точку зрения, не признающую сам факт существования проблемы беженцев, выразили студенты, мотивируя свою позицию тем, что данная группа населения находится в Грузии, т.е. на территорию, которую они считают своей родиной.

В группе лидеров НПО некоторые участники отрицали существование проблемы возвращения, объясняя это тем, что грузинское население сделало свой выбор: *«Я не понимаю, о ком мы говорим. О людях, которые хотят сегодня вернуться в Абхазию? Так они уже вернулись. Часть из них вернулась, часть где-то осела. Те, кто хотят жить в Грузии, там и остались. Так что нет тех беженцев, которые хотят вернуться в Абхазию»* (Л).

2. В других группах неприменимость термина «беженец» для грузинского населения обосновывалось тем, что это население не представлено коренными жителями Абхазии: *«Считать ли беженцами тех, кто был заселен сюда в недавнем прошлом для поднятия этого конфликта, или считать беженцами тех, кто вернулся на свою историческую родину?»* (А).

⁴ См. Описание первой части исследования в работе Л.В. Кварчелия «Современный контекст и проблемы грузино-абхазского урегулирования».

3. Неуверенность в определении статуса беженцев проявилась и в группе женщин. Перемещения большинства грузин также воспринимались не как насильственная миграция, а как естественная репатриация: *«Беженцы – это те люди, которых изгнали после боевых действий. А лица грузинской национальности, уехавшие отсюда во время боевых действий под натиском наступлений, ушедшие вместе с грузинской армией – они переместились на свою территорию, на свою историческую родину»* (Ж).
4. Для некоторых опрошенных проблема беженцев является частью неразрешенного конфликта и объектом манипулирования политиков: *«Беженцами они будут называться до тех пор, пока это выгодно Тбилиси. Если пойдет процесс мирного урегулирования, им придется возвращаться, потому что у них нет права выбора»* (С). Признавая необходимость их возвращения в результате процесса политического урегулирования, они допускают возвращение беженцев при условии, *«что они вспомнят о том, что родились в Абхазии, что это их дом, их очаг, и каждый из них должен защищать интересы того народа, той нации, среди которой он живет»* (Ж).
5. Многие вопросы, касающиеся как терминологии, так и самой постановки вопроса возвращения беженцев, принимались участниками встреч не всегда однозначно. Так, например, некоторые респонденты выражали возмущение по поводу того, что обсуждение вопроса возвращения беженцев всегда связывается с возвращением только грузинского населения, в то время как существуют и представители других народов, вынужденно покинувшие пределы Абхазии в период боевых действий: русские, армяне, евреи и т.д.
6. Наиболее актуальной для подавляющего большинства респондентов оказалась необходимость признания мировым сообществом факта депортации абхазов в конце 19 века в Турцию и признание права их потомков на репатриацию. *«Мы с тем же успехом можем говорить о беженцах, которые были депортированы более ста лет назад. Это представители абхазского наро-*

да, которые сейчас живут в Турции» (С), «Начнем с того, что прежде надо решать проблему абхазской диаспоры, а уж потом грузинских беженцев» (А). Такая постановка вопроса отражала досаду и неверие в международное право по проблемам насильственных перемещений. Признание потомков «махаджиров» (насильственно и вынужденно перемещенных абхазов) беженцами, нуждающимися в глобальных программах по репатриации на историческую родину, по мнению респондентов, вызвало бы доверие к международному праву.

7. В группе студентов было выражено также мнение о том, что возможность возвращения должна быть предоставлена только тем беженцам, которые находятся сегодня за пределами Грузии (С).
8. Некоторые участники признавали право на возвращение той части грузинского населения, которая проживала в Абхазии до сталинских времен (это, в основном, жители Самурзаканской области, нынешнего Галского района (С, А).

Возвращение: решение проблемы?

Основной вопрос по блоку беженцев («Если для урегулирования необходимо будет решить вопрос беженцев, как вы представляете себе его решение?») был сформулирован таким образом, что в нем не ставился вопрос о возвращении как решении проблемы. Тем не менее, участники встреч практически однозначно воспринимали вопрос как ставящий проблему возвращения. Как одну из возможностей участники обсуждали поэтапное возвращение, однако в качестве обязательного условия называлась необходимость предварительного политического урегулирования.

Несмотря на большой спектр мнений относительно необходимых предпосылок и условий для возвращения беженцев, практически все респонденты в качестве основного требования называли предварительное политическое урегулирование конфликта и определение политико-правовых отношений с Грузией: *«В зависимости от того, как мы решим статус Абхазии, сам процесс возвращения беженцев пойдет иным путем. Т.е. если будет решен вопрос, что мы как-то*

связаны с Грузией, то они опять-таки будут возвращаться сюда как в единую Грузию» (С).⁵ Решение же вопроса политических взаимоотношений видится респондентами как установление равноправных взаимоотношений с Грузией и признание независимости Абхазии. Тогда, как считает большинство опрошенных, возвращение многих беженцев станет возможным при условии признания ими юрисдикции независимой Абхазии, абхазского гражданства и законов. «Они должны, прежде всего, отказаться от мысли, что Абхазия – это Грузия. Только потом можно будет говорить о других вопросах» (А); «Я считаю, если каждый беженец осознает, что он возвращается в Республику Абхазия, независимую республику, и будет поддерживать наши идеи, наши планы и все наше, то никакой конфликтной ситуации возникнуть не может» (С). По их мнению, принятие этих условий беженцами после их возвращения снимет проблему этнической дифференциации общества. При этом государство должно «обеспечить возвращающимся все те же права и обязанности, что и всем остальным гражданам Абхазии» (Ж). В качестве необходимых мер для создания условий сосуществования беженцев и принимающего населения были названы обеспечение условий безопасности и соответствующих экономических условий: «Нужно, чтобы у людей была работа, чтобы наша жизнь оберегалась структурами, которые призваны этим заниматься, чтобы была уверенность в завтрашнем и в послезавтрашнем дне. Если мы будем жить в спокойной обстановке, тогда и отношения с теми людьми, которые будут нашими новыми соседями (а может быть и старыми) будут такими же, как раньше» (Ж); «Я думаю, что для них здесь пока просто нет условий для возвращения. Но когда-нибудь они должны вернуться, так как это родственные, дружеские связи...» (У). Вместе с тем, простые решения данной проблемы, по мнению опро-

⁵ По некоторым данным, численность абхазов, проживающих на территории Турции и в странах Ближнего Востока, колеблется от 115.000 до 300.000 человек. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии 19 столетия. Сухуми, «Алашара», 1982.

Однако, по неофициальным подсчетам последних 20 лет, их численность составляет от 600.000 до 1.000.000 человек (включая Турцию, Ближний Восток и страны Европы и Америки, куда потомки махаджиров переселились после 1967 г. – в результате арабо-израильского конфликта).

шенных, не вполне реальны, поэтому предлагались различные превентивные меры, способные гарантировать абхазам будущее национального государства: *«Когда они будут возвращаться, с каждого нужно брать расписку в том, что он признает, что Абхазия – эта Абхазия, а не Грузия (Ж)»*.

По мнению практически всех участников фокус-групп даже после решения всех политических вопросов возвращение беженцев должно быть поэтапным: *«Если сейчас запустить всех беженцев, будет хаос, если их не обеспечит жильем, пропитанием, работой»*. (Т). Указываются также определенные категории лиц, имеющих, по мнению участников, право на поэтапное возвращение. В первую очередь такое право предоставляется лицам из смешанных семей и их родственникам, а также проверенным временем друзьям, которые не были связаны с войной. Такой точки зрения придерживалось большинство женщин из женских и смешанных групп. Аналогичное отношение к смешанным семьям было высказано в группе экс-комбатантов из Ткуарчала. Связано это, по-видимому, с тем, что многие жители города имеют родственные связи с грузинами, а также большой опыт совместного проживания. Отношения ко многим грузинам у них не менялось даже в условиях блокады и войны, так как ткуарчалцы помнят, что большая часть грузинского населения города не поддержала грузинские войска, а некоторые сражалось на стороне абхазов. *«Те, которые не воевали, пусть возвращаются»* (Т); *«В первую очередь должны вернуться те, кто имеют родственников в Абхазии и ощущают себя гражданами Абхазии. Конечно, я не имею в виду преступников и бандитов»* (Л); *«Примем мы одного, обоснуется он, потом пройдет еще время, мы позовем следующего. Это будет нескоро, но через некоторое время люди вернуться»* (Т). Особых проблем в общении с такой категорией беженцев участники не видели, так как, по их мнению, *«придут старые знакомые, старые друзья; т.е. в беженце мы не можем видеть врага, если он не принимал участия в войне, не убивал наших братьев, сестер, он нам не враг, а такой же, как мы, просто вынужден был покинуть на время войны эту территорию»* (С). Но и в этом случае многие участники с трудом представляли реальное время для их возвращения: *«Это долгий процесс, но иначе нельзя, чтобы нашим детям, внукам*

досталось жить в мире... » (У); «Надо быть реалистами и понимать, что все не вернется. Те, кто имеют смешанные семьи, и кто в первую очередь ощущают себя гражданами Абхазии, вернуться» (Л), «Люди, которые нормально жили, работали, не лезли ни на эти митинги, ни в эту политику, потому что у них на уме было совсем другое, могут, конечно, вернуться»; «Именно таких людей, которые под общую волну попали и стали так называемыми беженцами, чисто по-человечески очень жаль. Кстати, такие нормальные люди не устроены и по сей день скитаются и не могут себя найти вне Абхазии» (У).

Таким образом, по мнению опрошенных, реальные шансы на возвращение и спокойное проживание имеют те, кто не принимал участия в боевых действиях: *«Тем, кто воевал, здесь однозначно делать нечего» (Ж).* Одновременно многие признают, что за период войны и за годы полувоенной ситуации *«таких людей, которые совершенно ни в чем не замешаны, осталось мало».* При этом часто делались пояснения и предъявлялись требования к тем, кто вернется: *«Надо найти механизмы, которые могли бы определить, имел ли тот или иной беженец какое-нибудь отношение к войне » (Л).* *«Те, кто не принимал участие в боевых действиях, имеют моральное право вернуться. Но они должны понимать, что в случае возобновления боевых действий они не могут становиться на сторону противника» (Л).*

Процесс возвращения многие респонденты связывают не только с грузинскими беженцами, но с беженцами других национальностей: русскими, греками, армянами и евреями, которые были вынуждены уехать за пределы Абхазии в период войны и по разным причинам не могут вернуться домой.⁶ В связи с этим затрагивался вопрос о создании необходимых условий для их возвращения.

⁶ Стороны конфликта предоставляют разные цифры по количеству грузинских беженцев: грузины называют от 300 до 400 тыс. человек, абхазы – около 160 тыс., исходя из того, что численность грузинского населения до августа 1992 г. составляла около 240 тыс. человек, из которых 30 тыс. не покидали Абхазию, а около 60 тыс. уже вернулось в Галский район.

Представители ООН называют число 250 тыс. беженцев грузинской национальности и несколько тысяч русскоязычных (Рей Уилкинсон. Особенно сложная проблема. Журнал «Беженец», том 4, с. 117, УВКБ ООН, 1999).

Более сдержанно, чем женщины, поддержали право на возвращение людей, не причастных к войне, участники других групп: *«Многие говорят, что их заставили, что они пошли воевать со страху, опасаясь, чтобы не тронули их семьи. Какая мне разница, он пошел на фронт с испугу или нет. Он стрелял! Пусть он убил хотя бы одного человека, на нем уже кровь, и он не может ступить на эту землю. Многие утверждает, что их сыновья просто носили форму, но не воевали, а только кормили солдат. Какая разница, голодный солдат воевать не будет. Он кормил его, значит, он имеет отношение к войне»* (Т).

Респонденты подчеркивали, что возвращение вышеназванных категорий беженцев должно быть добровольным: *«Это должен быть акт добровольный с их стороны, раз уж они очень хотят сюда приехать, то должны это сделать добровольно, мы насильно не можем их завести. И, как мне представляется, те, кто хотели сюда приехать, – а это жители Галского района – они уже вернулись. А остальные, кто не вернулся, это те люди, которые не имеют морального права, и они это прекрасно понимают. Я имею в виду тех, кто принимал участие – может, не активное, а пассивное, но помогал в войне»* (Ж).

Принимая во внимание нестабильную ситуацию в республике, связанную с неразрешенностью конфликта, некоторые участники называют в качестве возможного места первоначального заселения беженцев приграничные районы, имея в виду Галский район. Возвращение в другие районы Абхазии займет более длительное время, при этом часто приводилась цифра «40 лет» (Т). Многие отмечали, что возвращение беженцев уже приводило к печальным последствиям: *«Когда мы начали запускать беженцев в нижнюю зону Гальского района, мы фактически ее потеряли. Дошло до того, что в мае 1998 года они захотели захватить весь Галский район. Это результат того, что мы поступили гуманно и запустили беженцев. Я считаю, что на границе нужно досконально проверять каждого»*. (Т) В основном за жесткий контроль над процессом возвращения высказались студенты и экс-комбатанты из Ткуарчала: *«Необходимо выяснить, где они во время войны находились, чем занимались, и это должно быть сделано, чтобы не повторилась та ситуация, которая у нас была»* (С).

Понимая важность урегулирования проблемы беженцев в разрешении абхазо-грузинского конфликта, участники, тем не менее, выражают свое несогласие с тем, что гуманитарные вопросы излишне политизируются и определенные силы манипулируют проблемой беженцев: *«Почему всегда, на всех переговорах, именно этот вопрос выдвигается на первый план? Просто потому, что возвращение беженцев не даст стабилизировать обстановку здесь, в Абхазии. Т. е. они используют беженцев как щит для продвижения своей политики»* (С).

У некоторой части беженцев, считают многие участники групп, побудительным мотивом к возвращению является не привязанность к родным местам, а неустроенность в Грузии и уверенность в том, что абхазы их примут, так как они непосредственно не участвовали в боевых действиях (У). Однако, такой мотив, вызванный безысходностью, по мнению абхазов, не самый лучший гарант их лояльности по отношению к Абхазии.

Участники подчеркивали также необходимость сбалансированного подхода к оказанию гуманитарной и экономической помощи возвращающимся и принимающей стороне. Принималось во внимание то, что возвращение тысяч людей будет сопряжено с проблемами жилья (многие граждане Абхазии стали вынужденными переселенцами внутри Абхазии в связи с тем, что их дома были разрушены во время войны), отсутствием рабочих мест и т.д. Учитывая, что за весь послевоенный период практически не было сделано серьезных попыток восстановить разрушенный жилищный фонд для тех, кто сегодня проживает в Абхазии, респонденты выразили сомнение в том, что данный вопрос будет решаться разумно и сбалансировано. В 1997-98 гг. УВКБ проводило в Абхазии программу «Крыша», в результате которого восстанавливались дома как в Галском районе, населенном мингрелами, так и в Западной Абхазии – в с. Эшера Сухумский р-на, населенном преимущественно абхазами и армянами.⁷ Однако дан-

⁷ В связи с майскими событиями в Галском районе, когда в результате возобновления боевых действий были разрушены многие дома, ранее восстановленные УВКБ, эта международная организация отказалась от дальнейшей программы по реабилитации жилищ до заключения прочного мира. Есть предположение, что международное сообщество, разочарованное кажущейся неразрешимостью кризиса вокруг Абхазии, может вообще оставить последнюю без внимания. Рей Унлкинсон, Особенно сложная проблема. «Беженцы», т.4, с. 117.

ный проект, по мнению абхазской стороны, не был сбалансированным, поскольку упор делался в основном на реабилитацию грузинских домов в Галском районе. *«Если им международные организации создадут лучшие условия, чем для тех, кто эти годы пытался здесь выжить, будет еще один конфликт»* (А). В связи с этим респонденты указывали на необходимость преодоления разрухи, создания экономической стабильности. Такая постановка вопроса была озвучена в основном женщинами из всех фокус-групп: *«Прежде должна заработать экономика, у людей должна быть работа, они должны достаточно зарабатывать на жизнь. И тогда все эти вопросы будут намного легче решаться, и конкуренция будет перенесена в область экономики, а не сосредотачиваться в политике»* (Л); *«Когда будут созданы экономические условия, жить будет легче, может быть, и все структуры будут работать. Когда будет открыта граница, когда будут работать курорты, когда нужны будут люди, которые будут обеспечивать эту жизнь, они будут возвращаться, и никаких проблем не будет, потому что, мне кажется, все стороны жизни будут отрегулированы»* (Ж); *«Возвращение реально в случае возрождения экономики. Сегодня нам самим трудно в экономическом плане, и мы не готовы принять беженцев»* (Л). Некоторые участники считают, что если бы на межправительственном уровне было принято решение о компенсации ущерба, нанесенного войной, многие проблемы экономического порядка, в частности, проблемы жилищного фонда, можно было бы решить уже сейчас: *«Если Грузия выплатит компенсацию за нанесенный ущерб, у нас не возникнет проблем по восстановлению разрушенных домов»* (С).

Только в группе лидеров НПО был затронут вопрос о политических правах тех, кто сможет вернуться в независимую Абхазию: *«Я думаю, что может быть выработана такая формула, которая защитит права абхазского населения. Но и грузины, которые вернутся, должны иметь равные политические права. При этом мы должны сделать все, чтобы то унижительное положение, в котором находился наш народ последние десятилетия, никогда не повторилось. Я думаю, что существуют такие механизмы в мировой практике, что это можно конституционно оформить»* (Л)

Как одно из предварительных условий для решения вопроса возвращения беженцев, респондентами косвенно или конкретно высказывалось мнение о том, что возвращение беженцев было бы более реальным при условии соблюдения ими прав и обязанностей гражданина Абхазии: *«Я за возвращение беженцев с гарантированием им всех прав и обязанностей граждан, включая несение службы в абхазской армии»* (Л).

Участники попытались определить опасения грузин и абхазов в связи с проблемой возвращения беженцев. По их мнению, в основе таких опасений лежат страхи, связанные с вопросами безопасности, возможностью возобновления войны. В группе учителей было высказано мнение о том, что грузинские беженцы испытывают страх перед возвращением в места обычного проживания из-за грузинской пропаганды, связывая это, в первую очередь, с отсутствием достоверной информации о реальной ситуации в Абхазии. Одна из респонденток имела опыт общения с грузинами из Абхазии, проживающими в данное время на территории Грузии, и в силу родственных отношений имеет достаточно много контактов с ними: *«Если одна из них приезжает сюда и видит здесь реальную обстановку, она говорит, что не знает, что делать, потому что там проводится пропаганда все время о том, что абхазы их всю жизнь уничтожали, и абхазы виноваты в том, что они изгнаны. Когда она приезжает в Абхазию, она видит совсем другое и говорит, что находится между двумя огнями. Например, жители Кочар, Цагеры там не устроены, до сих пор живут в больницах, т.е. настроение у них пока воинственное. Каждое 15-ое число они грозятся, что пойдут на Абхазию. Я пока не вижу, чтобы они хотели вернуться, да и боятся пока»* (У). Некоторые участники предположили, что часть беженцев не желает вернуться из-за чувства вины и моральной ответственности за случившееся: *«Кто уверен и спокоен, ему документ не нужен, ему и уезжать не надо было. Народ его и так знает в лицо. Им нечего опасаться»* (С); *«Думаю, что те, которые здесь живут, остались потому, что не чувствуют за собой вины. Их никто не трогает»* (Ж).

В группе женщин практически все говорили об опасениях абхазов, связанных с неизбежностью войны в случае возвращения бежен-

цев. Несмотря на то, что одна из участниц привела пример межэтнической терпимости и взаимопомощи во время войны («*Когда во время войны меня вывозили армяне, мои родственники вывозили своих друзей грузин, чтобы наши не убили их, потому что была такая опасность. Как можно это забыть?*»), практически все женщины из группы выразили неверие в то, что после возвращения беженцев не возобновится ситуация, приведшая к войне и потере близких: «*Если мы на это согласимся, то через какое-то время наши дети, наши внуки будут снова вынуждены воевать. А для чего тогда все это было?!*» (Ж); «*Я не очень верю в стабильный мир, раны еще слишком свежи, и это нереально в ближайшие 10, 15, 20 лет. Пока мы видим этих мальчиков, искалеченных войной, мне кажется, не реально об этом сегодня говорить*» (Ж).

Решение вопроса о возвращении беженцев многие связывают с условиями безопасности для всего населения, а не только для определенной группы граждан. Особых гарантий личной безопасности нет и у местного населения. Если в других группах о личной безопасности говорили косвенно, то все женщины прямо указывали на неуверенность в плане личной безопасности; говорили и том, что для грузин в данной ситуации эта неуверенность удваивается: «*Я не могу быть уверена в том, что если я пойду вечером к подруге, то вернусь живая, т.е. я боюсь за свою жизнь, за жизнь своих родителей, я боюсь за жизнь своих друзей, мы не защищены сегодня от криминала. Криминал сегодня уголовно ненаказуем*». Вместе с тем, выживание и нежелание покидать свое государство в критический период воспринимается как национальная преданность и возводится в ранг личной ответственности и заслуги: «*Если мы все будем бояться и уезжать, то наше государство будет состоять только из членов правительства*» (Ж); «*Мы не защищены, но мы же не выбираем себе семью или Родину, или город, в котором мы живем...*» (Ж); «*Это не национальный же признак – безопасность, потому что все мы можем стать жертвой (не дай бог, конечно), независимо от того, грузинка я или абхазка, но для грузина эта опасность вдвойне, может быть, даже в несколько раз будет выше*» (Ж).

Большинство респондентов считают, что решать проблемы внутренней безопасности, в особенности в том, что касается беженцев,

должны представители государственных структур, однако при этом многие рассчитывают на личную инициативу по установлению необходимых мер безопасности. Данная позиция наиболее характерна для женщин. И это не вызывает удивления, поскольку активность женщин в послевоенных условиях значительно возросла, и им приходится взваливать на свои плечи заботы, которые до войны были практически чисто мужскими. Почти никто из них не назвал в качестве возможных защитников представителей мужского пола: «*Моя личная безопасность в моих руках*» (Ж); «*...Если вернется мой сосед, лично я могу гарантировать, что я ему никакого ущерба не нанесу, но за другого соседа я не могу отвечать*» (Ж); «*Эти меры, на мой взгляд, должны исходить вначале от руководства нашей Республики. Я не могу обезопасить своего соседа, который вернется сегодня из Тбилиси. Я не в силах это сделать, значит, это должны делать те структуры, которые занимаются этим по долгу службы*» (Ж). И хотя одна женщина сказала, что гарантами безопасности могли быть стать военные наблюдатели, другая выразила опасения по данному поводу, считая их присутствие возможным только в зоне безопасности: «*Иначе это будет военная диктатура*» (Ж).

Отмечалось, что для возвращения людей необходимо совершенствование структур правоохранительных органов в Абхазии, так как в нынешней ситуации «*наши правоохранительные органы не могут установить жесткий контроль даже над собственным абхазским населением, не только над теми, кого мы собираемся сюда вернуть*». Возвращение людей должно зависеть от возможностей принимающей стороны. В противном случае возвращение беженцев «*в массовом порядке будет способствовать формированию в их среде мощной организованной силы, которая в дальнейшем будет противостоять нам*» (С), что, по мнению некоторых респондентов, недопустимо.

Проблемы и условия сосуществования.

Итак, в процессе обсуждения общих представлений о проблеме беженцев респонденты вычленили следующие темы: право на возвращение лишь для отдельных категорий граждан и первоочеред-

ность права на возвращение; условия, предваряющие процесс возвращения; опасения беженцев и принимающего населения. Далее им были заданы уточняющие вопросы с целью выявления их отношения к перспективе сосуществования с грузинами. На вопрос о том, как изменится жизнь абхазов в случае появления в их среде тех категорий беженцев, возвращение которых респонденты допускают, были даны следующие ответы.

1. Некоторые участники считают сосуществование возможным при условии, что возвращение будет мирным.
2. У более взрослых участников сохранился положительный опыт совместного проживания с определенной частью грузинского населения, о котором они помнят, несмотря на прошедшую войну: *«Я совершенно спокойно их воспринимаю, потому что во времена митингов и событий 89-го года они проявили свою позицию, они вели себя как нормальные здравомыслящие люди... Когда из другого подъезда грузины шли на митинги, мои соседи смотрели на них осуждающе и высказывали свою точку зрения»* (У).

Даже обвинение части гальского населения в содействии так называемым «партизанам» некоторые респонденты посчитали не вполне оправданным, объясняя поведение гальцев их незащищенностью: *«Что касается Гали, то там люди вынуждены скрывать диверсантов, потому что иначе те их убьют. Это уже стало вопросом жизни и смерти»* (У). Уход многих представителей грузинского населения в Грузию в период и после завершения открытых боевых действий воспринимается частью респондентов как результат жизненных обстоятельств послевоенного времени: *«Я нахожусь у себя дома, и я себя свободно чувствую. Многие ушли отсюда не из-за того, что они воевали, и не потому, что их прогнали, а потому, что имеют там родителей. Многие родители беспокоились за тех, кто остался здесь, и им пришлось уехать»* (Т).

Однако были и участники, выразившие некоторый пессимизм относительно возможности нормального сосуществования.

3. Другие респонденты, в частности учителя, считают, что при правильном воспитании молодежи можно развить в молодых людях толерантность.

Вопрос о том, какой будет жизнь беженцев после возвращения и что можно сделать, чтобы они ощущали себя в безопасности, воспринимался участниками как возложение на абхазское население некой ответственности за охрану жизни приезжающих, и это вызвало у них определенное раздражение: *«Когда разговор идет об охране беженцев, мне непонятно. Кто их должен охранять?»* (Л), *«... Думаю, что не сами жители, не сам народ или мужчины должны охранять – для этого существуют структуры, которые должны обеспечивать порядок и покой народу»* (Ж); *«Охранять беженца – это не моя обязанность, это обязанность правоохранительных органов. Я даже не хочу думать о том, что буду охранять какого-то грузина от какого-то абхаза»* (С).

Необходимым условием для обеспечения безопасности тех беженцев, которые могут вернуться, по мнению участников, является установление стабильности во всех сферах, и, прежде всего, усиление внутренней власти по установлению порядка. Проблему правонарушений респонденты связывают не только с послевоенным положением Абхазии, но и с нестабильностью на всем постсоветском пространстве: *“Необходима стабильность на всей территории постсоветского пространства, а это взаимосвязано, стабильность в России, потому что все, что делается там, идет к нам волной – и в Грузию, и в Абхазию, и в Чечню»* (Ж). Необходима также стабилизация экономики, поскольку экономические проблемы сказываются на эффективности работы правоохранительных органов: *«Они должны быть материально заинтересованы. Они ведь рискуют жизнью, поэтому должны быть хорошо оплачиваемы»* (Ж). Более остро осознается респондентами и проблема собственной безопасности в связи с притоком беженцев: *«Если абхазское население не будет уверено в том, что это в их интересах, что все это им не во вред, ничто их не заставит согласиться с возвращением беженцев»* (Л).

Другим важным обстоятельством в создании условий для мирного сосуществования, по мнению опрошенных, является предварительное определение мест возвращения и решение жилищного воп-

роса: *«Весьма существенная проблема заключается в том, куда они вернуться? Ведь известно, что сегодня многие их дома заняты именно абхазским населением, поскольку дома абхазцев были разрушены. Вопрос в том, где они будут размещены? Именно тут может возникнуть конфликтная ситуация»* (С).

Со временем необходимым условием станет необходимость осознания каждым, и абхазами и грузинами, сложившейся ситуации и поиска компромиссов. В таком случае проблемы, связанные с возвращением беженцев, *«не будут стоять так остро, чтобы кто-то из-за этого сюда не вернулся»* (С), но, тем не менее, вопрос безопасности еще долгое время будет актуальным: *«Я все-таки считаю, что вопрос безопасности стоять будет. Нарушения будут носить не массовый характер, но будут инциденты. Есть люди, которые относятся к беженцам спокойно, но есть и такие, кто воспринимает их очень негативно»* (С).

По мнению участников встреч, есть проблема психологического неприятия абхазами факта возможного возвращения: *«Большая часть народа не готова к приему беженцев, не готова к тому, чтобы слышалась где-то грузинская речь»* (С); *«Если они вернуться, смогу ли я с ними жить рядом? Я не знаю, как себя поведу»* (У). Но некоторые участники считают, что данная проблема не будет столь глобальной при условии предварительного разрешения абхазо-грузинского конфликта, поскольку *«невозможно всю жизнь воевать. Надо будет как-то наладить отношения, чтобы с их стороны не было того, что было до войны, чтобы они не навязывали нам опять свой язык, не закрывали наши школы»* (С).

При условии соблюдения возвращающимися беженцами законов и уважения государственности Абхазии возрастет доверие абхазов, что будет способствовать повышению уровня безопасности грузин: *«Они вернуться жить в Республику Абхазия, где есть свои законы и свои порядки, и должны забыть своих «лесных братьев», которых по ночам кормят, а на рассвете по тропам водят. Для того, чтобы безопасность беженцев была гарантирована, они должны гарантировать Абхазии свою преданность, а не так, чтобы потом они говорили, что их напугали и им пришлось по тропам водить «партизан». Они уже один раз совер-*

шили ошибку. Где у меня гарантия, что они во второй раз с испугу в меня не выстрелят?» (Т)

Примечательно, что в некоторых высказываниях звучала обида на тех грузин, «*которые не сумели до конца донести дружбу с абхазами*» (Т). Прозвучали они в среде экс-комбатантов, у которых было много дружеских и родственных связей с грузинским населением, в силу продолжительного совместного проживания

Была и такая точка зрения: «*Пока огонь у нас внутри не утихнет, процесс возвращения невозможен. Наше поколение очень озлоблено и, может быть, мешает мирному процессу, хотя, может быть, грузинский народ и не виноват, а виновато их правительство. Нужно время*» (Т).

По мнению других участников, разговор о жизни беженцев в Абхазии неуместен, так как их возвращение абсолютно исключено. Наиболее жесткое отношение к возможному возвращению и перспективе сосуществования выразили некоторые участники афонской группы. Более сдержанное неприятие возможного сосуществования аргументировалось в этой же группе недоверием, психологической несовместимостью, опасениями и предубеждением: «*Они будут изгоями в моральном и психологическом плане. Скажем, если мы здесь собираемся, община какая-то, мы можем общаться, а грузина мы просто не примем в свой круг*» (А). Опасения связывались с тем, что опыт прошлого не дает оснований надеяться на мирное сосуществование: «*Один раз пригрели змею на своей груди, и она цапнула. Это все равно, что положить ее еще раз и ждать: укусит или не укусит*» (А). По мнению респондентов этой группы, «*отношение к беженцам не изменить никакой экономической помощью*» (А). «*Я не могу жить среди тех, кто в нас стрелял. Я не представляю свою жизнь среди них, и их возвращение для меня невысказано*» (Т); «*Допустим, я нормально отнесусь, а другой, у которого брата убили, мать, отца – он его убьет*» (Т); «*Мы также доверяли до войны тем, с кем мы жили. Многие из тех, кому мы доверяли, грузины и мингрелы, встали против нас. Я, например, полностью никогда не буду уверена в том, что такая ситуация не возникнет вновь*» (С). Менее радикальный противник возвращения беженцев предполагает, что данный вопрос должен решаться «че-

рез 40 лет. Но если мы будем продолжать жить голодные и злые, ничего не изменится» (А).

Страхи, связанные с возможной ассимиляцией, были озвучены только в группе экс-комбатантов из Ткуарчала: *«Откровенно говоря, я вообще не хочу, чтобы они возвращались. Потому что для абхазцев опять встанет вопрос ассимиляции»* (Т).

Один из студентов выразил точку зрения, что излишняя доверчивость абхазов не раз приводила народ к трагическим последствиям. В будущем он предлагал более осторожно подходить к деятельности, направленной на построение доверия. Свое отношение он определил следующим образом: *«Пока я буду жив, не буду с открытой душой полностью доверять человеку»* (С). Его поддержали еще три участника из числа студентов.

Несмотря на то, что практически все участники фокус-групп говорили о безопасности в связи с возможным возвращением грузинского населения – тщательно ранжировали тех, кто может приехать в первую очередь, либо вообще отрицали такую возможность – почти все респонденты считали, что для обеспечения безопасности принимающего населения возвращающимся нет необходимости принимать особые меры, кроме тех, что уже были названы (принятие абхазского гражданства, уважение законодательства и Конституции Абхазии и т.д.). Однако недоверие к беженцам заставляет искать и дополнительных гарантий: *«Необходимо законодательно закрепить права титульной нации»* (А).

Рассуждая о проблемах межэтнических отношений, участники практически всех групп говорили о необходимости восстановления доверия, утерянного в связи с войной и последующими событиями. В качестве возможных мероприятий в этом направлении называлась психологическая реабилитация плюс «охладительный период» времени, необходимого для преодоления психологических барьеров.

Примечательно, что наиболее активно это обсуждалось в группе студентов, которые в период войны были подростками. Несмотря на жесткость суждений в отношении возможного сосуществования, высказанных во время обсуждения предыдущих вопросов, студенты допускают, что установление нормальных отношений в будущем возможно – при условии наличия такого

желания среди беженцев и соблюдения ими приемлемых норм сосуществования.

Говоря о возможности примирения, люди старшего поколения из других групп и непосредственные участники боевых действий проводили параллели со второй мировой войной и указывали на необходимость длительного времени раздельного проживания для снятия психологической несовместимости: *«В 45-м году, если бы предложили кому-нибудь из тех, кто победил, или из тех, кто пострадал, жить в Германии, он бы сказал, конечно, нет. Сегодня, я думаю, что внуки тех, кто воевал во время второй мировой войны, с удовольствием бы уехали в Германию. Так что нужно время, чтобы наши внуки и дети захотели поехать в Тбилиси»* (Ж). В качестве такого отрезка времени участники не раз называли 40 лет, т.е. жизнь одного поколения.

Необходимым условием для восстановления доверия женщины считают предварительное разоружение. При этом никто не предполагает, что беженцы могут приехать сюда с оружием, но наличие бесконтрольного малого оружия и ношение его абхазами, по их мнению, может стать предлогом для вооружения вернувшегося грузинского населения. В данном вопросе предполагается равная для всех мера наказания со стороны правоохранительных органов, что создаст общую благоприятную атмосферу безопасности для всего гражданского населения.

Для установления доверия между грузинами и абхазами необходимо общение, при условии, что на вернувшихся не будет оказываться давление со стороны Грузии: *«Самое главное в том, чтобы ими не пытались манипулировать со стороны Грузии»* (С).

Для студентов восстановление доверия – в некотором смысле отвлеченное понятие. У них практически не сохранились в памяти положительные моменты непосредственного общения с грузинами. Многие из них с 11-ти, 12-ти лет формировались в среде постоянно-го этнического противостояния.

Следующий вопрос касался отношения участников фокус-групп к грузинскому населению, проживающему в Абхазии в настоящее время. Для того, чтобы получить объективную информацию о представлениях респондентов по этой проблеме, вопросы были сформу-

лированы так, чтобы в ответе отражалось отношение к возможности сосуществования абхазов с грузинским населением и формам такого сосуществования. Практически все респонденты затрагивали проблемы населения Гальского района, где и сегодня проживает компактно в основном грузинское население. Разговор велся в контексте того, в какой степени ощущают себя грузины сегодня в Абхазии членами единого сообщества.⁸

В начале беседы разговор шел о том, как респонденты воспринимают Гальский район и его население. *«Очень много представителей абхазских фамилий живут в Гальском районе. Часть из них считают себя абхазами, но записаны они грузинами. Другие считают себя грузинами, и такая ситуация сложилась не по их вине, такова их история. Но я считаю, что это абхазская земля, и мы никоим образом не должны позволить им отсоединить эту территорию. Я считаю, что гальцы – это граждане Абхазии».* (Ж) Респонденты центральной Абхазии (А) считают, что *«в Гале есть и друзья, и противники, явные и скрытые»* (А). То, что гальцам как неотъемлемой части населения Абхазии приходится постоянно чего-то или кого-то бояться, респонденты объяснили послевоенной ситуацией и нестабильностью в регионе, усугубляемой действиями террористических грузинских бандформирований: *«Ситуация сейчас не нормальная, но я думаю, у нас хватит сил и ума для урегулирования, и достичь этого можно с помощью встреч, обсуждений»* (У).

⁸ В настоящий период в Абхазии проживают около 80 тысяч грузин. В основном это те, кто не принимал непосредственного участия в агрессии Грузии против Абхазии. Частично, на индивидуальном уровне, безусловно, интегрирование происходит. Тем не менее, гальское население ощущает себя отторгнутым от общих социальных процессов. Требований, адресованных абхазскому правительству со стороны гальцев, практически нет, но и уровень сотрудничества почти нулевой. Гальцы ждут результатов переговорного процесса, хотя есть признаки желания более активно участвовать в социально-экономической жизни Абхазии. Показательно, например, отношение к выборам в парламент в 1996 г., когда активность избирателей из числа жителей Галского района, по мнению наблюдателей, была достаточно высокой. К сожалению, желание гальцев сотрудничать не вызвало достаточного интереса и осталось невостребованным. Тем не менее, многие понимают, что от того, в какой степени мы сможем привлечь жителей Гала, заинтересовать их в разделении общей судьбы, в определенной степени зависит будущее Абхазии.

Ситуацию, в которой сегодня находится гальское население, участники групп охарактеризовали следующим образом.

Практически все они согласились с тем, что проблема безопасности мешает интегрированию гальцев в абхазское сообщество: *«Прежде всего, там нужна безопасность, чтобы они (гальцы) чувствовали себя гражданами Абхазии»* (У). Заниматься объяснительной работой с населением, установлением мер доверия между абхазами и грузинами, могут, например, неправительственные организации. Гальцы *«должны говорить то, что они думают, и мы – то, что мы думаем. В результате чего все мы должны прийти к согласию»* (У).

Политическая неурегулированность создает ситуацию, при которой положение гальцев становится безысходным. Наибольшую озабоченность двусмысленным положением, в котором находится гальское население, высказали в основном женщины: *«Гальцы говорят, что сами не знают, где они находятся. Они говорят, что их наказывают и грузины, и абхазы»* (Ж); *«Раз они вернулись к нам, значит, хотят с нами жить, а на сегодняшний день они и сами не знают, кто они»* (Ж), *«Им некуда было деться...»* (Ж).

В целях углубления процесса интеграции гальцев, помимо необходимости решения проблемы безопасности, в качестве одной из первостепенных была названа проблема изучения родного языка (У).

Одни участники считали, что решение данной проблемы во многом определит отношение гальцев к процессу строительства абхазами нового демократического государства. Степень доверия будет зависеть от тех прав, которые абхазское государство предоставит гальскому населению. В первую очередь это относится к возможности обучения на родном (грузинском) языке. Одна из респонденток вспомнила высказывание сотрудника системы образования в Гальском районе, подтверждая, что отказ в праве на обучение на родном языке настраивает людей против абхазов: *«Но почему вы поступаете так же, как это делали в свое время грузины в отношении абхазов?»* Участница опроса подчеркнула, что не хотела бы действовать такими же методами, которые все мы недавно осуждали. *«Мне кажется, что, несмотря на политические проблемы, можно было гальцам изучать свой родной язык»* (У). Многие из

группы учителей считают, что гальцы должны изучать по желанию свой родной язык, даже если *сегодня* там нет грузинской школы: «Конечно, они должны изучать свой родной язык...» (У); «...Нельзя отнимать у народа язык...» (У).

Другие участники считают, что необходимо поощрять изучение абхазского языка, но оно не должно быть насильственно: «Конечно, не надо заставлять их так же, как когда-то абхазов, насильно говорить на абхазском языке»; «Мы должны все-таки понять, что мы абхазы, что мы должны знать свой язык и наши граждане должны его знать. А у нас, если на собрании сидит одна грузинка или армянин, мы все начинаем говорить по-русски». (У)

В основном все участники фокус-групп считают грузин, проживающих на сегодняшний день на территории Абхазии, гражданами Абхазии. Основным критерием признания за ними гражданства они считают такие качества, как преданность Абхазии, сопереживание и разделение общей судьбы в период войны. «Да, они граждане, они живут с нами, они не ушли, а остались, многие даже воевали на нашей стороне. Может у кого-то и был страх, но они все же остались и живут рядом. Думаю, что они – наши граждане» (Ж); «Их не очень много, но тех, кто остался и работает, живет и сопереживает вместе с нами, я могу назвать гражданами Абхазии» (Ж). При этом опрашиваемые уточняли, что, грузины являются гражданами Абхазии, если они подчиняются законам Абхазии и поддерживают абхазов. С другой стороны, выражались сомнения относительно их лояльности как граждан: «Камень за пазухой есть практически у каждого, это однозначно. Они тоже потеряли, как и мы, связи со своими родственниками, и, как мне кажется, многие из них живут здесь в изоляции. Если мы в изоляции, то они в еще большей» (Ж). Участники группы представителей НПО практически единогласно считают, что формально они являются гражданами, но, как заметил один из участников: «Главное, считают ли **они** себя гражданами Абхазии» (Л).

Наиболее радикальными оказались участники Афонской группы. Отрицание признания за грузинами гражданства многие обосновывали тем, что решение о возвращении многих беженцев принималось властями кулуарно, не было ни опроса общественного

мнения, ни референдума, ни освещения этого вопроса через СМИ. По мнению участников данной группы, если грузинское население Абхазии не желает интегрироваться в абхазское общество и понять абхазские ценности, то оно становится чем-то вроде пятой колонны, поскольку *«многие грузины при новом накале обстановки говорят, что свои идут»* (А); *«Я думаю, что те, кто хочет, чтобы была установлена грузинская юрисдикция, не считают себя гражданами Абхазии»* (Л).

На вопрос, считают ли сами грузины себя гражданами Абхазии, спектр мнений был такой же, как и в ответах на предыдущий вопрос. Те, кто полагают, что местные грузины считают себя гражданами Абхазии, уточняли, что не все грузины могут относиться одинаково к факту своего абхазского гражданства.

Один из группы лидеров НПО, имея в виду непризнанность абхазского гражданства международным сообществом и двусмысленность статуса Абхазии, а также сложности в связи с лишением гражданского населения права на свободное передвижение, не без сарказма отметил, что *«самим абхазам сейчас не помогает их гражданство»* (Л), поэтому сомнительно, что грузинское население захочет считать себя гражданами Абхазии.

Женщины считают, что местные грузины в основном не принимают абхазского гражданства, а признают только гражданство Грузии: *«Мне кажется, что они вообще не считают, что они граждане Абхазии, а все-таки считают себя гражданами Грузии...»*; *«Я думаю, что они заняли выжидательную позицию и считают себя гражданами Грузии»* (Ж), *«Когда мы будем жить в разных государствах, если уже об этом речь идет, в Грузии и Абхазии, то каждый будет волен выбирать то государство, законы которого ему нравятся. Люди, которые будут жить в Абхазии – это те, кто полностью согласны с Конституцией и законами нашего государства. А те, кто не согласен, сюда не приедут, раз их не устраивает наше государство»* (Ж).

Заключительная часть беседы строилась на обсуждении возможности мирного сосуществования абхазов с теми грузинами, кто проживает в Абхазии в данное время, и с теми, кто может вернуться. Участники отмечали, что вследствие войны были случаи, когда *«по*

отношению к лицам грузинской национальности были предприняты какие-то репрессивные меры, так как во время войны абхазов погибло очень много, и, естественно, это была реакция на гибель людей» (Ж). Однако та же участница отрицает возможность развития абхазского государства как моноэтнического: «Грузины, конечно же, будут здесь жить, и мингрельцы тоже, потому что невозможно сделать так, чтобы все отсюда уехали, тогда мы не будем называться демократическим государством. Можно, конечно, сделать так, чтобы здесь ни одного грузина не осталось, но нужно ли это кому-нибудь?» (Ж).

Рассуждая о возможности двойного гражданства для граждан Абхазии, в том числе грузинской национальности, респонденты высказали различные мнения. Одна из участниц высказала сомнение по поводу двойного гражданства, так как сегодня, по ее мнению, «мы вообще не являемся гражданами какого-либо государства» (Ж). Лица, отрицающие двойное гражданство, высказали следующие мнения:

- каждый должен иметь гражданство того государства, в котором он живет;
- в нынешней ситуации, когда абхамам еще предстоит отстаивать право на собственное государство, двойное гражданство невозможно;
- двойное гражданство – это хаос.
- Другие участники допускают двойное гражданство при определенных условиях:
- для определенной категории лиц (женщин, видных деятелей культуры, негрузин, представителей абхазской диаспоры в Турции, для абхазов и т.д.);
- в условиях стабильного мира;
- предлагается почетное двойное гражданство, но не юридическое.

Вопрос, допускают ли респонденты возможность двойного гражданства для грузин, не был воспринят однозначно. В группе экс-комбатантов один из участников сказал, что, признавая право на двойное гражданство для потомков махаджиров, мы тем самым

не можем лишить аналогичного права представителей других национальностей, в том числе и грузин: *«Не может быть так, чтобы закон писался, допустим, для 25 процентов населения»* (Т). Но другой из участников этой же группы считает, что нельзя ставить на одну доску проблемы махаджиров, не имеющих иной родины, и грузин, которые имеют возможность выбора: *«Если грузин хочет общаться со своими родственниками в Грузии, пусть будет закон, который даст ему возможность свободно передвигаться»*.

В целом участники негативно отнеслись к возможности двойного гражданства для местных грузин. Однако некоторые респонденты видят решение вопроса об институте двойного гражданства лишь в контексте политического разрешения грузино-абхазского конфликта: *«Все зависит от того договора, который мы подпишем: будет ли Абхазия независимой, или же будет какое-то совместное государство»* (Л). В случае же признания Абхазии независимой, некоторые участники признают право на двойное гражданство для тех грузин, которые *«не имели ни прямого, ни косвенного отношения к войне»* (Т); *«Они могут оставаться гражданами Грузии и в то же время быть гражданами Абхазии»* (Л).

И только один из участников видит в двойном гражданстве положительный фактор: *«Не только допускаю, но и приветствую двойное гражданство, так как признание двойного гражданства для населения Абхазии автоматически свидетельствует о статусе независимого государства. Двойное гражданство может быть только тогда, когда признаны оба государства – например, Абхазия и Грузия»* (Л).

Резюме

Опрос общественного мнения, выполненный методом фокусированной групповой дискуссии, дал возможность выявления общественного мнения в определенном социальном разрезе по проблеме беженцев и грузин, проживающих в Абхазии.

Спектр представлений о статусе беженцев или перемещенных лиц незначителен. Часть респондентов отрицает применимость

термина «беженец» к грузинскому населению, так как грузины не являются, по их мнению, коренными жителями Абхазии. В результате конфликта они были вынуждены вернуться на свою историческую родину, и часть опрошенных воспринимает данный процесс как репатриацию. Другие респонденты считают проблему беженцев частью неразрешенного конфликта и объектом политического манипулирования. При этом практически все опрошенные выражали возмущение тем, что под беженцами всегда понимают только грузинское население, в то время как существуют и представители других национальностей, вынужденно покинувшие пределы Абхазии в период боевых действий. Они также находятся в ожидании изменения политической и социально-экономической ситуации для возвращения и реинтеграции в общество. Не менее актуальной для опрошенных является и проблема репатриации потомков абхазов, насильственно переселенных в конце 19-го века в Турцию и страны Ближнего Востока. Что касается грузинских беженцев, то были высказаны следующие идеи: возможно возвращение только тех, кто, например, находится за пределами Грузии, тех, кто жил в Абхазии до сталинских времен, и, главное, тех, кто не причастен к войне ни прямо, ни косвенно, членов смешанных семей, гальцев.

В качестве предварительного условия их возвращения называлось политическое урегулирование конфликта. Политическое урегулирование воспринимается респондентами как признание равноправия с Грузией и признание независимости Абхазии. Только после этого, по мнению респондентов, можно начинать поэтапное возвращение беженцев. Возвращение должно быть добровольным и происходить в соответствии с соглашениями, подписанными обеими сторонами. Возвращение беженцев будет возможно при условии, что они признают юрисдикцию Абхазии, примут абхазское гражданство и будут уважать законодательство Абхазии. Этот процесс должен происходить при условии соблюдения процедурных формальностей, связанных с регистрацией под жестким контролем. Отмечалось, что это процесс будет длительным. Респонденты назвали другие условия, необходимые для обеспечения процесса возвращения: решение проблемы безопасности и экономическое вос-

становление. Указывалось на необходимость создания равных прав и сбалансированного подхода со стороны международного сообщества к возвращающимся беженцам и принимающей стороне, как в плане политических прав, так и в отношении экономических возможностей. В основном, разговор шел о решении экономических проблем, в частности, проблем жилья. В преодолении разрухи и установлении экономической стабильности некоторые участники видят реальный выход из кризиса, когда конкуренция из этнополитической сферы перерастет в экономическую. В связи с этим говорилось о необходимости принятия решения на межправительственном уровне о предварительной компенсации ущерба, нанесенного войной.

В качестве опасений, которые могут испытывать беженцы при принятии решения о возвращении, участники называли страх, связанный с отсутствием условий безопасности, возможностью возобновления военных действий. Немалую роль в поддержании этих опасений играют отсутствие достоверной информации о реальной ситуации в Абхазии, грузинская пропаганда, а также естественная тревога самих беженцев из-за чувства вины и моральной ответственности за случившееся в период войны.

Опасения же абхазов в первую очередь связаны с возможностью возобновления войны в случае массового возвращения беженцев. Тревогу вызывает и перспектива резкого изменения демографической ситуации. Вопрос возвращения беженцев многие связывают с общей ситуацией, когда представители двух конфликтующих сторон не доверяют друг другу.

Тем не менее, часть респондентов считает возможным сосуществование абхазов и грузин в случае их мирного возвращения. Участники опроса постарше считают, что, при соблюдении указанных выше условий, предворяющих возвращение, необходимо способствовать развитию нормальных взаимоотношений с теми, кто сможет вернуться, делая акцент на молодежь.

По мнению респондентов, проблемы безопасности должны решать в первую очередь представители государственных структур. Поэтому необходимо совершенствование местных правоохранительных органов для поддержания стабильной ситуации после возвра-

щения. Однако в связи с неуверенностью в эффективности правоохранительных органов многие возлагают надежды только на свою личную инициативу.

Те участники, которые вообще не допускали возможность возвращения грузинских беженцев, мотивировали это невозможностью мирного сосуществования, опираясь при этом на опыт прошлых лет, психологическую несовместимость, опасения, связанные с возможной ассимиляцией, и т.п. Они допускают возможность решения проблемы возвращения по истечении определенного времени, чаще всего назывался отрезок в 40 лет.

Все участники понимали, что будущее процесса возвращения и реинтеграции беженцев в абхазское сообщество зависит от того, как сложатся отношения между грузинами, проживающими сегодня в Абхазии, и остальным населением, в частности с абхазами. Обсуждение данного вопроса неизбежно возвращало разговор к гальскому региону, так он является определяющим в развитии дальнейших взаимоотношений двух народов.

В связи с нерешенностью многих политических проблем, по поводу двойного гражданства участники высказывались осторожно. Большинство признавало безоговорочное право на двойное гражданство для представителей абхазской диаспоры. Некоторые допускают предоставление такого права и грузинам, в случае признания ими Абхазского государства. Один из участников, наоборот, считает, что принятие абхазского гражданства грузинами автоматически означает признание ими Абхазского государства.

Таким образом, опрос показал, что проблема возвращения грузинских беженцев воспринимается респондентами достаточно остро. Участники опроса допускают возможность возвращения при выполнении предварительных условий, которые могут послужить, с их точки зрения, гарантией безопасности, как для принимающего населения, так и для самих возвращающихся. Основным таким условием является, по мнению большинства, политическое урегулирование конфликта.

Нодар Сарджвеладзе, Дареджан Джавахишвили,
Теймураз Сихарулидзе
Фонд развития человеческих ресурсов

БЕЖЕНЦЫ О ПРИМИРЕНИИ, БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЗВРАЩЕНИИ В АБХАЗИЮ

Грузино-абхазский конфликт относится к разряду затянувшихся, хронических конфликтов, *разрешение* которых представляется как нечто невысказанное. Невысказанность разрешения данного конфликта становится очевидной, как только поставим весьма простой вопрос: каковым будет конечный результат разрешения – восстановление территориальной целостности Грузии за счет ликвидации независимости Абхазии *de facto* или обеспечение независимости Абхазии за счет лишения Грузии ее законной претензии на восстановление территориальной целостности? Поставив вопрос подобным образом, модель разрешения придумать невысказанно. В таком случае можно предложить другой оптимистический вариант – говорить уже не о разрешении, а о *трансформации* конфликта. Но и тут возникают вопросы, ответы на которых пока что далеки от ясности и четкости. Например, можно задать вопрос: в чем возможно трансформировать грузино-абхазский конфликт, во что реализуется эта трансформация и что является ее конечным пунктом? Нам, по крайней мере, не известны ответы на эти вопросы.

Можно выделить три центральных противоречия, определяющих на данный момент невозможность разрешения или трансформации* конфликта:

- независимость Абхазии и территориальная целостность Грузии;
- закрытость абхазского общества и открытость грузинского;
- ориентация Грузии на Запад и ориентация Абхазии на Север.

* Мы воздерживаемся от применения термина “регуляция конфликта” в силу его расплывчатости.

Каждое из этих противоречий по-своему влияет на жизнь грузинских беженцев из Абхазии и абхазского населения в Абхазии. Поэтому рассмотрим вкратце каждое из них и лишь после этого попытаемся изложить материалы эмпирического исследования.

1. Независимость Абхазии и территориальная целостность Грузии. Это, пожалуй, самое непримиримое противоречие. Провозгласив декларацию о независимости Абхазии, абхазский народ окончательно засвидетельствовал стремление к самоутверждению своей этнической идентичности. Такое самоутверждение стоило им жизни многих братьев и сограждан, ибо цена независимости высока и требует больших жертв. Высокая степень виктимизации общества в сочетании с синдромом победы плюс жизнь в условиях блокады, экономического кризиса и социальной обездоленности создает в Абхазии весьма трудные условия жизни. Налицо страх потери, утраты, ибо приобретенную независимость следует всеми усилиями сохранить. А там, где прилагаются чрезмерные усилия по сохранению приобретенного, страх утраты диктует свои правила действия. С этой позиции понятен и тот страх, которые испытывают абхазы при рассмотрении перспектив и вариантов возвращения грузинских беженцев. Возвращение беженцев связано со страхом не только потери безопасности и возникновения новых столкновений, но и потери с трудом и кровью приобретенной государственной независимости (например, в случае возвращения беженцев грузины могут скоро оказаться демографическим большинством, что повлияет на процессы распределения политической власти и т.д.).

С другой стороны, Грузия, потеряв в результате жестокого конфликта территории как в Абхазии, так и в Южной Осетии, является жертвой имперских амбиций России, так как в грузинском общественном сознании доминантной идеей является то, что Грузия вела войну не с абхазами, а с Россией. Абхазы и осетины выступают в качестве козырных карт в имперской игре России на Кавказе, и в частности, в Грузии. Ощущение жертвенности, т.е. та самая же виктимизация бытия и сознания, плюс синдром поражения плюс фрагментация грузинского общества и внутривосточная борьба плюс социально-экономический кризис и огромные масштабы коррупции создают тяжелейшие материальные и духовные условия жизни населения

в целом и беженцев-изгнанников из Абхазии в особенности. В сознании гражданина доминирует феномен потери и утраты. Следовательно, налицо стремление возвратить потерянное, восполнить утрату и восстановить целостность страны, обеспечив возвращение многотысячной армии беженцев-изгнанников в родные дома и к родным могилам. На одном полюсе – страх потери у абхазов, на другом полюсе – стремление возвратить потерянное у грузин.

Радикальные варианты – такие, как отказ Абхазии от декларированной ею государственной независимости или отказ Грузии от декларированной ею стремления восстановления территориальной целостности страны – с вытекающими из них правовыми вопросами государственного устройства, гуманитарными проблемами возвращения беженцев и т.д. представляются совершенно невыполнимыми. На одном полюсе противоречия – независимость Абхазии, на другом – территориальная целостность Грузии. Эти два полюса взаимно исключают друг друга, и в обозримом будущем не вырисовывается промежуточный пункт, который либо смягчил бы противоречие, либо снял его путем выработки совершенно нового, альтернативного варианта видения проблемы. В таком случае народная дипломатия может сыграть балансирующую роль, когда неразрешимость ситуации компенсируется гуманными, конструктивными и толерантными межличностными или межгрупповыми отношениями рядовых граждан.

2. Закрытость абхазского и открытость грузинского обществ.

Абхазия вынуждена занимать агрессивно оборонительную позицию, дабы защитить и сохранить декларированную государственную независимость при условии, что она не признана международным сообществом. Являясь самопровозглашенной республикой, она должна находить самодостаточные основания независимости внутри своего общества, замыкаясь в процессе самоутверждения государственной идентичности на внутренние ресурсы и механизмы управления. Границы социума жестко ограничены, научное и повседневное сознание занято поиском разных версий, мифологем или исторических схем, подтверждающих самодостаточность декларированной государственной независимости. Чем больше абхазская интеллигенция и правящие круги пытаются прорваться на международную информационную арену с целью исторического или иного доказательства

законности их независимости, тем более они становятся зависимыми от своих предвзятых схем мышления и еще более ограждают себя от внешнего мира. В современном мире глобализации и всеобщей взаимозависимости усиленное акцентирование независимости как основного ценностного ориентира выглядит анахронизмом. Жизнь в условиях блокады и борьба за выживание, неоднозначное отношение международных организаций к Абхазии, сложная военная ситуация на Кавказе и многое другое вынуждает абхазский этнос жить в условиях закрытости и самоизоляции. Но это не только вынужденный образ жизни, но и своеобразный выбор народа и правящих кругов.

Грузинское общество строится по принципу открытого общества. Великий Шелковый Путь, нефтепровод Баку-Джейхан и множество международных проектов, в которые совместно с Грузией вовлечены многие восточные и западные страны, превращают Грузию в равноправного партнера открытого пространства крупных проектов и крупномасштабных рыночных отношений. Огромное количество молодых людей получают образование на Западе, активно включаются в политическую и интеллектуальную жизнь общества и приносят в нее ценности открытого общества. Политический плюрализм достигает гипертрофированно огромных масштабов. Свободная пресса, множество западных, российских, тбилисских и региональных телеканалов, тотальный дух критики всех и вся, начиная от президента Грузии и кончая коммунистическими ретроgrадами, огромное количество неправительственных организаций, как в Тбилиси, так и в регионах – все это вместе взятое плюс жесткие политические баталии между огромным количеством политических партий и организаций во время президентских, парламентских и региональных выборов определяет степень чрезмерной открытости и прозрачности общества. Такая чрезмерность порой достигает критической точки, за которой начинается хаос. С другой стороны, в силу огромных масштабов коррупции наблюдается полный застой в плане экономического развития страны, энергетический кризис, экзистенциальная заброшенность человека в мире без гарантий и элементарной защищенности. Беженцы составляют наиболее уязвимую часть данного общества. Однако если поставить мысленный эксперимент и

представить их возвращение в Абхазию, то надо полагать, что они привнесут с собой туда нормы и ценности открытого общества и им будет трудно жить в условиях закрытого общества абхазского этноса, в ситуации полного единомыслия и информационной скудности или однообразия.

3. Ориентация Грузии на Запад и ориентация Абхазии на Север. Непримируемыми являются прозападная ориентация Грузии и просеверная ориентация Абхазии. Как бы не стремилась Абхазия доказать свою волю к независимости, она все-таки является заложницей русских политических кругов и объектом манипуляций со стороны имперской военной машины.

Грузия все чаще заявляет о своей прозападной ориентации и делает в этом направлении уверенные шаги. Вступление в Евросоюз, партнерство со странами НАТО и множество других моментов недвусмысленно указывают, что Грузия предпочитает жить по “образу и подобию” Запада, стремясь сохранять при этом добрососедские политические, экономические и культурные отношения с Россией.

Жизнь грузинских беженцев из Абхазии, их центральная задача и стремление – возвратиться к родным очагам, их надежды и чаяния проходят под знаком указанных противоречий.

Теперь рассмотрим результаты эмпирического исследования.

Предмет и метод исследования

Исследование проводилось в центрах компактного проживания беженцев* в городах Тбилиси и Зугдиди методом фокус-групп. О применении данного метода для оценки эффективности народной дипломатии мы писали в одном из предыдущих сборников. Проводилось 12 фокус-групп по 8-10 человек в каждой. Фокусированная групповая дискуссия проводилась отдельно с мужчинами и женщинами. В итоге, 6 женских и 6 мужских групп охватили 108 участников групповых фокусированных дискуссий-опросов. Ими были исклю-

* Мы для удобства употребляем в данном тексте слово “беженец” в самом широком смысле, как оно употребляется в народе. Поэтому здесь неуместно разграничивать общеизвестные понятия “вынужденно перемещенные лица”, “внутренне перемещенные лица” и т.д.

чительно беженцы из Абхазии (из Сухуми, Гагры, Гали, Очамчире и т. д.). Возраст респондентов – от 22 до 60 лет.

Групповые дискуссии фокусировались на следующих темах:

- нужды и проблемы беженцев;
- долгосрочные планы и цели жизни;
- краткосрочные планы и цели жизни;
- действия беженцев, направленные на решение проблем и достижение краткосрочных и долгосрочных планов и целей жизни;
- как беженцы понимают народную дипломатию;
- как грузины и абхазы могли бы взаимно заботиться о безопасности друг друга в случае возвращения беженцев;
- восприятие беженцами идентичности абхазцев;
- вопрос о гражданстве грузин в случае возвращения беженцев;
- что будет предпринято в случае невозвращения беженцев в Абхазию.

Нужды и проблемы беженцев

Обсуждая тему нужд и насущных проблем, беженцы в первую очередь отмечают:

- материальную беспомощность,
- безработицу,
- отсутствие зарплаты.

Беженцы упоминают потенциальную угрозу голода. Если женщины обвиняют в этом преимущественно то правительство, то экономическую ситуацию в стране, мужчины подчеркивают также и чувство личной вины и неудачи (“Мне стыдно перед моим ребенком, что нет у нас дома и остался он без кровли.” *Мужчина*). Мужчины отмечают, что из-за материальных проблем молодые мужчины не решаются создать семью.

Если мужчины, в основном, говорят о том, как бы “накормить” семью, то женщины больше беспокоятся о том, чтобы ребенок получил соответствующее образование. Беженцы – и мужчины, так и женщины – как бы отчуждены от личной жизни и основную ставку делают на воспитание детей.

Ясно вырисовывается тема отчуждения от общества и от городского социума, где они вынужденно проживают (“Здесь нет ничего моего: ни комнаты, ни кровати, ни стакана, все чужое...” *Мужчина*). Изолированность и оторванность от общества – часто затрагиваемая тема (“Никто не думает о том, что мы здесь переживаем.” *Женщина*).

На этом фоне совершенно четко подчеркивается значимость проблемы возвращения в Абхазию (“Моя единственная проблема – возвращение.” *Женщина*). Вместе с тем, в плане возвращения в Абхазию у многих отмечается потеря надежды, а у некоторых – парадоксальный, ничем не обоснованный оптимизм. Спектр эмоций в связи с вопросом возвращения довольно разнообразен. Отмечаются ностальгия, пессимизм, оптимизм, страх, агрессия, надежда, фрустрация, патриотический пафос, грусть, сожаление и т.д.

И женщины, и мужчины особо подчеркивают, что они страдают чувством беспомощности и ущемленного личного достоинства (“Мы не можем решить ни одну проблему... Во всем мы беспомощны...” *Мужчина*. “Унизительно быть беженцем... Есть такой комплекс беженца, вот мы им и страдаем... Моему ребенку 6 лет, и он уже страдает этим комплексом...” *Женщина*). Чувство никчемности и ненужности, ощущение того, что являешься лишним грузом для общества – все это тяжелым бременем лежит на душе беженца (“Ничего не могу сделать, никому я не нужен, никакого прока от меня ни моим друзьям, ни государству. Причина в том, что я потерял надежду...” *Мужчина*).

Беженцы весьма отрицательного мнения о правительстве, центральных и местных органах управления. Им присуще тотальное недовольство властью, политическими лидерами Грузии и Абхазии. Тема недоверия властным структурам довольно часто звучит в их разговорах (“Я не могу назвать наше правительство правительством...” *Женщина*). Беженцы часто отмечают, что нерешенность проблемы возвращения беженцев к родным очагам опреде-

ляется неправильной политикой правительства Грузии (“Пока существует это правительство, мы не сможем вернуться в Абхазию.” *Мужчина*).

Кроме указанных проблем, беженцы жалуются на невозможность решения проблем со здоровьем, лечением и т.д.

Долгосрочные планы и цели жизни беженцев

Во время групповых фокусированных дискуссий был поставлен вопрос о жизненной перспективе, о будущем и о планах или целях на ближайшее 10-летие. Следует отметить, что беженцам часто не удается сформулировать сколько-нибудь четкую картину будущего и перечислить осуществимые долгосрочные цели и планы жизни. Целевая установка беженца полностью определена идеей возвращения на родину. Слово “возвращение” стало обиходным словом, означающим преимущественно один сегмент желаемой реальности – заново начать жизнь в Абхазии, вернуть себе потерянное, возобновить вынужденно прерванный поток “райской” жизни. Бегство в прошлое доминирует над нацеленностью на будущее. Более того, прошлое “переносится вперед” и будущее мыслится как повторение прошлого. В грузинском обществе – в средствах массовой информации и в политических кругах – фигурируют два выражения – “возвращение Абхазии” и “возвращение в Абхазию”. Первое связано со стремлением восстановить территориальную целостность и политически воссоединить Абхазию с Грузией, второе же означает стремление беженца вновь начать жизнь у родного очага. Хотя эти два смысла друг с другом связаны и никак друг друга не исключают, однако, по нашим личным наблюдениям, беженцы употребляют слово “возвращение” (“Когда будет возвращение...” и т. д.) преимущественно в значении “возвращения в Абхазию”.

В силу того, что основное стремление, связанное с возвращением, фрустрировано, разговор о личных целях и планах жизни вызывает в них тревогу. Защищаясь от этой тревоги, они весьма часто переводят разговор с целей на личные желания и надежды. При этом можно уловить своеобразный механизм защиты от тревоги, условно

названный нами глобализацией: личные цели заменяются желаниями и мечтаниями, относящимися не столько к собственно личной жизни, сколько к надличностным, более общим или глобальным аспектам жизни общества или страны (“Пусть Грузия будет спокойной страной, пусть не будет такого хаоса и народ живет в мире и довольстве, чтобы все грузины имели нормальную жизнь... Человечеству нужен мир...” *Женщина, комментарий к вопросу: “Ваши личные цели и планы на ближайшее десятилетие”*).

Если женщины в плане 10-летней перспективы говорят о возвращении, то в речи мужчин, кроме того, прозвучала тема профессиональной самореализации. В отличие от женщин, некоторые мужчины отметили, что могут внести свой вклад в дело возвращения. Однако следует подчеркнуть, что перспектива возвращения часто упоминается в имперсональной тональности, когда желание возвращения формулируется не в первом лице, а в абстрактном 3-ем лице (“Пусть нас возвратят в Абхазию...”). Мужчины чаще, чем женщины, упоминали во время разговора о будущем в терминах ностальгии о прошлом (“Если я был бы президентом, я возвратил бы людям уровень жизни 20-летней давности...” *Мужчина*).

И женщины, и, в особенности, мужчины рассматривают перспективу на следующее 10-летие с точки зрения следующей опасности: если возвращение в Абхазию не состоится, то молодежь потеряет желание вернуться в Абхазию (“Возвратимся на нашу родину. Тбилиси тоже наша родина, но здесь я не чувствую, что живу на родине, как чувствовал это в Абхазии... Это постоянно забывает молодежь...” *Мужчина*. “Те, которые здесь родились, больше любят Тбилиси, чем родной дом в Абхазии.” *Мужчина*). Многие отметили, что если не вернуться в Абхазию, то их жизнь потеряет всякий смысл и полностью разрушится.

В отличие от мужчин, женщины более однозначно высказали свои опасения по поводу совместной жизни с абхазами после возвращения. Они подчеркнули, что на начальном этапе возвращения не заберут с собой детей, так как не будет никаких гарантий безопасности. Мужчины же по поводу возвращения и совместной жизни высказывались на повышенной оптимистической тональности (“Когда возвратимся, будем наслаждаться воздухом, садами и фруктами

Абхазии. Нам ничего не нужно, мы сами все обустроим, не хотим ни помощи, ни денег ни от кого...” *Мужчина*).

Итак, душа беженцев не совсем открыта будущему, они не ставят долгосрочных целей и не планируют жизнь, связывая все надежды с возвращением в Абхазию. Поэтому о каких-либо перспективах стабилизации жизни беженцев или их интеграции в общество говорить трудно, ибо важным стабилизирующим фактором жизни является целеполагание, краткосрочное и долгосрочное планирование будущего.

Краткосрочные цели и планы жизни в трехлетней перспективе

Резистентность беженцев-участников фокус-групп относительно построения перспективных жизненных планов и целей относится не только к весьма отдаленному 10-летнему периоду будущей жизни. Такая же резистентность свойственна им при формировании целей и планов на ближайший трехлетний период.

И тут перспектива жизни мыслится в рамках все того же возвращения. Вырисовываются две тенденции: одни считают, что возвращение состоится в ближайшее трехлетие, другие же считают, что при данном правительстве и президенте возвращение никак не состоится. Некоторая часть женщин (особенно женщины из Гали, проживающие в Тбилиси) подчеркивают, что они хотели бы интегрироваться с местным (тбилисским) населением, дабы приблизить свою жизнь к каким-то городским стандартам. Но это желание формируется в такой лексической и грамматической форме, которая указывает на труднодоступность его осуществления: “Хотела бы, чтобы человек чувствовал себя так же, как местный житель.” (*Женщина*. В этом предложении личное желание высказывается через чувства абстрактного “человека”).

Житейские планы на ближайший 3-летний период у женщин в основном сконцентрированы на обеспечении образования для детей, тогда как мужчины в большей степени подчеркивают стремление найти подходящую работу для обеспечения семьи пропитанием, топливом и необходимыми элементарными условиями жизни.

Пути осуществления планов и разрешения проблем

Участникам фокусированных дискуссий был поставлен вопрос о том, как они намерены предпринять что-либо для разрешения перечисленных им проблем и достижения упомянутых им целей жизни.

Обсуждение путей достижения целей жизни и разрешения проблем обычно начинается с критики грузинского правительства, выражения недовольства окружением и средой (“В этой среде я не смогу достичь своих целей...” *Мужчина*. “Пусть сначала правительство делает нормально и хорошо все, что оно должно делать, а мы, народ, за ним последуем...” *Женщина*). Многие считают, что “даже если иметь солидные деньги, большое дело развернуть не дадут. А если начать малое дело, то сильно зажмут.” (*Мужчина*) Ответственность за осуществление или неосуществление жизненных целей налагается на внешний фактор, на государственные структуры или социально-ситуативные факторы и, говоря языком социальной психологии, при поиске путей разрешения жизненных проблем превалирует экстернальный фокус контроля действия. В этом плане мнения мужчин и женщин-беженок не расходятся. Они часто высказываются в пользу необходимости смены правительства. Некоторые мужчины считают важным развернуть с этой целью пропагандистско-агитационную деятельность. Женщины говорят, что надо требовать от правительства и заставлять его решать проблемы народа, обеспечить возвращение в Абхазию.

Как женщины, так и мужчины отметили, что возвращение в Абхазию должно произойти мирно. Однако определенная часть мужчин отмечает, что в случае необходимости будут воевать. Женщины же свой удел видят преимущественно в уступках противоположной стороне, но одновременно отмечают важность взаимных уступок. Как женщины, так и мужчины отмечают важность народной дипломатии для урегулирования отношений между грузинами и абхазами.

Обсуждая пути разрешения проблем, женщины-беженки затронули тему регуляции отношений с коренным местным населением (тбилисцами, зугдидцами и т.д.), которые сложились под знаком оп-

ределенной напряженности. Женщины отмечают необходимость уступок в проблемных ситуациях с местным населением.

Как женщины-беженки, так и мужчины-беженцы при упоминании решения личных и семейных проблем часто прибегают к наклонению, в котором субъект находится в пассивной позиции и полностью зависит от внешних ситуаций и решений других (“Если кто-то мне предложит хорошее дело, я всегда готов...” *Мужчина*. “Пусть мне дадут работу, и буду работать...” *Женщина*). Они часто отмечают, что честно трудятся, стараются как могут, однако все впустую: усилия не приводят к результату. Безрезультатность жизни и деятельности укрепляет внутренние барьеры к построению жизненных планов и целей на будущее, заставляя беженцев плыть по течению.

Мужчины при перечислении путей разрешения проблем упомянули вариант поиска местных спонсоров или меценатов, которые обеспечат беженцев питанием. Как мужчины, так и женщины важным средством разрешения проблем считают воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма.

Народная дипломатия

Следует отметить, что определенная часть участников групповых дискуссий не имеет четкого представления о том, что же такое народная дипломатия. Однако мужчины чаще, чем женщины, давали позитивную оценку народной дипломатии. В женских же группах прозвучали оценки типа: “Народная дипломатия – капля в море” и т.п. Беженцы уделили внимание вопросу правильного подбора контингента для встреч с грузинской и абхазской сторонами. Например, было подчеркнуто значение встреч старейшин. Женщины выдвинули предположение об эффективности женских народно-дипломатических встреч.

Как мужчины, так и женщины неоднократно подчеркивали, что в Грузии и Абхазии существуют силы, которые не устраивают процесс примирения грузинского и абхазского народов, и эти силы будут создавать помехи народно-дипломатическому процессу.

При обсуждении процесса примирения в высказываниях беженцев всплыл такой мешающий фактор, каким является внедрение аб-

хазами в сознании подрастающего поколения ненависти к грузинам (“В течение многих лет внедряли абхазы ненависть к грузинам. Когда они баюкают ребенка, а ребенок не хочет заснуть, его пугают – засни, а то грузин придет!” *Мужчина*). Отсюда следует, по мнению какой-то части беженцев, что народная дипломатия бессильна.

Вместе с тем была сформулирована идея о том, что народная дипломатия нужна для преодоления страха сторон друг перед другом и нахождения общего языка.

Совместная мирная жизнь, восстановление доверия

Беженцам предлагалось высказаться по поводу воображаемого возвращения в Абхазию и представить модель мирного сосуществования грузин и абхазцев в Абхазии. Они могли высказаться о мерах построения мостов доверия между противостоящими сторонами.

Во время обсуждения вопроса о сосуществовании была выдвинута тема взаимного страха абхазцев и грузин. В связи с проблемами снятия такого страха и обеспечения безопасности была даже высказана идея о том, что в течение 1-2 лет после массового возвращения беженцев в Абхазии следует ввести военный режим. Часть мужчин отметила, что те, кто потерял близких во время войны, друг с другом не помирятся. По их мнению, в кавказском сознании глубоко коренится чувство мести, которое будет препятствовать процессу примирения.

Определенная часть беженцев считает, что, как только они возвратятся в Абхазию, многие абхазцы, участвовавшие в военных действиях, а также армяне, адыгейцы и т.д., покинут Абхазию. Взамен возвратятся “хорошие” абхазцы, покинувшие Абхазию вместе с грузинами и проживающие в России.

Мужчины-беженцы высказали предположение, что после возвращения беженцев абхазцы компактно переселятся в Гудаутский район, а грузины будут проживать в Гали, Очамчире и Сухуми. Ситуацию же будет контролировать совместный грузино-абхазский патруль.

Некоторые мужчины отметили, что для совместной мирной жизни важно объяснить народу: конфликт был навязан внешними силами, грузинский и абхазский народы невиновны в разжигании войны.

За такими высказываниями, безусловно, лежит тенденция к коллективному снятию ответственности и перекладыванию вины на других, основанная, в свою очередь, на весьма наивном предположении: если народы создадут образ общего врага, виновного в их страданиях и разжигании войны, то они легко примирятся и смогут наладить доверительные отношения. Однако среди беженцев существует и прямо противоположная позиция, и она часто звучит не только в подобных фокус-группах, но и на самих разнообразных встречах: грузины и абхазы виноваты друг перед другом, обе стороны должны признать свою долю вины и покаяться, что и приведет к примирению. Если выше мы говорили о тенденции к коллективному снятию ответственности, то в этом случае можно говорить о совершенно противоположной тенденции – к максимально коллективному взятию на себя ответственности и покаянию. В речи беженцев можно наблюдать случаи, когда эти обе тенденции высказываются одним и тем же лицом в рамках одной беседы.

Женщины-беженки подчеркнули важность восстановления юрисдикции Грузии в Абхазии. При этом они однозначно высказались за то, чтобы были разработаны законы, которые бы обеспечили полное равноправие грузин и абхазцев.

Часть мужчин считает, что вопрос о возвращении невозможно решить без оружия и без войны (“Утерянное на войне надо вернуть войной...” *Мужчина*. “Для Грузии важнее вернуться с войной и победить.” *Мужчина*).

Мужчины особое внимание в деле построения мостов доверия уделили роли народно-дипломатических встреч старейшин.

Как женщины, так и мужчины в качестве помехи и деструктивного момента отметили неприязнь и ненависть абхазцев к грузинам. Считая, что абхазы воспитывают своих детей в духе ненависти к грузинам, они считают важным фактором установления доверительных отношений воспитание будущего поколения в духе толерантности.

Некоторые мужчины высказывали предположение, что возвращение беженцев может осуществиться под диктовку русских. В таком случае трудно говорить о потенциале совместной жизни – грузинские и абхазские общины придется расселить отдельно (вариант “абхазцы в Гудауте”).

Женщины подчеркивали свою заботу о сохранении идентичности и чувства собственного достоинства при совместной грузино-абхазской жизни в Абхазии (“Я буду грузином, а ты абхазцем... Этого надо достичь совместными усилиями. Ни он не должен пострадать, ни я.” *Женщина*).

Для восстановления доверия между сторонами некоторые участники фокус-групп подчеркнули важность смены абхазского правительства, выбора разумного лидера, проведения демократических выборов. Вместе с тем было отмечено, что абхазы должны иметь соответствующие их общему количеству места в парламенте.

Взаимная забота о безопасности

Безопасность – центральная проблема взаимоотношений сторон. Ситуация «ни войны, ни мира», характерная ныне для грузино-абхазского пролонгированного конфликта, периодически обостряется. Это, в свою очередь, связано с крупномасштабными разрушениями и человеческими жертвами, из-за чего каждый раз процесс примирения сторон откладывается. Безопасность предстанет еще более острой проблемой, если действительно начнется процесс массового возвращения беженцев в Абхазию. Беженцы часто отмечают, что главный вопрос – это обеспечение безопасности беженцев после возвращения. Они четко осознают, что в такой же безопасности будут нуждаться абхазы. Действительно, трудно мыслить обеспечение безопасности, полагаясь только на государственные органы правопорядка и полицию. Народ должен помогать властям; более того, если возвращение беженцев действительно состоится, граждане с противостоящих сторон смогут достичь необходимого уровня безопасности лишь общими усилиями. Если абхазы будут заботиться только о безопасности абхазского населения, не заботясь о безопасности возвратившегося грузина, а грузины будут прилагать усилия по обеспечению безопасности только грузин, никак не заботясь о безопасности абхазского населения, то такая ситуация будет моделью своеобразного взаимного “коллективного эгоизма” в сфере обеспечения безопасности. Стабильная безопасность, видимо, достижима в случае взаимной заботы обеих сторон. Исхо-

дя из этих предположений, респондентам были поставлены вопросы о том,

- а) что должны предпринять грузины, чтобы обеспечить безопасность абхазцев после возвращения беженцев;
- б) что должны предпринять абхазцы, чтобы обеспечить безопасность грузин после их возвращения в Абхазию.

А. Что должны предпринять грузины, чтобы обеспечить безопасность абхазцев.

При такой постановке вопроса женщины-беженки развернули следующие суждения:

- надо разработать недискриминационные законы, обеспечивающие равноправие сторон;
- надо создать совместную полицейскую и армейскую службу для поддержания правопорядка;
- не надо задевать самолюбие абхазского народа, следует беречь их систему самоуважения;
- не надо возвращаться к старым обидам, надо ориентироваться на прощение и уступки.

Мужчины-беженцы отметили:

- на правительственном и народно-дипломатическом уровне, а также на уровне силовых структур надо достичь договоренности о гарантиях безопасности и контролировать ее соблюдение;
- не следует говорить абхазцам унижающие их достоинство слова, допускать некорректных и унижительных поступков, в противном случае они ответят тем же, что может вызвать напряжение;
- возвратившиеся грузины не должны допускать фактов беспричинной агрессии в отношении невинных абхазцев;
- надо ориентироваться на прощение и взаимные уступки;
- надо оказывать публичное покровительство абхазцу, если он находится под угрозой со стороны грузина.

Было высказано мнение, что абхазы будут чувствовать себя в безопасности, если грузины арестуют тех грузин, которые причиняли зло мирному населению в Абхазии, занимались грабежом и бандитизмом.

Вместе с тем в мужских группах проскользнула идея, что возвращение уже само по себе означает, что вопрос о безопасности будет решен, так как возвращение предполагает восстановление доверия. Видимо, определенная часть беженцев считает, что вопрос о безопасности за них должен решить кто-то другой (власть, правительство, политики...). Подобное “бегство” от усилия и ответственности само по себе является выражением глубокого уровня виктимизации: жертва считает себя лишенной возможности обеспечить свою (тем более, чужую) безопасность, поэтому о ее безопасности должны заботиться другие.

Б. Что должны предпринять абхазы для обеспечения безопасности грузин.

При обсуждении данного варианта вопроса о безопасности беженцы сформулировали следующие принципы:

- разоружение конфликтующих сторон, изъятие оружия у абхазского и грузинского населения;
- взаимное прощение и взаимные уступки, призывы к братству;
- выражение толерантных установок в адрес грузин со стороны абхазской интеллигенции, учителей и лидеров;
- возвращение домов и квартир прежним владельцам-беженцам как гарантия безопасности.

Было высказано единичное мнение, что грузины будут чувствовать себя плохо, если не будут жить лучше абхазов. Надо создать такой режим жизни, чтобы абхазцы боялись грузина и чувствовали свою вину перед ним. Подобные суждения встречаются весьма редко, они осуждаются самими беженцами, однако, к сожалению, существует и такая позиция.

Беженцы связывают проблему безопасности с сохранением чувства собственного достоинства и этнической идентичности (“Возвращение имеет смысл, если не потеряю достоинства, если сохраню свое “Я” и останусь грузинкой... Хочу быть собой.” *Женщина*).

Восприятие идентичности абхаза грузинскими беженцами

Сохранение личностной и этнической идентичности – важный детерминант человеческого поведения. Когда идентичность находится под угрозой, субъект может впасть в депрессию или реагировать агрессивным протестом, может возникнуть внутриличностный или межличностный конфликт или кризис. В межэтнических и межнациональных конфликтах поиск и утверждение этнической идентичности играют далеко не второстепенную роль, порой даже являются центральным конфликтогенным фактором. Важной составляющей этнической идентичности является не только фактологическая сторона вопроса о реальной принадлежности субъекта (индивида, группы или этноса) к той или иной этнической категории, но и восприятие и признание этой идентичности другими (“внешним миром”). Т. е. важно не только то, кем я реально являюсь в плане этнической идентичности, но и то, кем меня признают, воспринимают и представляют другие субъекты, принадлежащие к другой этнической, гражданской или прочей категории. В этом плане представляла определенный интерес постановка вопроса: кем же являются в вашем представлении абхазы?

Ответы на этот вопрос разнообразны и неоднозначны:

- абхазы – независимая национальность;
- абхазы – регионально-этническая составляющая Грузии, такая же, как мегрелы, сваны и т.д.;
- абхазы – те же грузины, грузинские беженцы сами являются абхазами; абхазы – древнегрузинский этнос, а те, кто сейчас проживают в Абхазии – это апсуа, которые являются смесью апсуа, абшилов и абазгов;
- 90% абхазцев являются обобхазившимися грузинами, остальные же – северо-западные кавказцы.

Некоторые беженцы высказывали мнение, что разговор о национальной принадлежности раздражает абхазцев, следовательно, не нужно затрагивать эту тему в ближайшие годы после возвращения беженцев.

Беженцам был поставлен вопрос: даже если тот, кто считает себя абхазом – обобхазившийся мегрел, разве этого недостаточно, чтобы его национальную принадлежность определить как “абхаз”? Беженцы отвечали, что даже если такие лица грузинского (мегрельского) происхождения, именующие себя абхазами, имеют на это право, то все же беженцы относятся к ним весьма негативно по следующим причинам:

- обобхазившиеся грузины воевали против грузин с особенным ожесточением;
- они изменили национальную идентичность ради материальных и прочих привилегий и поэтому недостойны уважения.

Вопрос о гражданстве после возвращения

Абсолютное большинство беженцев – и мужчин и женщин – однозначно заявили, что возвратятся в Абхазию только как граждане Грузии. Они способны на самые разные уступки, но гражданство Грузии должно быть им обеспечено. Лишь один мужчина сформулировал относительно “некатегорический” вариант ответа: быть гражданином Абхазии в составе Грузии.

Что будет предпринято в случае невозвращения беженцев в абхазию

Беженцам был поставлен вопрос: что же они предпримут, если столь заветное возвращение не состоится. Выявилась тенденция, согласно которой мысль о невозвращении вытесняется и не допускается. Более того, беженцы весьма агрессивно относятся к тем, кто говорит о невозможности возвращения (“Возненавижу того, кто мне скажет, что возвращение не состоится.” *Мужчина*). Женщины в данном вопросе менее категоричны: многие из них стремятся, с одной стороны, обязательно вернуться в Абхазию, с другой стороны, узнать реальность, определиться по поводу возвращения или невозвращения, избавиться от пустых иллюзий и обещаний. Одновременно в женских группах прозвучал вопрос о требовании компенсации ущерба в случае невозвращения, а некоторые женщины выразили желание обосноваться в Тбилиси. Вместе с тем, женщины-беженки отметили готовность вос-

питывать подрастающее поколение в духе возвращения в Абхазию. Некоторые мужчины изъявили желание самовольно вернуться в Абхазию, если возвращение не состоится по причине политиков.

Выводы

Результаты исследования можно суммировать в следующих положениях:

- Народная дипломатия может выполнять компенсаторную функцию по отношению неразрешимости фундаментальных противоречий в грузино-абхазском конфликте на данном этапе. Компенсаторная функция заключается в установлении доверительных межличностных и межгрупповых отношений.
- Являясь наиболее уязвимой частью грузинского общества, в условиях повальной безработицы и задолженности государства по зарплатам, пенсиям и денежным пособиям беженцы из Абхазии переживают невыносимые материальные и бытовые лишения. Несмотря на социальную незащищенность беженцев, их основной целевой установкой является возвращение в Абхазию.
- Беженцы в целом положительно относятся к народной дипломатии как средству мирного решения конфликта, оптимистически относятся к виртуальной совместной жизни грузин с абхазами после виртуального возвращения беженцев в Абхазию. Однако придется развернуть большую работу среди беженцев в двух направлениях: (1) формированию в грузинском обществе адекватных социальных представлений об этнической и национальной идентичности абхазцев и (2) четкой идентификации механизмов совместных усилий грузин и абхазов в случае возвращения беженцев в Абхазию, а также доведения этих механизмов до уровня обыденного сознания простых граждан.

Литература

1. Н.Сарджвеладзе, Народная дипломатия глазами грузинского беженца из Абхазии. Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Материалы грузино-абхазской конференции, март 1999 г., Сочи. UCI, Irvine, 1999.

Вопрос. – Был ли вопрос в вашем опросе о том, как воспринимает беженцев местное население?

Нодар Сарджвеладзе. – Тема напряженных отношений беженцев с местным населением и наоборот – очень распространенная и часто встречающаяся в таких беседах. Например, тема изолированности от общества, их неприятие, какие-то помехи в жизни, то, что на них не обращают внимания, и т.д., и т.п. Т.е. существуют и латентная, и манифестируемая формы, нельзя сказать противостояния, но напряженных отношений. В Кутаиси меньше, чем в Зугдиди, но и в Тбилиси это чувствуется. Наверно, в равной степени в Тбилиси и Зугдиди. Не знаю, как в Аджарии, не проводил, но думаю, что в Аджарии это чувствуется меньше, чем в Зугдиди.

Батал Кобахия. – Обсуждался ли в фокус-группах вопрос о возможности интеграции беженцев на местах их нынешнего проживания?

Нодар Сарджвеладзе. – Вопрос о том, что будет, если ты не возвратишься, был нацелен на то, чтобы выяснить, к чему человек готов. У них моноидея – это возвращение. Обычно эта идея о невозвращении выбрасывается из головы. По поводу того, стремятся ли люди быть ассимилированными или интегрированными, их нельзя назвать репатриантами. Дело в том, что стремление «отбилиситься», стать «тбилисцем», как ни странно, но в большей степени я прочувствовал среди беженцев из Гали, которые проживают на территории ипподрома в Тбилиси. Обычно абсолютное большинство беженцев считают, что они должны вернуться в Абхазию.

Батал Кобахия. – Ставился ли вопрос о причинах их нежелания интегрироваться? Что мешает им интегрироваться в ту среду, в которой они находятся?

Нодар Сарджвеладзе. – Нет, вопрос так не ставился. Я же говорю, что для них идея интеграции связана с невозвращением. А невозвращение не допускается в голове. Я для себя эту ситуацию часто мыслю метафорически как фрейдовскую схему: есть подсознание, и оно стремится вырваться в сознание, сознание его выталкивает обратно, выбрасывает. Если оно всплывет, появится психоз. Примерно такая же ситуация: т.е. Абхазия вытесняет этих людей,

они вынужденные перемещенные лица и стремятся туда обратно, так и будет продолжаться, пока это поколение существует. В какой-то момент, если они возвратятся, вырвутся, допустим, преодолеют все помехи... Это психоз общества в целом. Примерно так я мыслю эту ситуацию.

Нателла Акаба – Мне кажется, надо было обратить внимание на то, что в абхазском сознании эти люди, о которых мы сейчас говорим, не выглядят столь однородными. Потому что есть грузины, которые жили в Абхазии с очень давних времен, и есть более новая генерация, к которой совершенно иное отношение. Не думали ли вы провести какое-то разграничение? Были ли попытки провести сравнительные беседы? Потому что те результаты, о которых вы говорите, для меня, в какой-то степени, шокирующие. Мне бы хотелось знать, есть ли какая-то разница между теми грузинами, которые переехали в Абхазию в 40-х, 50-х и т.д. годах, и теми, которые жили там с начала XX века?

Нодар Сарджвеладзе – Нет, у меня таких данных нет. Я подумаю об этом и перегруппирую людей.

Арда Инал-Ипа

О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ*

(Публикуется с сокращениями)

Я хотела бы немного сказать об образе врага и поделиться размышлениями о сегодняшнем моменте. Наш проект, как мы все знаем, предполагает не только организацию конференций, встреч и обсуждений научных статей, но и дальнейшую работу в промежутках между конференциями, которая в основном должна быть направлена на взаимодействие с обществом. Мне кажется, особенно в этом году, после встречи в Подмосковье очень многое удалось сделать и

* Заглавие доклада предлагается редакцией

грузинским участникам этого проекта, и абхазским. В Грузии было организовано несколько телепередач, посвященных абхазо-грузинскому урегулированию, которые вызвали серьезный резонанс в обществе. Т.е. взаимодействие с обществом, которого мы желаем, понимая, что оно не может быть совершенно безоблачным, гармоничным и однозначным, взаимодействие это произошло и имело дальнейшее развитие. С абхазской стороны тоже была сделана очень серьезная попытка воздействия на общественное мнение, попытка расширения круга участников миротворческого процесса. В декабре 1999 г. в Абхазию была приглашена группа ученых из Грузии. В составе той группы были Гия Нодия, Гиоргий Анчабадзе и Марина Элбакидзе. Планировались 3 встречи с общественностью: одна – с журналистами, вторая – с неправительственными организациями и третья – с научной общественностью и представителями других слоев. Надо сказать, что в Абхазии очень неоднозначно восприняли эту встречу. Даже выбор помещения был очень сложным. Нам, конечно, прямо не отказывали, но говорили, что в их помещении по той или иной причине встречу провести нельзя. Честно говоря, мы не ожидали такой реакции. Вначале одна журналистка подошла ко мне и сказала «я буду на этой встрече и хочу отразить в нашей прессе то, какой это важный шаг, я хочу в названии статьи отразить, что это прорыв в мирном процессе, процессе урегулирования, что ЦПП произвел этот прорыв». Я ее попыталась остановить и попросила дать информацию в более спокойном тоне. Но она отказалась. Через день журналистка мне позвонила и сказала: «Знаешь, пожалуй, я в другом ключе дам эту информацию. У меня был один разговор, и я поняла, что действительно это преждевременно. Я просто дам сухую информацию о том, что произошла встреча».

Надо сказать, что Батал Кобахия был первым, кто привез грузинскую делегацию в рамках процесса по имплементации Женевского миграционного проекта. Мы тогда очень гордились, что представители всех шести конфликтующих регионов Закавказья впервые после развала СССР, собрались именно в Абхазии. Конференция прошла в рабочей обстановке, были и гости из Грузии. Потом была конференция по проблеме самоопределения, которую проводил Вахтанг Хагба, на которой присутствовали несколько грузинских участ-

ников. Но все это широко не афишировалось и проходило достаточно незаметно. Встреча же с общественностью в научно-исследовательском Институте языка и литературы прошла достаточно громко, с большим скоплением людей. Были очень острые и откровенные высказывания. Мы даже немного беспокоились, что Марине Элбакидзе и всем нашим гостям будет не совсем комфортно в такой ситуации. Но они знали, на что решились, и прекрасно отвечали на вопросы, не всегда корректные, и им удавалось, не отходя от сути и не кривя душой отвечать так, что, это вызвало уважение к той деятельности, которую мы ведем совместно. Естественно, эта информация стала распространяться. Нам всем было интересно, в каком ключе все это обсуждается в обществе. Я выяснила, почему та журналистка изменила свой план, изменила настроение своей статьи. Она сказала, что один из комбатантов, достаточно влиятельный человек в обществе, сказал, что сотрудники ЦГП позволяют себе слишком многое, и он не понимает почему, приглашают людей из Грузии. И на вопрос – что ты собираешься делать с теми, кто организывает встречи с представителями Грузии, он ответил: «Я с ними ничего не буду делать, я просто соберу 2-3 тысячи человек, а они уже сами знают – что с ними делать». Таким образом, отношение к подобной деятельности в какой-то части населения было достаточно агрессивным. Конечно же, все это говорит о том, что образ врага в абхазском обществе, проецированный именно на Грузию, он еще живуч, с этим образом врага все в порядке. Софико Шубладзе рассказала о социологических исследованиях, которые проводились в Грузии по поводу образа врага. Очень большой процент людей отвечали таким образом, что в итоге получалось, что образ врага в грузинском обществе, в подавляющем большинстве, проецируется не на Абхазию, а на Россию. Может быть, это парадоксально звучит, но для меня – этот факт настораживающий. Мы реально воевали друг с другом и должны пройти тот период, когда признаем, что были врагами. Без этого признания не сможет начаться и процесс преодоления вражды. Нужно глубоко проанализировать – почему происходит такое смещение образа врага в сторону России. Мы все представляем, конечно, и роль России в этом конфликте и степень ее помощи и т.д. Видение ситуации таким образом, что на самом деле у грузинского народа враг не в

лице Абхазии, а в лице России, может происходить из-за того, что это как бы смягчает переживания по поводу неуспеха в военной операции. Потому что внутренне легче примириться с тем, что пришлось уступить более крупному противнику. Могут быть и другие мотивы. Почему я считаю необходимым разобраться в этом вопросе, почему это необходимый этап в урегулировании? Потому что мы все, так сказать, несколько образованы в области конфликтологии, знаем, что есть разные стили реагирования на конфликт. Отрицание конфликта, уход, избегание не приводит к урегулированию, потому что не ведет к необходимости анализа ситуации, к пониманию того, почему мы стали врагами. «У нас с абхазами, нет конфликта, у нас конфликт с Россией» – это отрицание реального положения вещей. С Россией тоже может быть конфликт, но другой, а война была именно с Абхазией, и образ врага должен отразить этот факт. Опять повторяю, может это парадоксально звучит, но мне кажется, мы никогда не преодолеем вражды, если открыто не посмотрим и действительно не увидим – почему и как мы стали врагами? Чем люди вдохновлялись и руководствовались, когда воевали друг против друга? Без признания того факта, что мы действительно были врагами, мы не найдем пути обратно к нормальным отношениям. Если же мы будем закрывать глаза и говорить, что не абхазы враги, а русские, то, мне кажется, далеко не пройдем. Тем более что абхазами это тоже воспринимается, как некоторое пренебрежение, неучет абхазского фактора в этой войне.

В своем выступлении Каха Беродзе сказал о том, что мы не очень быстро продвигаемся на пути гражданской дипломатии. Но, если мы не хотим ограничиваться узким кругом лиц, то должны учитывать реальное настроение людей. Если продвигаться слишком быстро, то возникает риск оторваться слишком далеко и тогда никакого влияния на общество не будет. Что касается построения новых взаимоотношений между Абхазией и Грузией. Мне очень понравилось выступление Г. Анчабадзе, я согласна, что необходим мораторий. Я считаю очень важным предложение Лианы Кварцелия, которая говорила о необходимости переходного периода. Я также согласна с Паатой Закареишвили, который говорит, что нужно начинать с нуля. Но для меня нынешнее положение дел, это не ноль. Потому что сейчас Аб-

хазия очень связана с Грузией в негативном плане. Это не ноль. Ноль – это свободное, нейтральное состояние, когда все пишешь с новой страницы. Сейчас то, что мы имеем – это вовсе не новая страница, это может быть последняя страница старых отношений, но вот эту старую страницу нужно перевернуть и начать с новой.

Я очень хотела бы, может на следующей встрече, чтобы кто-то из грузинской делегации, более глубоко проанализировал опасения грузинской стороны, связанные с признанием независимости Абхазии. Мне бы хотелось знать эту жизненную необходимость для Грузии быть именно в едином юридическом пространстве. Мне кажется, если Грузия признает независимость Абхазии, то это не грозит дальнейшим удалением Абхазии. Дальше отдаляться уже некуда. Она, на мой взгляд, во внутреннем своем движении уже очень далеко стоит от Грузии. Абхазия – это не надувной плот, который, если развязать канат, уйдет куда-то в море. Это земля, которую невозможно расколоть. Наоборот, если будет признание хотя бы де-факто того, что Абхазия независима, это приведет к тому, что абхазы выяснят, что можно восстановить, например, дорогу, что в Грузии есть ВУЗы, гораздо ближе, чем в Чите или Новосибирске, куда иногда ездят наши дети учиться, это очень неудобно и т.д. Мне кажется, это было бы точкой отсчета для того, чтобы увидеть, на самом деле, что эту землю не унесешь, она всегда будет единой, мы здесь живем и у нас много дел, которые можно делать сообща. Я слышала сегодня несколько предложений о федеративных моделях. Я приветствую эту работу, но у меня такое ощущение, что для самой Грузии эти модели предлагают очень тяжеловесный механизм функционирования государства, который затормозит развитие. Процедура принятия решений и т.д. все превращается в очень тяжелый и замедленный процесс. Не думаю, что это в интересах обеих сторон. И потом, мне кажется, политическое оформление отношений и статуса должно надстраиваться над другими, базисными вещами. Если снизу есть такое взаимодействие, то и политическое решение будет отражать это взаимодействие. Но сейчас наши стороны представляют отдельные организмы, которые может быть и смогут в будущем составить вместе что-то новое и гармоничное. Но, тем не менее, говоря образно, я не вижу, чтобы Грузия с Абхазией были

как, допустим, две части ножниц, которые функционируют только вместе, а по отдельности – это бесполезные вещи. Такого взаимодействия я не вижу. Скорее это 2 дерева или 2 книги, которые можно связать вместе и найти какую-то форму, но это будет немного сковывать и одну и другую стороны. Но я открыта к тому, чтобы увидеть этот механизм. Давид Бердзенишвили говорит, что он видит необходимость такого взаимодействия. Но я и другие с абхазской стороны, думаю, пока не видят необходимость такой политической связанности для того, чтобы пошел процесс миростроительства. Поэтому я бы просила более четко проговорить, в чем действительно заинтересованность и абхазов, и грузин в тесном сосуществовании (может быть, вы что-то имеете в виду, и вам кажется, что это очевидно, а мы никак не можем увидеть). Когда я говорила о том, что политическое объединение должно надстраиваться над какими-то другими сущностями, то имела в виду, что здесь должна быть общая культура, цивилизационная ориентация, язык и т.д. В этом смысле, мне кажется, наши сообщества достаточно разделены, они представляют две единицы, они могут объединиться, но все-таки это две единицы, а не одна разделенная. И вообще, если выбирать между формальной общностью, которой могло бы стать общее государство и реальным сотрудничеством, я бы выбрала реальное сотрудничество. Я за то, чтобы мы с большим доверием относились друг к другу и, мне кажется, через такой этап, о котором говорят Гия Анчабадзе и Лиана Кварчелия, который мог бы восстановить доверие и лежит путь к реальному сотрудничеству.

Вопрос о впечатлениях по поводу сухумской встречи в декабре 1999 г.

Батал Кобахия. – Мне всегда казалось, что у публики было раздражение и чувство фрустрации, но те, кто приехал из Грузии, не давали никому в зале шанса быть к ним агрессивными. Может быть, кто-то и хотел, но у них это никак не получалось, потому что и Гия Анчабадзе, и Марина Элбакидзе, и Гия Нодия достаточно адекватно и спокойно воспринимали ситуацию. Арда уже говорила о своем мнении, что раздражение людей было не против са-

мих гостей, а против того, что они не могут их обвинить. Этот момент был.

Марина Элбакидзе. – Как личность я не чувствовала себя объектом агрессии. Нас не оскорбляли. Они не видели в нас тех, кто, по их мнению, должен отвечать за содеянное. У нас был не тот статус. Мы для них все-таки были гостями, и это чувствовалось. Народ они тоже не оскорбляли, у меня такого чувства не осталось.

Нателла Акаба. – И еще маленький штрих. Один товарищ очень агрессивно выступил, обвинил, а закончил так: «Ну, все равно, приезжайте в гости, будем очень рады вас видеть».

Джонатан Коэн. – Мне интересно, насколько, по-вашему, реально подумать о продолжении таких встреч – готовы ли, например, наши коллеги из Абхазии посетить Тбилиси, или это еще рано? Мне интересно, потому что граница между вами в настоящее время достаточно «твердая», в сравнении с границами между конфликтующими сторонами в разных регионах мира. Между вами очень малый обмен, в сравнении с другими. Вы, может, не чувствуете этой разницы, потому что уже привыкли, более или менее, друг к другу, но для большинства в обществе это очень необычный феномен. В других конфликтующих странах границы редко такие «твердые», как между вами.

Батал Кобахия. – Я хотел бы ответить на вопрос: «Готовы ли вы поехать в Грузию?». Когда еще в 96-м году 10 грузин приехали на конференцию в Пицунду и мы молили Бога, чтобы все прошло благополучно, я не считаю, что это был особый прорыв. Я также не считаю прорывом мою или Абесалома Лепсая поездки в Тбилиси, или Руслана Харабуа в Батуми. Это был другой уровень. Ведь целью последнего декабрьского визита в Абхазию было не то, что участники встречи скажут новое слово. Целью было то, чтобы люди с двух сторон выслушали друг друга.

Манана Гургулия. – Несколько слов по поводу того, как все это освещает пресса. Абхазская пресса в этом плане очень оригинальна. Она жалуется на отсутствие новостей, но когда есть какие-то новости, она думает: «А можно ли о них говорить?». Что касается Пицундской встречи, организованной Национальной комиссией по ПЧ вместе с «Кокасус Линкс», то Национальная комиссия очень хотела рекламировать эту встречу и участников.

Каха Беродзе, – Мое мнение, что поездки друг к другу нужны и полезны. Наверно, эту тенденцию нужно продолжать. Что же касается освещения, то в Тбилиси пицундская конференция не получила большой огласки, т.е. мы ее не афишировали. Что касается освещения в Абхазии, то эта конференция проводилась в партнерстве с Комитетом по ПЧ Абхазии (при Президенте Абхазии), с Вахтангом Хагба. И организационные вопросы, и вопрос участников со стороны Абхазии в большей степени зависели от этого органа.

Абесалом Лепсая. – Насчет освещения в прессе и т.д. Дело в том, что этот миротворческий процесс, который идет среди НПО – встречи, какие-то конференции и т.д., имеющие уже давнюю историю — и наша общественность в Абхазии находятся немного в разных измерениях. Т.е. для нас эти поездки или приезды естественны в том смысле, что являются продолжением какого-то процесса, они встроены в этот процесс народной неформальной дипломатии. Нам знакомы имеющие свою историю миротворческие проекты и т.д. В то время как общественности это пока очень мало известно. Поэтому, когда какие-то грузины приезжают в Абхазию, то для нас это является продолжением уже идущего проекта и воспринимается как часть определенного процесса, для остальных – это фрагмент, выхваченный из этого процесса. Если кто-то открывает газету или смотрит ТВ и узнает вдруг, что сегодня приезжают грузины, то он не понимает смысла этого. Он не знает ни того, что стоит за этим приездом, ни какая работа была проведена до этого, он не имеет об этом представления. Этот фрагмент падает на него, и он, естественно, под влиянием образа врага начинает думать: «А почему?», начинает подозревать и т.д. Это связано с тем, что до сих пор нет хорошего освещения подобных встреч, хотя попытки и предпринимаются. Дело не в том, чтобы их как-то восхвалять. Допустим, та же публикация, говорящая, что это, дескать, прорыв, о которой говорила Арда Инал-Ипа, могла быть опубликована, но это ничего бы не дало. Нужны более подробные, квалифицированные статьи о НД, более аналитический подход. Вообще, над этим надо серьезно думать. Не столько какую-то определенную встречу, сколько сам процесс нужно больше освещать для общественности. А что касается самих поездок, то они, несмотря на все это, я думаю, нужны.

Нателла Акаба – Мне кажется, что иногда мы сами боимся освещать. Мы едем в Тбилиси, а потом боимся об этом рассказывать. Если я, например, куда-то поехала, то об этом должна честно всем рассказать. Потому что иначе не стоит ездить. Иногда бывает и другой принцип: главное – поехать, и совершенно не важно, узнает ли об этом наше сообщество.

Джонатан Коэн – Пола говорила, что по мере того, как идет программа, она видит трансформацию личностей, участвующих в этом процессе. Но пока трудно видеть более широкое влияние на общественное мнение. В самом деле, то, что было сделано в декабре 99-го года, когда Гия Нодия, Гия Анчабадзе и Марина Элбакидзе побывали в Сухуме – это уже попытка выйти на другой уровень. И действительно, чувствуется разница по сравнению с конференцией в Пизунде. Я не скажу, что это повод для того, чтобы осудить то или другое мероприятие. Потому что я вижу хорошую причину для обоих этих мероприятий. Для меня интересно, что вы говорите обо всем. Общество видит эти события, как фрагмент, поэтому, действительно, надо подумать о стратегии. Насколько люди хотят более подробной информированности общества? Или не хотят? Если хотят, то как это сделать? Как я уже сказал, я вижу, что у Пааты Закареишвили уже есть стратегия. Он хочет как можно больше убедить население в Грузии в том, чем он занимается, и по какой причине. Конечно, очень важно понимать, что политические причины для вашего личного участия в этом процессе могли быть разными. И я не хочу сравнивать его мотивации с чьими-то другими, или его видение политической ситуации с чьим-то другим. Потому что это очень политизированный вопрос. Все зависит от внутренней политической обстановки и вашей личной ее оценки, личной мотивации, стиля работы – почему вы этим занимаетесь, и как, и т.д. Тем не менее, очень важно подумать о том, как вы хотите сообщать о вашей работе после таких встреч.

Но я хотел спросить о другом. Я верю, что такие встречи очень важны – нынешняя встреча, например, или недавняя в Шляйнинге, или встречи в Сочи, или в Брюсселе и пр. Но кое-кто говорит, что нужно устраивать встречи уже в самом регионе. А о нашей встрече в Шляйнинге мне уже многие говорили: зачем тратить так много де-

нег на билеты для десяти человек, не лучше ли сделать то же самое в Пицунде или Гудаури, или еще где-то. Это, действительно, хороший вопрос, но тем не менее, мне кажется, что пора думать, насколько это возможно или реально – проводить такие встречи в регионе. Я, например, сейчас работаю над следующей встречей в Шляйнинге. Это показатель того, что для меня по-прежнему важно устроить там эту встречу. Но, тем не менее, есть сильные аргументы за то, чтобы провести встречу в регионе. Вот мне и интересно, насколько, по-вашему, это возможно, и не только возможно, это вопрос не только возможности, а желания и стратегии.

